

Людмила Салагаева

Чей-то зов...

Рассказы

16+

Людмила Салагаева

Чей-то зов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56343435

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге «Чей-то зов...» автор повествует о своём жизненном опыте, о том, как на его основе формировалось отличное от других особенное мироощущение. Трудные времена привели её ещё в детском возрасте к осознанному постижению окружающего. Дружная семья, несмотря на ежедневные тяготы, была её опорой и поддержкой, – так рождался её мир вперемешку с мечтами, где в судьбах встреченных людей она искала ответ на вопросы: есть ли тайна жизни? Как она мной управляет? Кто я есть?– В этом магия прозы Людмилы Салагаевой, в которой самые разные истории образуют большую реку под названием Судьба. Многолетняя журналистская деятельность, путешествия, поражающие географической масштабностью: от нищего шахтёрского посёлка Черта в Кузбассе, до Эвенкии, Енисея, Ферганской долины, до таинственной Монголии, прелестной Италии жизнь-качели постоянно давали автору впечатления разного свойства. Из них, вот таких жемчужин, Людмила Салагаева и создала ожерелье своих рассказов. И все они поют Гимн Жизни!

Содержание

Эхо детства	5
Часть I. Эхо детства	7
Благодатное небо	7
Жизнь тайна	13
Миг в вечности.	24
Гришаня-ангел	28
Дядя Фёдор, податель жизни	32
Лучше нету того цвету	38
Тимофей и Ася	43
Ты нам всякая мила	62
Станция Мереть	71
Этта штоо же такое...	78
Встреча со словом.	89
Любовь навсегда.	93
Нескончаемое путешествие	108
Часть II. Всё лишь случается	110
Фуга	110
Связь вещей.	115
Люби то, что есть	121
Бесаме мучо	132
Куда она делась	139
Эпизод из жизни доктора	167
Капкан.	186

Чашка кофе и не только	197
Стефано из Субасио	214
Ложь в моей жизни	240
Час синей птицы	245
Миражи Монголии	251
Открой свою дверь	264

Людмила Салагаева

Чей-то зов

Эхо детства

Случился день обыкновенный.

Картина бытия проста.

За стёклами белейший снег и тишина.

Спит кот, уткнувши нос в улитку из хвоста.

Всё хорошо.

Под низким зонтиком небес

Колокола плывут и нежат душу.

Горячий яблочный пирог поёт о лете,

О белом облаке цветов в пуссетах пчёл.

Все хорошо.

Как сонный шмель, перетекает

Неспешно время надо мной,

Объединяя прошлое, сегодня и потом – в одно,

Чтоб насладиться новым смыслом жизни.

Все хорошо.

Да только еле слышный ветер

Принес издалека чужую боль и чей- то зов...

Часть I. Эхо детства

Благодатное небо

Моё воображение видело любимицу-бабушку наподобие Божьей Матери. Стоит она на облаке, от неё светящиеся лучи идут. Икона такая у бабушки Арины была, называлась "Благодатное небо". Призванная "подавать Покров Свой и защищение", она через много рук прошла по женской линии и досталась ей после смерти матери. Родственники, принявшие сироту, освободили для святыни место в Красном углу напротив образа Иисуса Христа... Башкир, так его все звали, жил по соседству, считался фигурой знатной. Коневод. Конский заводчик. Не чета бедным родственникам, пристроившим Арину к своим детям нянькой. Говорили, что он родился на коне и тем предрек себе судьбу.

Мать его, будучи на сносях, отправилась верхом на лошади к мужу на отгонное пастбище с пасхальным куличом. История закончилась хорошо. Верная кобыла славно помогла: быстро и бережно доставила роженицу к людям. Родившийся среди степных скакунов мальчик вместе с запахом лошадиного пота, получил любимую игрушку на всю жизнь. Говорили, что, набравшись у лошадей повадок, он и сам стал походить на норовистого коня.

Коников своих любил до умопомрачения, сам их выпа- сал, лечил, сохранял чистоту породы, состоял при них неот- лучно. Добрая слава им цену назначала и покупателя приво- дила. Это его заслуга.

Внешность Башкир получил даром. Но тоже от мастера и непростого: всё в нем тонко вырезано и отточено, избыточ- но будто бы, а красиво! Вот ноздри... Для чего тут красота? А они у него играют не только при жизненных смятениях. Губы и вовсе: изгибы волной, а каёмочка слегка вывернута, в уголках точки – вроде завершения, и столько в них чер- товщины... Глаза открыто так смотрят, будто ты ему близ- кий. Так это всего лишь фотография...

После смерти жены в родах осталось трое детей, они его тяготили, надо было за домом и нянькой присматривать, а сердце рвалось к любимцам.

Мою бабушку высмотрел, как выбирал лошадей. Особая стать, лёгкая походка, тонкие лодыжки и запястья – ладные и крепкие; миловидное лицо и покладистость – всё в ней соединялось таким образом, что он загорелся овладеть со- кровещем. Дело оказалось нетрудное. Родственники уже по- думывали, куда пристроить бедную. Рановато, правда, всего четырнадцать лет... Но фарт дважды не бывает...

"Благодатное небо", завёрнутое в расшитое полотенце, невеста как приданое, принесла в новый дом. Так Арина ста- ла хозяйкой подворья и кормилицей детей Башкира, а через год родила сына. Случилось это в лихолетье революционной

бури.

Докатившись до сибирского захолустья, волна разбоя сметала всё на пути, бывало, ради одного куража. Революционеры хлестали самогон как воду. А упившись, забывали с кем и за что воюют. Бесчинствовали напрадалу.

Башкир со своим табуном засел в глубине крутолобых, заросших лесом сопок и носа не высовывал, знал, что на его лошадок положили глаз все проходимцы: и красные, и под видом их, кружившие в поисках поживы вокруг села. Говорили- мол то тут, то там Башкир побывал, однако, он уже месяц порог дома не переступал.

Молоденькая жена, выстаивая на коленях предрассветные часы перед иконой, молила подать “защитение”, помиловать и сохранить мужа. Просила горячо, как за любимого, хотя эту самую любовь почувствовать не успела – виделись они редко и говорили мало: ему сорок, она – девчонка.

К тому же он был молчуном. Его поговорку "слово-олово" слышали те, кто вел с ним дело, и побаивались скреплять договор таким образом, знали, не выполнишь – достанет, где бы ты ни был; сам слову не изменял.

Хоронилась в нём такая нутряная сила, магнетизм, в нынешнем лексиконе харизмой обозначенная, что всякий, кто рядом оказывался, становился с ним заодно. Может, таким Спартак был или Суворов. Только он вряд ли ими интересовался. Он сам по себе...

Однажды ложно предсказали, будто собирается Башкир

поутру своих навестить. Лиходеи и нагрянули. Арина только подпол открыла картошки набрать, и тут стук, гром, дверь с петель – и в хате орава мужиков с ружьями наизготовку, с красными лентами на скособоченных шапках, рожи, перепоем раздутые, самогоном разят.

Один на неё ружье наставил:

– Где Башкир?

А другой, какого-то звука испугавшись, в белый свет выстрелил. Арина, потеряв сознание, рухнула в погреб. Ребёнок в люльке зашелся в крике, другие дети, трясаясь от страха, твердили:

– Батьки нет дома!

Соседи, выждав, пока бандиты уберутся, вытащили полуживую Арину из ямы. Тут-то приключилась с ней падучая в первый раз. И после, до самой смерти, раз в неделю оказывалась она во власти силы, уносившей её прочь из этого пугающего мира.

Мужа своего, Башкира – Дмитрия по церковной записи, Арина живым больше не видела. Увёл он свой табун в Монголию, оставил там под "слово-олово" знакомому коневоду. А когда возвращался, не избежал преследователей. В завязавшейся перестрелке все патроны послал, не промахиваясь, а последний оставил себе, и тоже попал точно.

При нём нашли мешочек с золотыми монетами царской чеканки и радовались, разбирая. Один революционер был из местных – конюх, отлученный Башкиром за разгильдяйство.

Ему достался славный кисет, шитый золотом. В том кисете оказался потайной карман, а в нём черно-белая фотография. На ней: Башкир в обычной одежде, в какой лошадей объезжал, в руке хлыст, рядом любимая лошадь Краса, перед ним детишки стоят и круглыми глазами смотрят, а Арина с младенцем к плечу его прислонилась. По белому внизу крепкой рукой написано: "Моя семья."

Человек этот, спустя время, в Прощёное воскресенье принес вещь вдове. Был он сильно трачен жизнью и чем-то напуган. Не захотел рассказать, как все там было. Она приняла с благодарностью фотографию и кисет, сказала, что прощает.

Кисет, как водится с дорогими вещами, был определён под защиту иконы, спрятан за неё в самый угол. А фотография долгие годы стояла рядом с ней.

Однажды, осмысливая доступную мне историю кончины деда Дмитрия, я спросила бабушку:

– Почему тебе "Благодатное небо" не помогло. Ты же молилась, просила...

– Богу лучше знать, кому что давать, – ответила бабушка мягко.

Сняла с божницы фотографию:

– Прочитай, что дедушка написал.

С трудом разбирая прописные буквы, я произнесла: "Моя семья".

– Запомни. Вдруг карточка потеряется. На ней ответ на твой вопрос. Вырастешь, поймешь.

Выросла. Поняла. И отнесла в разряд чудес этот поплавок человеческого существования.

Жизнь тайна

С тех пор как появился способ передачи мыслей закорючками-символами, истина, явленная тебе, может быть передана другим или сохранена до лучших времен. Отчаявшись быть услышанными и понятыми близкими, люди во все времена избирали в собеседники пишущее средство и любую поверхность, где можно запечатлеть опыт жизни, игру разума.

Точкой отсчета могут быть наскальные изображения в глубине пещеры Альтамира и Ласко, "Газетный камень" штата Юта, тысячелетиями хранящие тайну создавших их летописцев. Абрис изящной женской руки – привет, дошедший через века!

Эстафету чудесной коммуникации подхватила великая царица Иштар, однажды доверив глиняным дощечкам бурю своей жизни. Откровения бесподобной духовидицы из 12 века Хильдегарды Бингенской – подарок всем нам, вдохновляет современных ученых на новые открытия.

Сколько их, подённых записок кануло в Лету, истлело, было разобрано заботливой природой на мельчайшие атомы. И не имеет значения, запечатлены ли эти искренние монологи на каком-то вещественном носителе или, однажды высказанные, остались достоянием эфира, – они существуют все-

гда. Ведь всё сотворятся мыслью.

Где-то рядом кружат тайные знания, иные реальности, созданные множеством людей. Они будоражат, зовут включиться в хоровод. Невидимый мир очень близок – именно оттуда приходят нужные, правильные ответы, поддержка, проблески истины. С нами делятся великие и безымянные мыслители. Благодаря им мир расширяется.

Самая незатейливая история жизни также важна для сущего, как грандиозный миф о Клеопатре. Ведь Творец проживает её вместе с нами. Жизнь каждого – Его произволение. Зарисовки – это сохранённые рассказы близких, несколько тетрадок мамы и бабушки, повествующих о некоторых эпизодах жизни, которые никому другому доверить невозможно.

Дневник вещь особенная. Тонкость чувств женщины и способность к открытости превращает карту души в живое пространство. Я собрала воедино эти опыты, в которых ведётся рассказ, и не больше-не меньше как о Тайне жизни!

А что?

Каждый приходит однажды к этим вопросам:

ЕСТЬ ЛИ ТАЙНА ЖИЗНИ? КАК ОНА МНОЙ УПРАВЛЯЕТ? КТО Я ЕСТЬ?

Мне три года, я стою между грядок огорода маленько-

го шахтёрского городка в Кузбассе. Только что прошёл холодный дождь. Как армия воинов, вокруг выстроились темно-зелёные картофельные кусты в крупных дрожащих каплях. Холодно до пупырышка.

И вдруг что-то происходит. Теплеют руки, свет меняется с тёмно-зелёного на изумрудный. Картофельный куст как будто встрепенулся. Там, в середине, куда я неотрывно смотрю, медленно раздвигаются острые лепестки, открывая фиолетовое нутро, в центре которого загорается оранжевая точка.

На моих глазах распускается цветок! Боже, до чего он восхитительный! Стою и смотрю... смотрю... Он мой! Я знаю, что мне послал его Бог, и горячо благодарю, не зная имени, не представляя в образе. Просто благодарю и плачу. Теперь тепло охватывает меня изнутри и снаружи, радость танцует в теле. От цветка невозможно оторвать взгляд. А вдруг произойдет что-то ещё?!

Глядя на цветок, твержу себе, что оказалась здесь по ошибке и скоро вернусь Домой. Это "домой" представляется лучезарным пространством, где меня обнимают любовь и безопасность. А реальный дом, огород, холодный дождь – отодвигаются как страшный сон.

Не раз в течение жизни, в самые трудные моменты, уверенность, что скоро вернусь Домой, приходила мне на помощь. И тогда всплывали в памяти неясные картины таинственного благостного мира, для которого я – своя.

Дымный грязный городишко, окружённый вынудой из недр земли породой, утыканный черными хибарками с крохотными огородиками, где не всегда поспевала картошка, а морковь съедалась в состоянии мышинных хвостов, был местом, где я жила.

Обычно меня окружали крикливые, злые, с вечно торчащими огромными животами женщины. Они всегда что-нибудь в спешке делали и проклинали младенцев, вызывающих недомогание. Родившиеся требовали к себе много внимания и назывались "лишними ртами". Небо, проливающее холодные дожди, не знало отдыха. Всё лето крупные капли сливались в огромные лужи и бегущие по глинистым колеям мутные ручьи. Люди бродили мрачные, трава не росла. Все жильё пропахло сыростью. Это была моя родина.

Вам случалось видеть шахтёрские поселки с отвалами дымящейся породы? Они называются терриконами. Если вы ничего не знаете об аде и тамошних пейзажах, вот они – перед вами. Уродливые конусы и сегодня высятся в степях Донбасса, Кузбасса, на Земле Франца Иосифа – везде, где победоносная поступь Советской власти находила дешёвые для извлечения полезные ископаемые, интенсивно их разрабатывала и после бросала разверстую рану на теле земли, устремляясь к другим "кладовым природы".

Как можно больше взять! Уничтожить! Отчитаться! Разбазарить! Отправить куда-нибудь сгнивать за ненадобно-

стью. Получить из рук очередного вождя под звуки Гимна ордена и медали, а заодно хрустящие бумажки-облигации вместо денег, которые так и истлеют ненужным хламом.

Жили и работали по-стахановски, напрягая тощие жилы. Спешили, мельтешили, ходили строем с красными бумажными розами на демонстрации, орали во всю глотку "Слава товарищу "имя рек"! Мечтали о коммунизме, который объявили раем на земле.

Ну как не отдать последние силы и последнюю рубаху! Свою жизнь, в конце концов! Если через десять лет всё сказочно изменится. И как верили! Хором. Во сне и наяву. Глядя во все глаза на Членов Политбюро – Ум, Честь, Совесть нации, трепетали перед ними, рвались в Партию – в Храм для посвященных. Как личную трагедию, как отверженность воспринимали отказ о приеме в священное братство.

А пока терпели, даже не имея возможности купить уголь для своих печурок, который сами бесплатно добывали, работая по двенадцать часов в опасных забоях, не укреплённых как надо из-за экономии средств. И нередко гибли целыми сменами.

Жили в грязных лачугах, плодили детей, болели, лечились, как прежде, у народных знахарок. Делили каждую крошку хлеба на клеёнчатом столе, питались затирухой из отходов муки, сдобренной каплями горького конопляного масла, дроблёным горохом, да мёрзлой картошкой, у кого

она сохранялась в сорокоградусные морозы. Так шествовал социализм, победивший фашизм в жуткой войне.

По склону горы, окутанной лентами удушливых дымов, ползет вверх гружёная вагонетка. Там её опрокидывают, и порода вместе с кусками случайно попавшего угля катится вниз. Уж не знаю, куда смотрели техники по безопасности, но по этой горе карабкались люди из ближайшего поселка и собирали(воровали) уголь для своих печек.

Рука в руке ползём мы по шевелящемуся склону. Тепло в доме всецело зависит от нашей с бабушкой удачной "охоты". Гора в сизоватом дрожащем мареве, в недрах тлеет уголь, воспламенившийся от удара, повсюду угрожающие красные пещерки адской кочегарки.

Гарь ест глаза, першит в горле, из-под ног то и дело срываются камни и с грохотом летят вниз. А ты лезешь и зорко высматриваешь чёрные, блестящие. Больше всего их в новой порции, выплюнутой чугунным чудищем. Надо всё время быть настороже, чтобы летящие снаряды не сбили тебя, уклоняться, отскакивать...

До прихода новой вагонетки – передышка, тут уж не зевай – ищи. Нам везёт, угля попадается много, и он крупный. Бабушка Арина, раскрасневшаяся от жара и наскоков опасности, крепко берет меня за руку:

– Ты молодец, страх поборола, бабушке помогла.

На верху горы воздух сладкий, небо близко. Вот бы оторваться и полететь!

В свой маленький, вросший в землю домишко, мы возвращаемся победителями. Чумазые, часто с небольшими ожогами на руках и коленках, с опалёнными волосами, ресницами мы несём полные вёдра добычи: бабушка – большое, я – маленькое.

Черно-белая фотография семилетней девочки являет удивление и протест. Это выражение запечатлелось навсегда и было заметно в 17-, 25- и даже 40-летнем возрасте. Я не могла принять мрачный мир непонятных вещей и упорно надеялась вернуться Домой.

Неужели и вправду бывают ошибки?

Как бы там ни было, я жила и осваивалась с новыми реалиями. Трудности роста преследовали меня, но давали шанс на продолжение жизни. В три года я победила воспаление лёгких, а маленький братик ушёл на небеса, несмотря на все старания бабушки Арины.

В ту ночь, на столе, покрытым лоскутным одеялом, мы с братом лежали завернутые в тёплые старые шали, как две личинки, ждущие развязки. Тусклая лампочка на длинном шнуре слегка колебалась, наподобие маятника, от горестных вздохов – претворяя рисунок борьбы со смертью.

Всю ночь ворожея творила молитвы над чашей с водой, но к утру, обессиленная, тихо и виновато сказала матери:

– Не жилец Сашенька.

Я видела усталые лица, их немую просьбу о помощи, видела, как из братика ушла жизнь, он стал чужой.

И тут последовало событие, прервавшее плач двух женщин. В открытую форточку со стороны улицы просунулся железный прут с крючком и сдёрнул платье, висевшее на гвозде возле окна. Это платье было единственной одеждой, в которой мать ходила на работу. И теперь оно исчезало на глазах. Послышался восклик и шум шагов убегающего человека.

Женщины замерли. Когда бабушка опамятовалась, перекрестившись, сказала:

– Он, бедный, порезался о стекло и сильно поранился, вся рама в крови. Мама перевела взгляд на маленькое неживое тельце и громко разрыдалась.

Мой паровоз, пытая, миновал злополучную станцию. Во мне промелькнула кратковременная радость жизни и перешла в сон, спрятавший меня глубоко-глубоко в центре Острова. Вокруг невообразимо далеко простиралась гладь абсолютно спокойных вод.

* * *

Вместе с раскрывшимся цветком выздоровление стало

началом моей личной коллекции ТАЙНОГО, которую я хранила и умножала, но никому не говорила о ней до сегодняшнего дня. Уже тогда, в совсем раннем детстве, впервые после смерти братика, меня интересовало, в чём тайна жизни, и кто ею распоряжается.

Как и все маленькие дети, я была очень любопытна... Неведомое сотрясало меня. Нетерпение получить ответы немедленно заставляло включаться в разгадывание секретов. Ждать не было мочи. Вся неуёмная энергия и жгучий интерес так подогревал исследовательский дух, что подглядывание, подслушивание стало самым обычным делом. Иногда приводило к курьёзным случаям.

В маленьком огорожке среди двух старых берёз с вороньими гнёздами наверху, стоял чёрный сруб колодца, с воротом и деревянным ведром, вроде глубокого корыта. Все соседи брали из него воду. Однажды я взялась проверить колодец, узнать, что таит его тёмное нутро со скользкими брёвнами сруба.

Мне захотелось спуститься немножко пониже, чтобы изнутри посмотреть на небо. В вóрте была затычка, которой можно было регулировать длину верёвки. В свои четыре года я уже освоила это. Спустив её примерно на мой рост, я закрепила штырь и спрыгнула в деревянное корыто.

Видимо не туго вставленный, он сорвался. Я мигом очутилась на дне колодца. Бадья погрузилась в холодную воду и остановилась на твёрдом. Наревевшись и отдышавшись, я

вычерпала привязанным ковшиком воду, и принялась изображать, как выбраться из заточения. Ничего не придумав, решила ждать первого, кто придёт к колодцу.

Становилось невыносимо холодно и страшно, а когда я увидела, как извиваясь и ловко обходя осклизлости, прямо на меня спускается метровый уж, стала ждать, что он будет со мной делать. Вообще-то я его назвала змеёй, ужей еще видеть не приходилось.

Страх заставил меня кричать так громко, что я скоро охрипла. Подумала – может быть змеи вообще не слышат. Блестящее животное прикикло к воде, а потом извиваясь залезло в корыто и улеглось у моих ног. Казалось, я сейчас умру, меня не станет, но круглая верёвка, в которую превратился уж, не двигалась, словно он застыл.

Успокоилась и я, только дрожала мелкой дрожью. Страх было сколько угодно: глубокий колодец, холод, змея, а я всё еще живу. И тогда я решила: наверно буду жить, если до сих пор не умерла. Только от змеи отодвинулась и сжалась на всякий случай.

Теперь мне только и оставалось, что смотреть на небо, по которому проплывали пышные облака, похожие на замки с садами из белого мороженого. Пока наконец, знакомый бабушкин голос не произнес угрозу, приберегаемую на крайний случай:

– Выдеру как сидорову козу.

Уже через минуту мы вместе с ужом грелись на кры-

лечке, меня переодели в тёплую кофту.

Жизнь, лишённая опасности, была удивительна! Однако победа над собой, над своим страхом долго не давала мне заснуть в эту ночь.

И казалось – кто-то невидимый улыбался вместе со мной. Невидимый стал ещё одной моей тайной.

Миг в вечности.

Путь от роддома до нового места жительства, на соседнюю улицу, маленькая путешественница проделала у бабушки на руках. Тихий тёплый день бабьего лета шелестел жёлтыми листьями. Шмели шастали по ярким головкам чертополоха, качались на последних цветах девясила. Ушедшее лето выбросило на прощанье шлейф запахов из цветов и трав, направленный тоненькой нотой земли, принявшей в себя созревшие плоды, оберегающие до поры новую жизнь.

Умиротворение снизошло на всякую тварь, и дерево, и камень. Небо было синее, облака стояли высоко и рисовали стадо послушно бредущих овец.

Ангельское лицо широко раскрытыми глазами смотрело на небо. Атласная, как лепестки нежнейшего цветка кожа, соприкасаясь с мягким светом осени, на глазах розовела.

– Посмотри, посмотри, откуда явилась, – одобрила бабушка Арина и повернулась к молодой женщине.

– Надежда, дюжишь? Скоро дома будем. Отдохнешь, травками отпою и кровушку восстановим.

Тихо звякнул колокольчик на калитке. Обе сопровождающие малютку женщины, светились любовью, и несли себя бережно, словно что-то могли расплескать. Заросли оран-

жевых настурций заполонили дворик. Чтобы не сломать их хрупкие граммофончики, приходилось ступать очень осторожно.

Новорождённую внесли в дом как королеву. Бабушка возвестила:

– Вот она.

В горнице, у накрытого стола, стояли нарядные родственницы: сестра бабушки Арины – баба Маша, сестра роженицы – Зоя.

– Милости просим! – сердечно пригласила бабушка Арина, глядя на крошку и укладывая её на кровать.

Дитя всё так же внимательно смотрело перед собой. Женщины окружили белый свёрток и старались уловить в лице ребенка знакомые черты.

Малютка неожиданно широко улыбнулась. Улыбнулись и женщины, заговорили разом.

– Пригожее дитя.

– Очень осмысленный взгляд.

– Глазки красивые с обводочкой.

– Вот и я говорю, что милая девочка, – поддержала бабушка Арина.

– Надежда, тебе глянется имя Людмила?

Стали обсуждать имя, вспоминали Людмил из своего окружения.

Малышка ощущала тепло, покой, как в материнской утро-

бе. Её всё ещё баюкала музыка оставленного мира.

Однако здесь долго не понежишься: всколыхнулся воздух, и рядом появился живой клубок. Вместе с ним перемещалась напряжённая энергия.

Настороженное облако неслышно втягивало выдохи грудничка. Новый жилец определённо был своим. Впереди приятное знакомство.

Тепло и запах обнюхивающего существа не совпадали с материнскими. Маленькое тельце ответило проснувшимся страхом. Девочка сморщила носик и заплакала.

Родственницы разом повернулись на плач. Кошка, завершив круг, и уловив внимание к себе, поняла, что ничего хорошего оно не сулит. Мягко спрыгнула с кровати, равнодушно обогнула ноги стоящих, потерлась слегка. А потом, улыбаясь от удовольствия, устремилась на улицу.

– Ишь, лыбится Мурка, товарища по играм учуяла, – заметила баба Маша.

Зоя тихо ойкнула:

– Гляньте, цветок распустился.

Женщины потянулись к пунцовому цветку китайской розы, от которой несколько лет не было проку.

– А может это подарок дитю нашему, – истолковала бабушка Арина.

Все вместе освободили малышку от пелён, рассмотрели ручки, ножки, погладили животик. Завернув в тонкую пе-

ленку, искупали в цинковой ванночке с запаренными листиками череды, бережно поддерживая головку и поливая тёплой водичкой. Она блаженно щурилась и не плакала. Принимая мокренькую на белые пухлые руки, баба Маша сговаривала:

– С гуся вода, с ангелушечки худоба.

– Нынче всё больше девочки рождаются, – задумчиво поделилась баба Маша.

– Если девочек больше, война скоро закончится, – после долгого вздоха откликнулась бабушка Арина.

– А ты откуда знаешь? – просияв, с надеждой спросила молодая мать.

– Так от века ведется, – тихо откликнулась бабушка.

Ребенка передали матери на кормление и уселись за стол.

Наполнили гранёные стаканчики. Не сговариваясь и не чокаясь, первую выпили за своих погибших мужей, все были вдовы.

Похоронка на отца малютки лежала за образами. Её доставили в день рожденья девочки. Надежде решили пока не говорить, чтобы не сгорело молоко.

Шел 1943 год.

Гришаня-ангел

«Гнилой угол» упирался в ржавый забор рыбцеха. Провонявший рыбой и водорослями, он был позором нищего поселка. Зато самым посещаемым местом. На бугре стояла поселковая лавка, куда заглядывали проезжавшие автомобилисты. За ней кусок моря с мокрыми лбами скал – пристанищем сивучей. Морские мигранты приплывали сюда в мае и терпеливо ждали гигантской трапезы – появления косяков горбуши и кеты.

Напротив магазина, на отвоеванном у берега пяточке, где слой песка за полстолетия был утрамбован ногами живущих, едва возвышалась почерневшая развалюха – мало похожая на человеческое жильё, но обитаемая. Здесь жил мальчик-ангел. На вопрос, сколько лет, он, лучезерно улыбаясь, показывал четыре пальца.

Приветливое лицо в обрамлении выгоревших нестриженных кудрей, в длинной рубашончке – сестринской кофте, босой – он обычно встречал вас на лужайке из аптечной ромашки, чудом уцелевшей от колёс автомобилей. Может, и уцелела потому только, что лепилась к самой стене под окном вросшего в песок домишки.

Гришаня сидел на траве с лохматой собачонкой, разглядывая на солнце янтарики, найденные этим утром. Кто бы

ни останавливался у магазина, Гришаню окликал. Его нельзя было не заметить, как нельзя не увидеть радугу прямо перед тобой. И хотелось задержаться, посмотреть, поудивляться.

– Вишь какой! Чистый ангел!

Угощали лучшим, что было припасено.

Наступала минута – хриплый голос через окно звал Гришаню. Следующий момент: с зажатой в руке денежкой мальчик спешил в магазин. Обычный мамкин заказ: сигареты и бутылка пива. Жил Гришаня для мамы Зины – приносил ей опохмелку и курево. Для сестры Ларисы – собирал её разбросанные вещи и вместо неё топил печку. Со всеми делился угощением. С Шариком, другом, спали обнявшись, собирали выброшенные морем янтарики и полезную еду: водоросли, маленьких, не справившихся с сильной прибрежной волной крабов, осьминожек, мидий. Иногда копали червей для рыбаков и, сидя на высоком причале, подолгу молчали...

Продавщица Клава, всякий раз глядя на Гришаню, расстраивалась. Бывшая комсомолка в ангелов не верила. Но встретила – и узнала. И так полюбила своей простой душой, что стала просить никчемную Зинку отдать ей Гришаню на воспитание. Хорошенько напившись, Зинка прямо в магазине расцарапала продавщице лицо («морду!» – так она кричала) и бушевала час за закрытой дверью, вытолкав покупателей.

– Сама попробуй роди, да тогда и отдай кровинку свою! – разорялась она визгливо.

Считая, что этого мало, раскочегарившаяся Зинуля грозила Клаве кулаком, изображала лицом страшные гримасы – угрозы, обозначая своё превосходство. Натешившись, заснула на берегу в полуистлевшем старом баркасе, наполовину затянута песком.

Как-то Зинуля собралась в город выпросить у бывшего мужа денег на выпивку и дочери Лариске на поступление в медицинский колледж.

– Не ждите! Ночуйте без меня! Завтра вернусь! – крикнула она на бегу, стараясь успеть на автобус.

Три молодых браконьера из соседнего городка, Шурики – так их звали в поселке, впервые дорвавшись до лёгкого заработка, выпотрошили ночами несчётное количество горбуши в малой речке и сбывли удачно пятьдесят килограммов икры. Уже сутки они отмечали на берегу успех водкой «Медведь Шатун» с крабами. Их сытые и отравленные большим количеством алкоголя и белка организмы бушевали, как перегретые котлы, и хотели освободиться от яда. А потом... ну, «этого самого». Захлопнувшаяся за Зинулей дверь автобуса была спусковым крючком «этого самого». Промелькнувшая идея четко рисовала действия.

Они зашли в магазин, купили «Казёнку», рассовали по карманам. Лариса, четырнадцатилетняя дочка уехавшей Зинули, ещё спала и гостям не обрадовалась. Гришаня с Шариком носились по берегу.

Шурики, где напором, а где вроде как дружеской шуткой,

заставили девочку приготовить еду. За столом расположились по-хозяйски, ели и пили долго. Лара пить наотрез отказалась и ушла во двор стирать бельишко.

Темнело. Гришаня с Шариком всё ещё не появились. Девочка зашла в избу за курточкой, и тут же вырубился свет. Кто-то грубо схватил Ларису и потащил внутрь. Ее крик преврала грубая рука, пропахшая рыбой. А потом настал ад, конца которому не было.

Вбежавший в дом Гришаня с ходу был заперт в сенях на щеколду. Его обессиленные крики «Лара!.. Лара!..» растворились в топоте ног, матерных выкриках и пробуксовке застрявшего в песке грузовичка. Запах бензина, треск сухой древесины... Пламя заплясало, цепляясь за выступающие венцы.

Ещё миг – и оно заключило старый дом в гибельные объятия. Неожиданно Шурики ринулись в избу, вспомнив про забытую сумку с деньгами... Через минуту рухнула крыша. Облако пыли с обломками сильный ветер потащил в море.

Связанная веревкой и брошенная на мокрые сети в грузовике, Лара увидела взметнувшееся пламя. В небе расцвел огромный красный цветок их дома. Всё, что оставалось в ней живого, чувствующего, исчезло. Кроме глаз, прикованных к огню. Очень высоко из пламени вырвалось светлое облачко. Это Гришаня-ангел возвращался в свои пределы.

Дядя Фёдор, податель жизни

В этот день мама припаздывала с работы, и мне пришлось кормить ужином хнычущую сестрёнку. От дела отвлёк негромкий стук в дверь, обычно соседи входили без предупреждения. Тётя Паша мышкой шмыгнула через порог, а потом растерянно и суетливо мыкалась по кухоньке и, запинаясь, проговаривала:

– Ты, это, не пугайся... мамку твою с кровотечением в больницу привезли ... Говорят, без сознания.... Плоха. Медсестра шла мимо проулка... Сказала. Велела всем язык за зубами держать, доктор приказал. “Криминальный аборт”, – страшным шёпотом в самое ухо без запинки выговорила она, и взглянув на моё недоумевающее лицо, добавила, – запрещшшено это делать, аборты- ребёночка из себя выбрасывать. В тюрьму за ето полагается.

И громко заплакала. Детей у соседки не было ни своих, ни приёмных.

– Где наш артис-дуролом? – Это она о пьяном отце. – Эвон, грядку бодает, эт надолго. Надо тебе к мамке. Мало ли чево может случиться. Иди, а там спросишь, где она лежит.

– А что может случиться?!– выкрикнула я, прозрев самое худшее.

– Может – надвое ворожит, – уклонилась тётя Паша, осо-

знав, видимо, преждевременность своих предположений. – Иди, не мешкай, я управлюсь тут. Лиду покормлю, козу из стада встречу.

Неверными движениями, торопясь, я укладывала в дерматиновую потрескавшуюся сумку ночную рубашку, стыдясь её латанности, гребешок, носовой платок, полила хлеб конопляным маслом.

Дядю Фёдора, врача, я знала по маминым рассказам: однажды он уже вытащил её из беды. В женских разговорах имя его произносилось с горячей благодарностью.

Государство восполняло миллионы погибших драконовским указом – запретом абортс медицинским способом и лишением свободы за подпольный. Сажали без жалости и женщин, и врачей, часто по одному доносу. Адрес подпольной повитухи Ксении, обладательницы стального крючка, хранился в страшной тайне. И существовал пока. Хотя некоторых, чьё имя ещё помнила молва, эта "помощь" отправила на тот свет.

Вытащившие "счастливый билет", часто на грани жизни и смерти, с кровотечением, а то и заражением крови, оказывались на операционном столе дяди Фёдора. Случалось, и не один раз, призывая всё своё умение, отстаивал он жизнь какой-нибудь матери семейства, рискуя своей.

Доктор, хоть и жил в соседнем переулке, домой ходил редко, в больнице-безвылазно. Роды принимал, оперировал и

приём там же вёл. В нем всё было большое: тело, голова, руки, ноги, лицо с резкими чертами. Даже видом своим он внушал доверие. Рассказывали, что врач был смелым до дерзости, как и полагается божеству, способному вернуть человеку жизнь. Спасённые ставили за него в уцелевшей церкви свечки и поминали в ежедневных молитвах.

И вот стою я, семилетняя девочка, насмерть перепуганная, на деревянном крыльце больницы, а он, держа мою руку – палочку в своей и поглаживая другой, гудит тихонько:

– Мамку твою я вылечу, не бойся, обещаю. Кто будет спрашивать, – астма, приступ, поняла? А лучше помалкивай. Умеешь молчать? Так надо для мамки твоей. Отец, как проспится, пусть утром до работы зайдет, поговорить надо. Ну, иди, иди, – слегка подтолкнул он меня, – сегодня к ней нельзя и завтра не приходи, я с ней побуду. – Не возражаешь?

Моё сердечко уже не билось как сумасшедшая запутавшаяся птичка, оно стучало ровно. Наш доктор обладал властью, невидимой, превосходящей ту, что карает людей. Он считался со слепой силой закона, но поступал, как велела совесть.

Утром я передала отцу наказ дяди Фёдора и, быстренько собравшись, отправилась в больницу с ним вместе. Его провели к доктору, а я топталась у входа, стараясь не попадаться на глаза озабоченным людям в белых халатах. Вскоре доктор и отец направились в конец коридора.

– Ты понял? Сиди и жди. Когда откроет глаза, улыбнись, скажи что-нибудь ободряющее и зови меня. Ну, а если долго

не будет просыпаться, – тоже зови.

С этими словами доктор удалился, а я вышла из-за двери и заглянула в палату. В узком пенале стояла только одна кровать, на ней лежала моя мать под белой простыней, и лицо её поражало безучастностью. Оно было отдаленное. Незнакомое... Неживое.

– А вдруг она... – Внутри всё остановилось и замерло, я вцепилась ногтями в руку, чтобы проверить, не умираю ли я от горя. Почувствовав боль, задышала.

– Не умирай, мама! – кричало моё сердце. – Зачем ты это сделала! Лучше бы родила его. Как-нибудь жили бы все вместе... Нельзя тебе умирать... Мы ещё совсем маленькие. Я буду помогать тебе... Только живи... Ругайся... Сердись... Кури свой астматол... только живи!

И тут я вспомнила о неродившемся ребёночке, выброшенном куда-то из живота. Невыносимая жалость к нему, неизвестно куда выброшенному, заслонила ужас смерти. А мгновение спустя, я уже наполнилась злостью.

– Из-за него мама может быть умрёт! Или умерла? Зубы мои стучали друг о друга и кусали язык. Вцепившись взглядом в застывшее лицо, я молила:

– Дай мне какой-нибудь знак, что ты жива...

Отец стоял рядом с кроватью, сцепив руки в замок и наклонив голову, долго всматривался в лицо матери. Шёпотом,

незнакомым голосом произнес:

– Мать! Это я, твой Иван...

Тишина... Отец подвинул стул, но передумал и бухнулся на колени.

– Мать, – тихо позвал он, – Надежда! Надюша! – вырвалось у него ласковое имя, каким он никогда её не называл. Потом прижался к вытянутой на простыне руке, громко взрыднул, тотчас подавив плач усилием и закрыв лицо руками. Взмолился:

– Прости... Ты, наверное, не знаешь – я тебя ценю! Ты меня держишь... как якорь. Как же так получилось, Надюша! Не умирай, прошу... Мы теперь хорошо заживем. Не бросай нас с ребятами!

На коленях отец придвинулся ближе и прикоснулся к маминой щеке.

– Надя, я мало говорил тебе хороших слов. Я тебе пел... Всякие шутки старался устроить, чтоб тебя обрадовать... Помнишь, поставил на огороде чучело, а лицо твоё нарисовал. Ты смеялась!

По простыне прошло движение.

Услышав шаги и шумное дыхание, я поняла, что вернулся доктор.

– А ты что здесь делаешь, малявка?

– Сказал же, мамка твоя будет жить! – строжился он голосом, а глаза держали отца, переживающего серьезнейший момент в жизни.

Дядя Фёдор сжал мои плечи и развернул к выходу.

Огромное горе исчезло.

Лучше нету того цвету

Не случись заморозок, не о чем было бы и рассказывать. Жизнь шла беспросветная тусклая. Но в Переулке этого не замечали. Сажали картошку. Ходили за хлебом. Рожали детей. Ставили бражку. Пили, когда поспеет. Пели обнявшись. Дрались порой, когда кто-нибудь петушился, ставил себя выше. Соседи жили примерно одинаково: от зарплаты до зарплаты. Деньги, продукты, случалось, друг у друга одалживали. На огородах своих ковырялись.

Котовы соседей давно не интересовали. Правду сказать — ещё как интересовали. Только договорились их не замечать. Они сами и вынудили. Петр Котов не пьёт. Родители—староверы навек прививку сделали. Компанию не поддерживает. На электроламповом заводе всё время в передовиках. Премии ему то и дело дают. Жене швейную машинку купил. Немецкую. Нарядов себе настрочила и форсит. Соседок зазывает, обещает задаром, что надо сшить. Да где у них деньги на обновки.

Витьке, сыну-сопле, аккордеон приобрел.

А уж грамот! Вся стенка залеплена. Но не в этом дело. Сильно жаден Петр до всякой работы. С завода придёт и до темноты пилит, строгает, чинит. Всё умеет, всё может. Жен-

щины к нему, как к скорой помощи: утюги, плитки тащат, радиоприемники, каблуки отвалившиеся. Да что там приборы: корова у Паши отелиться не могла – он телёночка спас. Бабы приходят от Котовых и бу-бу-бу... Какой мужик рукастый, а ты...

Мужики решили ему отомстить. Жёнам запретили к Котовым ходить. И говорить о них. Категорически. Вышло, конечно, некрасиво: сосед спать не даёт – хорошо живёт! А что прикажете? Терпеть всё это?!

Не слушалась только десятилетняя дочка Ивана. Когда Витька с аккордеоном выходил на крыльцо и выжимал из своих клавиш через пень- колоду что-то похожее на “Во поле береза стояла”, пигалица-Зойка, прячась за углом дома, замирала и слушала. Витька это знал, щёки его горели, а инструмент от излишних усилий издавал непотребные звуки.

Почти год дистанцию держали. С наступлением тепла стали потихоньку огороды оживлять: убирать и сжигать мусор, поправлять грядки. У всех, как у людей, а ЭТОМУ и здесь надо выделиться. Чудак два года назад почти весь надел в пять соток перекопал и засадил яблоневыми саженцами. Стояли они у него как на параде. Летом побелённые, зимой укутанные мешковиной. Отродясь в морозном сибирском краю яблони не приживались. Год назад одна из них расцвела, народ к заборам прилип. Удивлялись.

Весна была ранней, дружной. Земля задышала полной грудью, выпустила траву. От изумрудной зелени непривыч-

но хорошо внутри. В таком раю век бы жить.

Пётр извертелся вокруг своих яблонь. Рыхлит, подсыпает золу, грабельками расчищает и поёт, поёт... Да так задушевно. На публику старается. Кому надо и не надо по несколько раз мимо ограды прошли. Все до одной яблони цвет набрали. Распушились. Того и гляди белой пеной вспухнут. Дождались: к вечеру стали цветки распускаться. И – похолодало.

По радио сообщили – ночью заморозки, минус пять. Вот такой коленкор! После ужина соседи, накинув фуфайки, кучками обсуждали надвигающийся холод.

Кто-то, не выдержав, сказал:

– Кранты саду.

Покряхтели. Помолчали. Глядели через забор на преобразенные белыми облачками яблоньки. Томила непонятная грусть. Дочка, прилепившаяся к Ивану, тормошила:

– Пап, а пап, цветки померзнут? Может накрыть их?

– Чем ты их накроешь, чадо моё жалостливое?

– Бога молить надо, чтобы пронесло, – тихо отозвалась мать.

Сгустились сумерки. Накатывающий студёный влажный воздух развёл все-таки по домам. Но ненадолго. Ощутимый запах дыма, заполонивший каждую хату, заставил их вернуться в переулок. Пётр, его Клава и Витька тёмными тенями двигались между рядами яблонь, поднося дрова, подправляя дымные костры.

– Это что придумал! – с восторгом похвалил Дедушка, которого все уважали.

– Да, так можно спасти цвет, – отозвался Иван с одобрением. Только всю ночь надо обкуривать. Где столько дров взять?!

Зойка тихонько вынырнула из круга и побежала домой. Там за печкой хранилась растопка – сухие лёгкие поленья. Набрала их, сколько поместилось в руках, и помчалась через свой огород к Котовым. Пролезла через щель в заборе и, наконец, остановилась.

В синих сумерках расцветшие деревья стояли как танцовщицы, замершие перед выходом на сцену. И зрение, и слух стали вмиг десятикратно отчётливыми. Бело-розовые бутоны освобождаясь от кожистой шелухи слегка шуршали, источали очень тонкий, нежный запах неземной благодати.

– Они – невесты и счастливы этим! Они влюблены в жизнь. Как я. Но знают о ней что-то своё... Тонкие деревца, выступая из полумрака, шелестели ей: “Здравствуй”! Замирая от восторга и дрожа, Зойка шла, целуя взглядом каждую яблоньку. И та кланялась ей.

От дома навстречу, с охапкой надвое расколотых чурок, уже торопился Витя. Он стал забирать у Зойки полешки, и всё упало на траву, рассыпалось. Они столкнулись лбами. Удерживаясь от падения, схватили друг друга за руки, соприкоснулись вспыхнувшими щеками. Дружно рассмеялись

и стали собирать дрова.

Заскрипела калитка. Соседи несли охапки дров, еле слышно переговаривались. Голоса тонули в теплой, окутывающей весь сад белесоватой дымовой завесе, слышались только отдельные слова:

– До рассвета ... продержаться. Клава! Не плачь! Согреем...

Кто-то из женщин тихонько затыкнул: “Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет”...

Тимофей и Ася

Дядя Тимофей, брат мамы, в детстве был для меня самым интересным человеком. Примерно, как сейчас для детей актер, играющий Гарри Поттера. Я много о нем слышала, но никогда не видела. Знала, что мы когда-нибудь встретимся, и готовилась ему понравиться. Он воевал, вернулся без одной ноги, носил то протез, то "деревяшку", как он её называл, жил неподалёку, в маленьком городке Салаир.

Мама с сестрой при встречах только и говорили о дяде. Всё, что удавалось услышать и подслушать, я, как припасливая белка, тащила в нору памяти, а там уж занималась сотворением своего кумира.

Сестры любили его за ум и добрый нрав, за то, что заменяя отца, хорошо с ними обходился и развивал, читая интересные книги и рассказывая, как устроен мир. А ещё он писал стихи. Об этом упоминалось вскользь, как о чудачестве, слабости и прощальное. Часто проскальзывало: в нём порода предка-француза, дескать, и стать, и высокий лоб, и обходительность от него.

Но особое место в пересудах сестер занимала женитьба дяди на особе, которую они не жаловали. Самое обидное, что я слышала в их адрес, было:

– Пара! Гусь да гагара.

Гагара, она же Ася, считала Салаир своей родиной и находила его вполне пригожим. Пока дядя бил фашистов и защищал отечество, она, конечно не зная, что встретит вскоре такого достойного мужчину, "невестилась", "крутила хвостом" и – "О, ужас! – принесла в подоле", – то есть родила ребёнка, не будучи замужем, нисколько этим не смущаясь, не защищаясь от нападков.

Как все в этом местечке, приютившемся в ложбине Салаирского края, мыла золотишко на горной реке, чтобы прокормить бабушку, мать и сынишку. Работа сезонная, надо было обеспечить себя на долгую зиму. Препоручив сыночка домашним, она по двенадцать часов колдовала над своим решетом, вытанцовывая в холодной воде чечётку удачи – танец старателя. Руки и ноги болели, отваливалась спина, мучил вечный кашель, но в конце каждого дня малюсенькая кучка золотых крупинок на точнёхоньких весах золотоприёмной кассы сулила сытость завтрашнего дня. Это давало силу жить дальше.

А как же! Ей предстояло встретить дядю Тимофея, полюбить его, родить троих сыновей, пережить самый разнообразный человеческий опыт. История взаимоотношений дяди Тимофея и Аси хранилась в моем сознании как непрорисованная картина. Когда очередная информация или событие находили место в этом полотне, я с любопытством принимала новую версию. К тому времени, когда мы отправились к ним в гости, мне было известно, что после госпиталя, где он

залечивал трагическое ранение, полученное в Берлине, его командировали на работу в Дом отдыха в Салаире, где долечивались бывшие фронтовики.

Налаженное хозяйство не требовало больших усилий, но новый директор истосковался по делу и выкладывался на полную катушку. Во всё вникал, не чурался показать при случае, что может работать не только головой, но и руками.

Людям нравились энтузиазм, молодой задор руководителя, а больше всего привлекала возможность заработать. В те времена кабальные государственные займы лишали граждан страны живых денег – вместо них в конце месяца выдавали горсть облигаций, которые можно было выбросить.

Народ перебивался с хлеба на воду. Новый директор нашел лазейку: отличать хорошо работающих натуральными продуктами. Все из кожи лезли только бы попасть в "продуктовый" список. Подсобное хозяйство с приходом нового директора стало просто пухнуть от приплода и прироста.

Молока, мяса, курятины, яиц и корнеплодов не только с лихвой хватало и отдыхающим, и работающим, но в складах, под землей, и в амбарах уже закладывались на хранение излишки в виде солений, квашений, соленого сала, домашних колбас, даже окорока копченые имелись. Всему велся строгий учет, на доске объявлений каждый месяц вывешивалось: сколько и чего произведено, и кому распределено.

Люди из города, прослышав об изобилии, ежедневно с утра приходили просить работу. Однажды нужда привела и Асю. Первую встречу с ней дядя вспоминал с удовольствием.

– Только поднял на нее глаза от бухгалтерских счётов – понял: это моя жена. Все поплыло передо мной и захотелось петь. И запел ведь. "Наш уголок я убрала цветами"... Фу ты чёрт, думаю, что же я делаю?

А она смотрит как дети – всем лицом, белки голубоватые и ровный свет от неё, а взгляд, такой, знаете, полный внимания. И спрашивает:

– Вы поёте на работе?

– А что ж, говорю, не петь, если поётся.

– А я посудомойкой наниматься пришла, возьмете?

Схватил я стул, усадил гостью и стал вокруг ходить, как вокруг елки. Деревяшка моя постукивает, она молчит, покраснелась, как бы привстала даже.

– Ты сиди, разговор только начался. Тебя как звать?

– Ася Гулина.

Ася. Имя мне понравилось, я его произносил и так, и эдак, а она спокойно

смотрела на меня и ждала.

– А зачем тебе посудомойкой работать. Выходи за меня замуж, будешь домашним хозяйством управлять.

– Вы шутите?

– Никогда ничего более серьезного не говорил в своей

жизни. Так что?

– Дело непростое: у меня мама, бабушка... Сына я рошу. Отца у него нет. Она подалась вперед и с искренностью, при-
сущей лишь бесхитростным душам, сказала:

– Я уж и так дров наломала..., – помолчала. – Был один командировочный... Она смутилась и оборвала себя восклицанием:

– Зачем я вам рассказываю, сама не знаю...

– Ты не увиливай, – наступал бывший командир танкового взвода, – решай здесь: будешь моей женой?

Где-то там, в своём сердце, он знал, что раскрасневшаяся Ася скоро станет всем смыслом его жизни, её наполнением и боялся, что какая-нибудь мелкая глупость вмешается, разрушит захватившее чувство, унесёт прочь это чудо, которого он терпеливо ждал долгие годы.

Он сел на стул напротив и, взяв её за руки, попросил: решай поскорее, это для нас с тобой очень важно! Ася, не отнимая рук начала рассказывать о себе:

Мечтала как все девчонки о любви, о её волшебных переживаниях, о парне, который будет крепко её любить. Мечты приходили в голову в виде театральных пьесок, которые разыгрывались ею перед сном. Заканчивались истории счастливо: у неё большая семья и все друг с другом в ладу.

На момент её девичьего цветения в стране шла война. Население маленького городка составляли женщины, дети

и старики. После окончания школы она устроилась в гостиничке дежурной, а заодно, и уборщицей. Тут-то и случилась история, не предусмотренная чистыми фантазиями. Некий гражданин пятидесяти лет, проверяющий что-то на прииске, задержался, аж на две недели. Ласковыми речами, похвалами, стихами Сергея Есенина, а главное, своим вожделением, он смутил разум девушки настолько, что, забыв о мечте, не думая о последствиях, она сделала то, к чему готовила её природа.

Командировочный уехал, оставив только своё имя, которое впоследствии младенчику вписали в метрику, и книжечку стихов Есенина, потрёпанный томик, ставший на время беременности курсом психотерапии.

К слову сказать, появление Гусёнка, это имя дала ему бабушка, не было безоблачным. Он мог не появиться вообще, если бы... Жили они втроем. Дед и отец Аси воевали, но недолго: похоронки, пришедшие одна за другой, усекли семью наполовину, и бабушка стала главной.

Когда факт зарождения новой жизни был подтверждён прямыми и косвенными признаками вроде частой утренней тошноты, рвоты и всяких капризов по части еды, состоялся семейный совет, где после подробного изложения событий, предшествующих настоящему положению, произошла бурная сцена между мамой и бабушкой Аси. Мама пыталась протащить своё предложение – с помощью знакомой уменницы избавиться от нежеланного пришельца потихоньку, пока

позволяют сроки, иначе "всякая сопля пальцем тыкать будет". Бабушка, выслушав опасения дочери, припечатала:

– А поделом! Пусть тычут, не проткнут. Надо отвечать за свои делишки. Ребёночек – душа невинная уже получил жизнь от Бога. Кто мы такие, чтобы божьего дара лишать. Будешь, Анастасия, рожать, хотя бы мне пришлось все плевки на себя принять.

Бабушка, как человек верующий и живущий по правилам, обладала в семье всей полнотой власти. Умение эту власть употребить ей приходилось иногда доказывать на деле. Так, последний раз это случилось незадолго до начала войны.

Отец Аси, по-семейному – Гусь, будучи удачливым старателем, а это значило также, что у него водилась заначка от семьи, пристрастился к выпивке. "Большая", так заглазно звалась бабушка, пыталась разьяснить Гусю, куда ведёт этот путь, однако, дальняя перспектива – быть отвергнутым Богом из-за того, что пропивает душу, оказалась неубедительной.

Однажды, дождавшись пока пьяный Гусь проспится, накормив его завтраком, она так же деловито велела спустить штаны и подставить зад. Ослушаться он не посмел. Большая взяла, вымоченное в воде тяжёлое льняное полотенце, вчетверо сложенное, и принялась стегать его, приговаривая:

– Это тебе цветочки, сукин сын! Она била Гуся и плакала. Гусь извивался, кричал, но наказание принял до конца.

Со спиртным он завязал накрепко: когда на фронт уходил, и Большая поставила на стол сбереженную бутылку церковного Кагора, только головой мотнул, дескать, от принятого не отступаю!

Так что Гусёнок был оставлен волей бабушки и развивался до срока в своей тёплой вселенной под стихи поэта Есенина. Ася, никогда не слышавшая самого поэта, и, вообще, ни одного живого поэта, произносила стихи нараспев, как получается у них самих. Прекрасные образы возбуждали уже пульсирующую любовь к ребеночку, всё вокруг преображалось, и кружились разноцветные миры, в которых мысленно пребывала Ася со своим растущим сокровищем.

– Боже, пусть дитя станет поэтом, – не раз горячо молила молодая мать.

Когда дядя услышал о таком особенном расположении Аси к стихам, душа его кувыркнулась от радости:

– А ведь я тоже пишу стихи, – сказал он волнуясь. – С фронта несколько тетрадок привёз. Так что скажешь?

Вспомнив, кстати, что у неё есть мать и бабушка, она пообещала дать ответ завтра.

– Я сегодня приду, – настаивал на своём дядя. И вечером того же дня состоялось знакомство с Асиной семьёй. Решено было съехаться и жить всем вместе в отведённом ему директорском доме.

И вот теперь, десять лет спустя после этого события, мы

едем к нашему родственнику в гости.

Где-то на полпути привычная степь с пологими сопками и отвалами породы сменилась ущельем между двух хребтов, поросших густым лесом. Несколько раз пересекли одну и ту же порожистую, гремучую, золотоносную речку, и, наконец, поезд, спотыкаясь на поворотах, свистя и разбрасывая клубы дыма, въехал в небольшой городишко, похожий на лукошко, где курица высиживает птенцов. Прямо от станции к дядиному жилью вела натопанная в траве тропинка.

Дом поразил меня великолепием деревянной веранды, охватывающей его по периметру. Он возвышался на холме как маленькая крепость. Палисадник вокруг строения был полон сиреней, черёмух и белоствольных берёз. Пение птиц и жужжание пчёл усиливало праздничное настроение.

Нас встречала вся семья. Дядя Тимофей, большой и весёлый, передвигался на своей деревянной ноге так ловко и легко, что мы невольно стали вторить ему. Получалось вроде танца. Он расцеловал всех, обнял милую, подвижную женщину с головой полной мелких рыжих кудрей, она держала на руках дитя, и с гордостью и любованием представил:

– Это Ася, сокровище мое. Она нам таких вкусностей наготовила. Мойтесь, да и к столу!

В моей голове уже давно тоненько пелась мелодия счастья, именно под неё мы все кружились, как во сне, медленно вглядываясь друг в друга. И тут в нашу небольшую компанию ворвались трое мальчиков разного возраста, одинако-

выми были их огненно-рыжие головы с перепутанными, как у Аси, кудрями. Они двигались быстро и шумно. Самый маленький, трехлетний, ткнулся мне в колени и протянул пучок красного клевера.

– Это Андрюшка, твой брат, – крикнул дядя, – Леха-с порванным ухом – он у нас заметный, Ваня – старший.

Родителей повели в комнату, для нас приготовленную, а мальчики увлекли меня и мою сестру Лиду на веранду, откуда исходили густые запахи трав и плодов. На дощатом полу стояли бочонки с плавающими в них грибами. Тёмная поверхность воды колыхалась, усеянная, как кувшинками, беленькими маленькими шляпками. Несколько корзин с яркими подберезовиками заняли скамью у окна.

– Сегодня собрали, – пояснил Ваня.

Над головой покачивались связки сохнувших трав, от сморщенных пучков земляники шёл сладкий дух вкусного чая, шуршащие березовые веники сулили зимой воскресение переживаний волшебного лета. Лёгкие батистовые занавески парусили на ветру и, казалось, что это корабль с дарами леса плывет в небо...

Мальчишки выкатили самокат, видимо собственноручно сделанный, и предлагали покататься, но пришлось вежливо отказаться – веранда таила немало невиданных вещей, мне хотелось остаться с ними наедине. Например, заглянуть внутрь кожаного потрескавшегося саквояжа с блестящей застежкой. Он стоял на высоком одноногом столике и выражал

готовность служить. Заметив мой интерес, Леха крикнул:

– Там яйца, мы держим в нем яйца. Раньше здесь жил доктор. Он умер. Это его шутовина.

У меня защипало в носу – так жалко стало, что доктор не может увидеть, как верный товарищ все еще ждет его... Чтобы не расплакаться, пришлось подойти к висящей на гвозде шляпе из белого кружева с широкими полями и выцветшей голубой розой. Голубая! Она восхитила меня. Как жаль, что надо в гостях вести себя по правилам и ничего не трогать. Шляпа, казалось, была довольна – ведь я обошлась только взглядом!

В углу стояла клетка, должно быть, птичья. Дверка открыта, а внутри проволочное сооружение и засохший букетик васильков. К ним-то и потянулась моя рука, но предупреждающий крик мальчиков: это мышеловка! испугал и смутил меня до густого румянца.

Деликатно пропустив протез, прикорнувший также в углу, я пообещала себе пробраться на веранду рано утром, когда все еще будут спать, и продолжить знакомство.

Маленькая моя сестричка, влекомая запахом, нашла стеклянную банку с янтарным медом и, вооружившись ложкой, отгоняла летавшую над ней пчелу.

Шумно разговаривая, вернулись взрослые, и дядя несколько театрально возвестил:

– Пообедаем, чада мои!

Загребая мальчишек длинными руками, тихо прошептал

им что-то личное. Обласканные, они засмеялись в ответ. Приязненные чувства, гуляющие по всему дому, коснулись самого сокровенного в душе, по чему образовалась тоска. Дядя тотчас заметил, обнял меня за плечи и повел в столовую.

Два цвета – чёрный и белый создавали чёткий ритм. Буфет из морёного дуба, занимавший полстены – наследство жившего здесь доктора – был похож на большую добрую женщину в фартуке с множеством карманов. В его утробе солнце высвечивало драгоценный блеск стекла и фарфора; баночки с вареньем, подвязанные кокетливыми платочками, таили немислимую сладость лесных ягод, умноженную кулинарными ухищрениями хозяйки.

Длинный стол, накрытый белой скатертью, расшитой синими веселыми васильками, окружали стулья с прямыми высокими спинками. Они стояли строго напротив друг друга и были одеты. Да, на каждом был чехол из льняного белого полотна, подхваченный сзади большим бантом и украшенный вышитым цветком. Не в силах оторвать взгляд, я рассматривала яркие живые цветы. Убранство столовой явно произвело впечатление на родителей: отец сопел, переминаясь с ноги на ногу, а мать, часто взглядывая вокруг, явно не справлялась с чувствами.

Дядя распорядился:

– Выбирайте цветок и садитесь. Нравятся Асины затеи? Она мастерица красоту наводить.

Существование в нашем убогом жилище, состоящем из комнаты, где все спали, и другой – для готовки и еды, со столом, обитом выцветшей жёсткой клеёнкой, стало ограничителем свободы среди белого великолепия дядиной столовой. Мы топтались, медлили и, наконец, всё же расселись. Доставшийся мне стул с букетом подснежников оказался напротив дядиною.

В каждой тарелке развалилась белейшая картошка, а рядом румяная котлета и снопик зелени, дразнящий запахом укропа, сбоку – как восклицательный знак – в высоком стакане малиновый морс.

Дядя посмотрел на каждого и сказал:

– Вот и свиделись, слава Богу! За встречу!

Родители, выпив медовухи домашнего изготовления и закусив солёными грибочками, малосольными огурцами и отведав котлет, расслабились, размякли и похвалили изготовленный напиток.

– Так давайте выпьем ещё, – предложил дядя, – надо выпить за Большую–бабушку и Асину маму – Анну Мироновну. Что бы мы без них делали! Всех мальчишек вынянчили и нам с Асей не докучали, хорошие люди, жалко, что рано ушли.

Дети поели быстро и с наказом отца: "Далеко не убегайте, папка ваш сегодня выпимши, по хозяйству поможете", исчезли.

Покончив с едой, взрослые вспоминали своё детство, вос-

становились канву жизни, проведённую в разлуке. Разговор становился всё громче и бессвязнее. По своему обыкновению подслушивать разговоры взрослых – такой у меня был возраст, я незаметно передвигалась по столовой, не упуская ничего, за что цеплялось моё любопытство, предчувствуя интересное.

Дядя взял в руки спокойного маленького Коляшу и, обняв другой румяную Асю, немного пафосно попросил:

– Полюбите мою жену, мою Беатриче, мою Лауру, мою Клеопатру..., – он остановился.

– Марью Царевну, – подала я голос из-за печки.

– Марью Царевну, – с благодарностью повторил дядя и продолжил:

– Она Королева души моей, моя Пенелопа.

– Кто? – подала голос мать и, видимо, вспомнив школьную программу, приснула. – Может и вязала она шарфы, да не тебе! И повернулась к отцу.

Дядя передал Коляшу Асе, ещё не понявшей вызова, но уловившей угрозу в голосе родственницы и потому приникшей к мужу, и тихо попросил:

– Надежда, пойдем со мной."

– А чего выходить, я все могу здесь сказать, заупрямилась мать.

– А вот этого не надо, тебе нечего сказать. Он справился

с застрявшей ногой и, подойдя к сестре, подставил ей согнутую руку. Она игнорировала жест и пошла рядом.

Отец вежливо обратился к Асе:

– Я... это... покурю?"

– Курите здесь, окна нараспашку, – добро отозвалась она, и посадив на коврик в центр солнечного света Коляшу, медленно подбирая слова, заговорила:

– Тимочка не любит смотреть назад, говорит, жить надо сегодня, только правильно. Он говорит... – Не найдя поддержки у отца, Ася посмотрела на меня как на подружку:

– Он говорит, если жить правильно, о нас всегда позаботятся.

– Кто? – не удержался отец.

– Кто, кто? Он! – подсказала я весело.

– Тебя не спрашивают, – стряхивая, куда попало пепел и, суется, отмахнулся отец, и в голосе его была растерянность.

– Это Тот, кого мы не видим, но чувствуем, – уклонилась Ася от прямого ответа, и добавила:

– Тимочка никому не позволяет меня обижать.

– Мы с ним видим, что зла накопилось нынче очень много, и не хотим прибавлять его. Только подумать, сколько горя, боли и ненависти случилось на войне. Тима очень много пережил, он знает...

Она помолчала, поправила прическу и доверительно продолжила:

– Тимочка – поэт, а все поэты очень добрые, иначе стихи

не складываются – удовлетворённо и твёрдо поставила она точку в разговоре.

Брат и сестра вошли несколько напряжённые и мать, встретившись с вопрошающим взглядом отца, отозвалась:

– Да кто ж знал, что тут такая любовь!

– Теперь знаешь и другим расскажи, – подхватил дядя и, подняв ребенка с пола, бережно устроил на груди.

– Голубка моя! А где наш чай? Выставляй свои варенья-печенья, порадуй гостей, Надюша тебе поможет.

Чай продолжался до самых сумерек. Переполненные душистой сладостью, слушая дядины стихи о любви, мы смотрели на предмет поклонения.

Вдохновительница совсем не смущалась восхвалением её достоинств, даже наоборот, слушала внимательно, словно и не к ней обращено, иногда подсказывала стихи, не забывая подливать, накладывать, приносить и убирать.

Когда стемнело, мы отправились прогуляться. Наш ведущий освещал путь большим фонарём, в свете которого золотые мотыльки, подобно фантомам, мгновенно появлялись и исчезали. Ноги утопали в росистой траве, потревоженная, она отдавала терпкие запахи лета; надёжно укрытые в своих убежищах сверчки цвиркали последнюю славу дню.

Если бы я знала, что это лучшие дни моей жизни... Кабы знать да ведать, всё бы отведал... Нас накрыла атмосфера дядиной семьи, вобрала как уютный, тёплый кокон, и все

три дня гостевания мы были, как они: варили варенье, красили крышу, учились ездить на новеньком велосипеде— собственности Дома отдыха, косили люцерну, а потом купались в реке, на которую спустилось облако белых бабочек-капустниц. Моя мама и дядя Тимофей, будто снова погрузились в детство, поддразнивая друг друга и обмениваясь знакомыми им шуточками.

Природа поддерживала нас и открывала сокровища. Дядя Тимофей привёл нас в ельник, где ступить негде от воинства только что вышедших белых грибов; налюбовавшись, он сказал:

– Жалко их трогать. Красота какая! Велика заслуга косой косить! С грибом надо в прятки уметь играть и выигрывать, вот тогда добыча честная!

Мы дружно согласились.

– А вот ещё. Набрели на малинник, собрали изрядно, жарко стало, пошли к ручью, он в ложбинке, спускаться надо. И что мы видим? Медведь в ручье улей рушит и ревёт – пчелы зажалили. На взгорке, оказывается, пасека Дома отдыха. Сладкоежке повезло: сумел улей украсть и к ручью унести, а теперь от пчел избавляется, в воде улей купая.

– Улей, конечно, жалко, да что теперь поделаешь – разорил уже, – посокрушался дядя.

По дороге домой нас застал дождь, пришлось сделать остановку на летней дойке, под навесом, где доярки принимали от коров молоко. Они задорно попросили помочь, а нам

в удовольствие: получив наставления, уселись на скамеечки, и первые струйки молока, бившие о цинковое ведро, вызвали неопишное, забытое ощущение единства со смиренным и добрым животным, производящем в своем чреве вкуснейшую полезную еду.

Выдоенное своими руками молоко пили с наслаждением, осознавая где-то на глубинном уровне, как добра к человеку природа.

Сны являлись продолжением блаженного дня и баюкали пестротой цветов, поющих, и без слов говорящих, люди и животные состояли из лучистых энергий, сиюминутно меняющих образ и смысл...

Прощались почти без слов. Мы стали одной семьей, и душа противилась расставанию. Впоследствии мы обменялись несколькими письмами и часто вспоминали свои радостные переживания, пока не закончилась жизнь дяди Тимофея и Аси.

В один из предновогодних дней, когда в Доме отдыха готовился большой праздник, дядя в своем кабинете дожидался приезда кассира из банка. Зарплата в деньгах, с трудом им выхлопотанная, была сюрпризом для людей, и он предвкушал их радость.

Наконец затарахтел грузовик, доставивший кассиршу. В этот момент в приоткрытую дверь заглянула Ася со своей корзинкой, в которой приносила иногда домашний обед. Пока раздевалась и целовала своего Тимочку, постучавшись,

вошла кассир, положила на стол свёрток денег, обёрнутый бумагой и перевязанный шпагатом, и сказала, что вернется через минуту.

Последний момент жизни дяди и его жены видели только грабители. Двое мужчин словно материализовались из воздуха. Никто не видел, как они вошли, и куда потом исчезли, забрав с собой сверток с деньгами. Ножевые ранения стали смертельными для Тимофея и Аси. Вещдоки валялись рядом с умершими, и потом долго еще хранились в сейфе следственного отдела, пока, однажды не отправились истлеть в землю, куда уходит всё.

О случившемся мы узнали из письма Вани. Всех мальчиков определили в детский дом.

PS. Закон парных случаев самым трагическим образом проявился в моей жизни в другом месте и в другое время на острове Сахалин.

В июне 1999 года были убиты мои дорогие друзья Виктор и Людмила и двое их гостей, заночевавших на маленькой даче, неизвестными, которые до сей поры не найдены. У погибших остались дети... Позже бесследно пропал сын – Коля, подросток 15 лет...

Жестокое убийство совершили люди, которых Виктор, инспектор рыбоохраны, задержал на нерестовой речке за браконьерский лов горбуши и выписал штраф за незаконное действие...

Ты нам всякая мила

В каждом возрасте своя картина знаний. «Tabula rasa» – это когда очень мало штрихов, когда их почти нет. Такое бывает в раннем детстве.

Баба Дуня, вырастившая четверых детей, знала это, поэтому хотела чаще видеть своих внуков, влиять на них. Достойная цель в жизни женщины.

Её не пугали длительные переезды уже обременительные для возраста. Интерес в них самих содержащийся, волновал, насыщал впечатлениями.

Похоронив мужа, погибшего на шахте в маленьком городке Донбасса от взрыва метана, она решила по очереди навещать сыновей.

Семья Ивана-сибиряка, получая известие о приезде, принималась чинить, мыть, прихорашивать свою хату. Родственница отличалась пристрастием к чистоте, и, если что не по ней, сама вооружалась тряпками и мылом. Казалось – не грязь изводит, а мировое зло. Сын начинал заикаться в тот самый день, когда она появлялась на пороге. Бабу Дуню называли “Мамо” и говорили ей “Вы”.

Внуки включались в спектакль "Баба Дуня приехала", ожидая необычного. И в каждый приезд оно случалось. Петуха, однажды осмелившегося клонуть важную гостью, тут

же, из уважения к ней, предали супу. Мать чуть не плакала. Он был её гордостью, соседи нередко одалживали красавца на недельку, чтобы лучше неслись куры, а возвращали с заработком – лукошком яиц.

Никто никогда не слышал, чтобы Мамо повышала голос или волновалась. Её непоколебимое спокойствие можно сравнить с вековым деревом, связанным с небесным миром кроной, а с земным – вездесущими корнями. Даже внешне она напоминала мощное выносливое произведение природы. В ней проявлялась уверенность человека, постигшего тайну бытия.

Станция – она же городок с секретным заводом, где жил её сын с семьёй, была небольшая, поезда делали короткую остановку и следовали дальше на конечную, узловую. По недосмотру начальства в её хозяйстве ещё существовали, вроде вымерших птеродактилей, – грузчики, помогающие за плату доставить поклажу пассажира. Баба Дуня превращала их замершее существование в праздник, назначая на главные роли.

Путешествовала родственница с багажом. Собираясь на полгода, долго и тщательно укладывала в сундук всё, что ей могло понадобиться.

Сработанный из крепких сухих досок за год до рождения Дуни, он принадлежал её матери. Заказан был из расчета хранения ценных вещей семьи, в то же время служил спальным местом. Размер вполне подходящий – около двух

метров в длину и метр в ширину. Удобная вогнутая крышка изначально предназначена для отдыха. Четыре бронзовые ручки по бокам украшали этот голубой “ковчег”. Огромный ящик следовал отдельно, в багажном вагоне.

Баба Дуня устранила встречи и проводы. Предпочитала сама добираться до порога дома. Она нанимала всех четверых грузчиков, называла сумму, оживлявшую их порочные лица, коротко инструктировала. И процессия отправлялась. Прохожие, случившиеся на пути следования, останавливались, изумляясь странному кортежу, долго смотрели вслед.

Большая и важная, с зонтом в одной руке и корзиной в другой, она достойно представляла своё грузное тело, обряженное в пышную длинную юбку, поверх которой был повязан батистовый фартук с отделкой ришелье. Кофта с длинными рукавами была скорее халатом, слегка маскировавшим её пышные формы.

Вслед за ней четыре фигуры, стараясь держаться молодежато при такой знатной даме, обмотав ручки выданными носовыми платками, силясь на шататься, не матерясь, что было запрещено нанимательницей, несли доверенный голубой сундук.

Самой заметной деталью внешности бабы Дуни была белоснежная накрахмаленная косынка, повязанная поверх особого ободка, державшего отличную форму горделиво посаженной головы. С выпяченными толстыми капризными губами вишневого цвета на фоне лица, украшенного всегда гу-

стым румянцем, в обрамлении невиданного головного убора, она выглядела как мать-прародительница туземного племени. Не помню, чтобы кто-нибудь обсуждал её внешность.

Сундук устанавливали в единственной комнате, где он мог поместиться. И всё! – Путь туда домочадцам был заказан на все время гостевания. Она располагалась основательно, выложив все необходимые для ухода предметы. Молитвослову отводила место на подушке. Отдохнув с дороги и убрав себя, выходила к обеду.

До вечера, попивая чай с чабрецом, она по одному выспрашивала каждого "Шо зробыв за цый рик?" Просматривала дневник у внучки-первоклассницы. Не спеша выясняла у матери, на какие деньги содержат семью.

С сыном беседовала дольше всех, и, догадываясь о его злоупотреблении спиртным, склоняла к честному разговору, к осознанию. К вечеру все замолкали. От пристрастных расспросов у детей и взрослых горели щеки и уши, всем хотелось поскорее в постель.

Обязательным моментом посещения был забой откормленного к этому сроку поросёнка и запасание впрок всех его частей. Управление процессом брала на себя баба Дуня, превращая его по ходу в грандиозное представление. Дети ждали его.

С вечера под её руководством мылась и чистилась посуда, приглашался знакомый мужик, умеющий одним ударом ножа убить животное.

Отец семейства девять месяцев состоял при очередной “Машке” нянькой. Кормил её, мыл, и, смешно сказать – выводил гулять. Или она его выводила. Животное привязывалось к доброму человеку и ходило с ним в магазин и к колодцу за водой. Обычно Машка шла рядом, раздавая всем довольные хрюки.

В день забоя Иван исчезал из дома и не возвращался, пока свинья не была окончательно разобрана и определена на хранение.

Распорядительница на ответственный момент оставляла только мужика с ножом и двух его помощников-сыновей. “Диты” ждали дома её команды присутствовать при дальнейшей операции.

Как всегда, Пётр с сыновьями повалили Машку на бок, и пока два дюжих молодца удерживали её, отец должен был одним ударом завершить дело.

Но не в этот раз. Похмельный синдром лишил руку силы. Остриё только скользнуло по шкуре. Взбешённое животное скинуло мужиков и с визгом бросилось в огород. Верещащая свинья сделала виток вокруг дома, когда баба Дуня с ватным одеялом в руках набросилась на неё сверху. Мужики кинулись ей помогать. Её возглас: «Пётр, нож!» – заставил того мгновенно выполнить приказ.

Ещё через минуту, убедившись, что удар достиг цели, она кряхтя поднялась с соломенной подстилки и обычным голосом стала отдавать распоряжения.

Как только баба Дуня вычерпала изнутри кровь и определила её в дело, позвала всех помогать: «Не потопаешь – не полопаешь», – внушала она удовлетворённо густым голосом.

И детвора бегала туда-сюда с кипятком, паяльной лампой, с чистыми тряпками. Относили, приносили, смотрели как ловко и точно отделяет бабушка сало от мяса, как солит крупной сероватой солью и вкладывает брусочки в холстинковые отбеленные тряпицы, как чисто моет и выворачивает кишки, а после набивает через рожок фаршем с прожаренной кровью.

Детей давно накормили вкусным жареным мясом. С удвоенной энергией они выполняли её поручения, только бы участвовать в интересном действии. Баба Дуня досконально знала, как и что надо делать. Ребятишки впервые видели красоту простого труда, когда он направлен на благо жизни.

В тот вечер, забравшись на широкую родительскую кровать вместе с внуками, она рассказывала, точнее разыгрывала сказку об Ивашечке и ведьме. Это был театр одного актёра. Рассказ вёлся на смеси украинского и русского. Сказочка, как нередко бывает у Афанасьева – широкоохватная, – о человеческой жизни, причём весьма приукрашенной жестокостью.

Ивашечка, с малых лет усвоивший, что старым родителям надо помогать, вызывал у бабы Дуси явное умиление. Голос её при описании удачной рыбалки мальчика звучал настолько ласково, что дети, никогда не слышавшие от неё таких

интонаций, замирали.

Как только появилась злая сила, в лице ведьмы и начались трагические события по изведению со света хорошего мальчика, тот же голос зазвучал во всю мощь. Пафос предсказательницы-пифии пугал до ужаса, маленькие невольно прижимались к ней, хотя всегда боялись даже прикоснуться. Наступил момент, когда обманным путём злая ведьма заманила Ивашечку:

– Ивашко приплыл; она рыбу забрала, его самого схватила и унесла к себе. Пришла домой и заставляет свою дочь Алёнку:

– Истопи печь пожарче, да сжарь хорошенько Ивашку, а я пойду соберу гостей – моих приятелей.

С этого места и до конца сказки она обессиленным, каким-то нутряным голосом с увлажнившимися глазами выкладывала продолжение истории преодоления препятствий на пути возвращения к родителям.

Заканчивалась сказка хорошо:

– Гуси-лебеди подхватили его и понесли домой, прилетели к хате и посадили Ивашку на чердак.

Но со слов: «Рано поутру баба собралась печь блины, печёт, а сама вспоминает сынка: «Где-то мой Ивашечко? Хоть бы во сне его увидеть!»! А дед говорит: «Мне снилось, будто гуси-лебеди принесли нашего Ивашку на своих крыльях», сказительница разразилась потоком слез.

Из-за них повествование застряло. Её румяные щеки

тряслись, от утираний, намокшие концы косынки уныло повисли. Непонятная тишина заставила отца заглянуть в дверь.

– Мамо! Ну, шо вы так вбываетесь, цэж сказка! – уговаривал он.

– Я ж не только об Ивашке, обо всех плачу, кого злая сила сгубила, – отвечала всхлипывая баба Дуся. – Сказка ложь, да в ней намёк...

Обхватив нас полными мягкими руками, как бы укрывая от чего-то, уже другим тоном – уверенным и властным, добавила:

– Жизнь це борьба дурного с гарним кажду хвилину, – и постучав пальцем по голове старшего, добавила:

– Не силой берут, а уменьем, как Ивашка. Пийшлы спать – зло заспиться, добро за ночь укрепитя.

Уроки не прошли зря. Все трое внуков достойно пронесли бремя жизни.

Внучка – медсестра вырастила брошенного в роддоме ребенка. Женила его.

Дождалась внука. Назвали Иваном. Раз за разом отправляясь спать, он просит рассказать ему сказку про Ивашечку.

Один внук, не пытаясь избежать армии, служил в Афганистане и, защищая малюсенькое поселение, был убит.

Второй внук стал просто хорошим человеком. Когда женился и родилась двойня, приехал за бабой Дуней, уже старенькой.

– Андрюшечка, чому я вам така стара палица спод метлы, – отговаривалась она.

– Баба, но я вижу ту палку цветущим деревом. Ты нам всякая мила.

Он перевёз бабу Дуню вместе с сундуком в свой дом смотрителя маяка, где их с нетерпением ждала невестка с двумя малышками.

Оказалось: девчонки – ну, вылитая баба Дуня!

Станция Мереть

Это сладкое слово “дорога” живет во мне как камертон. С первой поездки оно установилось и резонировало сразу в каждой клеточке тела и стоило слову возникнуть в мыслях или прозвучать в воздухе, все во мне танцевало и пело. как будто вскипала в руслах вен и, подгоняемая вестью, бежала быстрее и становилась горячее. Какая-то сила влекла все равно куда. Лишь бы идти, бежать, ехать и вглядываться в постоянно меняющийся узор мира.

Всепоглощающий интерес был так велик, что дороги, в моем сознании паучьей сетью оплетая всю землю и держа ее в руках, соединяли все в один большой дом. Скоро разные названия стали для меня означать определенную местность, направление, назначение. Начало всему положила бабушка, собиравшая для аптеки травы.

Нам приходилось много ходить, и дороги приобретали особенные признаки и названия. Она терпеливо учила. Даже проселочные дороги, что нам чаще всего встречались, были самые разные: битые, торные, накатанные, конные, щебенчатые, пешие, саженные – обсаженные деревьями. Не сразу я запомнила эти различия.

Вначале все промерила ногами. И по мере того, как росли мои ноги, и взрослела я, дороги становились тропинками,

стезей, направлением, железнодорожной колеей, шоссе, еле заметной тропкой среди лугового разнотравья, дорогой зверья, идущего на водопой, рыбачьей извилистой лесочкой по берегу ручья или маленькой речки.

Сколько бы их не попадалось и в каких отдаленных местах они не находились, мой интерес, моя любовь к этой натопанной человеческими подошвами тверди, умиляли своей близостью к человеку, служением ему. Дорога и дорога́ были для меня однокоренными словами. Дорога соединяла человека с жильем, с людьми. Она была спасением, метой жизни, надеждой. Дорога дорога́ путнику как ничто другое.

Добравшись с бабушкой на грохочущем поезде до полустанка, близ которого в ложбинке приютилась деревенька, мы спрыгнули на горячую гальку, бегущую вдоль стальных рельсов. Поезд как живая огромная гусеница помахал нам красным флажком последнего сочленения, просвистел и от-тумтумкал. Мы оказались перед небольшим строением станционного служащего, почти невидного из-за облепивших его рябин. Под козырьком крыши на голубом, четко выписано слово.

– Сможешь прочитать, – спрашивает бабушка. Я стараюсь, " Ме-ре-т ь ".

– "Мереть", – повторяет она. – Название такое, подрастешь расскажу, что оно значит.

Да ты не бойся. Это только слово. Без смысла оно пусто.

А вот если будешь знать: "Мертвый не живет, а живой не умрет" – тебе в помощь.

Я вскинулась с вопросом:

– Как это “живой не умрет”? Моя воспитательница сказала:

– Это тебе ключик мудрости, сама разгадай, как он открывает. Я тебе часто буду повторять – поймешь! А пока нам надо отмахать всю длинную тропку, которая в березовом перелеске прячется.

Реченье не давало мне покоя полжизни.

Запомнившихся дорог много. Одна под стук колес перенесла меня в тишайший алтайский городок, где за четыре года я узнала множество путей и тропинок, как на земле, так и в жизни. Другая – наиважнейшая, выстраданная мною, привела в Новосибирский университет.

Во время учебы в педучилище, дня не проходило, чтобы я, как о любимом, не вспоминала о своей мечте: истрепанная черно-белая фотография университета лежала под облаткой паспорта и всегда была перед глазами. Я просто физически видела огромное Вместилище знаний, ждущий алчную, меня.

Житейские препятствия задерживали встречу, последняя – год работы в школе. Надо было скопить денег на одежду и учебники. Но закончилась и эта отсрочка. И вот я красуюсь на специальном первом в жизни празднике в мою честь.

Педколлектив провожал меня сердечно, как родную. Все высказывались в том роде что, мол, учительница я – по званию и человек хороший. Еле терпела, чтобы не разрыдаться. Ни разу не вспомнила, как поначалу опытные коллеги и так, и эдак испытывали меня на... да просто ревновали к профессии. Но сегодня они на высоте.

Каждый подарил что-нибудь для новой жизни: шкатулку с совой – учитель труда, англичанка -Кристина, с которой мы год лоб в лоб каждый вечер проверяли тетради, – косметичку с помадой. Физрук – кроссовки.

Директор сказал, что я оправдала его ожидания. Если не сложится, то милости просим, возвращайся, будем рады. При этом все переглянулись, зная, что директор любит меня втайне. Он протянул конверт:

– В нём билет и деньги на обратный билет, ну и на всякий пожарный ...,- добавил он, засмеялся и достал две чашки на фарфоровом подносике.

– А это от меня,- сказал он, порозовев, – ты чай пить любишь – вспомнишь.

Все стали рассматривать чашки, на которых красовалась пара пекинских уток. Потом мы стали пить портвейн и, как водится, вспоминать всякие хохмы из школьной жизни и проверки районо.

Все прошло очень душевно. Закончилось тоже хохмой. Англичанка Кристина, ростовская модница, чтобы я на новом месте в грязь лицом не ударила, решила научить пра-

вильно красить губы.

– Девочки и мальчики, а сейчас поиграем, – тараторила она, расставляя перед нами помады и подводки. – Дело это не простое, зато приятное.

Дурачась и исходя словами, она стала рисовать нам губы и делала это, надо сказать, очень быстро и озорно. Вскоре все смотрелись в маленькие зеркальца и смеялись до красноты лица. Мужчины тоже получили по паре губ и изумлялись преобразению, кривлялись и гримасничали. Мы вели себя как дети и не замечали этого.

По тропинке через лес к университету я не шла – летела, сбывалась моя мечта. О предстоящих экзаменах не думала ни одной минуты, и, как оказалось, напрасно. В руках у меня был лёгкий чемоданчик и маленькая сумочка, приютившая новую вещицу – косметичку с помадой.

Лес был как храм: его громадные сосны уходили в небо, и там их кроны соединялись. Открытое полуденное солнце сеялось через сетку ветвей, доходя до земли в виде золотой пыли. Она проходила через меня. Было тепло, радостно и немного ежило.

Несмотря на отличное настроение, мне не хватало уверенности в себе, я шла сдавать документы в приемную комиссию, хотелось предстать во всем блеске. Кристинин урок, помада и зеркальце сделали свое дело – с такой красотой хоть на штурм Эвереста! Из блаженного небытия меня выхватил

женский голос:

– Абитуриентка... поступать приехала.

Передо мной стояла невысокая коренастая женщина с толстым портфелем. Как она подошла незаметно, ума не приложу. Профессорша, наверно. Она улыбалась, но как-то нехорошо.

– Да. Вот... приехала.

– Помада, которой ты наваксилась, сделала твое лицо глупым и вульгарным. На, вытри.

Она подала мне чистый платок.

– Красота – материя деликатная... Возможно, тебя здесь научат этому. Надеюсь, ты не обиделась, – спохватилась она, увидев мои глаза полные непролитых слёз, – а впрочем, это неважно!

И пошла дальше, помахивая своим толстобрюхим чемоданом, оставив меня в злом столбняке.

Нельзя описать словами, как поразил мое чувствующее существо ее грубый удар. Все рухнуло, и обломки сыпались и сыпались: кололи меня, били, обволакивали пылью. Грохот раздавался внутри и снаружи. Было трудно дышать, и хотелось не быть. Оставив на тропе злосчастную косметичку, ненавистный артефакт мимолетного счастья, я как раненое животное, поползла в заросли.

Найдя укромное место, бросила чемодан, улеглась рядом и дала волю слезам. В их соленой воде проплывали мысли:

– Вот и понадобился обратный билет... Директор как в во-

ду смотрел. Наколдовал... Да как она смела... Я взрослая... Не хочу, не хочу, чтобы меня такие учили! Она просто из зависти... А может, отравилась плохой едой! А вдруг болеет неизлечимым? Уеду... Сейчас же!

Успокаиваясь, я услышала робкий знакомый голос добро бубнящий вне меня:

– А как быть с моей задачей?

– Где взять уроки, что я наметила?

В полной растерянности я пересматривала сложившуюся за несколько лет картину преобразования. Университет был тем сундуком сокровищ, к которому меня неудержимо влекло. Разбуженный ум, крутил и крутил вопросы, на которые я искала ответы:

– Кто я на самом деле?

– Откуда пришла и куда уйду?

– Есть ли смысл у жизни?

– Что делать, чтобы приносить пользу?

Сказки глубоко прятали истину, говорили о ней обиняками; писатели, продираясь через дебри отношений и чувствований, лишь намечали путь к ней; стихи – слишком метафоричны и увертливы; философы малопонятны. Точные науки, мне казалось, подбираются к ответам ближе всего.

Это убеждение и привело на тропу, с которой только что, одним щелчком чуть не столкнула меня ученая дама.

Этта штоо же такое...

Бог в моей детской жизни был вторым по значимости лицом после бабушки. А для нее он был Первым.

В четыре утра, она, стоя перед образами на коленях, благодарила его за всякую всячину: за то, что взошла с божьей помощью картошка, перестал уросить мальчонка у Марии, в колодце вода очистилась одной молитвой: "Велика твоя воля, Создатель".

За этим следовали просьбы: "Господь, будь милосерден, пошли своих ангелов полечить ребеночка. Дитя чистое невинное всю ночь мается, беспокойными ножками сучит. Смотреть – сердце заходится. Помоги, Всесильный Отец наш! Да сестру мою нашел бы время избавить от зловердства. Уши вянут слушать, как всех поносит. А еще, Господи, прости меня..." – и тут она переходила на шепот, обсуждая с Богом что-то очень секретное, чего никто слышать не должен.

Под разговоры я засыпала и просыпалась. Считала их таким же явлением как восход солнца. Однажды я ревниво спросила:

– Ты с Богом обо всем говоришь, а со мной только про цветочки-ягодки. А кого ты больше любишь, Его или меня?

– И Его, и тебя. Ты еще маленькая, и дела твои простые,

мы их сами разрешим. Бог – он Творец и Вседержитель. От него – все. Я одна, мне помощь нужна.

Ответ был исчерпывающий, бабушкина уверенность передалась мне, ревновать я перестала и тоже решила советоваться с Богом. Вскоре представился случай.

Мы топтались в поселковой лавке, где вместе с хлебом находилось много заманчивых вещей.

Жестяные банки с чем-то мне неизвестным, на которых был нарисован непонятный многоногий жук, рулоны ситца, глубокие калоши, чтобы справлять дела на огороде, разноцветные нитки-мулине, флакончики с одеколоном.

Клавуся – продавец, отмеряя, а потом, отрезая бабушке ситец, перебрасывалась сразу с несколькими посетителями. Покупка была ответственной, мы только что получили за побелку кухни деньги, которых в аккурат хватало для отреза на новую кофту. Присмотренные шесть цветных карандашей решили купить со следующего заработка.

Продавщица взяла деньги и со словами: “Ты уж сама, бабушка Арина, заверни, у меня, вишь, народу набежало”, – занялась тётёй, которую все запросто называли Фефелой.

Неряшливая и потная, она заняла полмагазина, и все теснились из-за нее. Меня заворожило движение что-то говорящих пухлых губ Фефелы и захотелось, чтобы моя подружка тоже посмотрела на красоту такую. В этот момент я увидела, как бабушка быстро вложила маленький флакончик одеколона в ситчик, и, завернув его в кусок бумаги, взяла под-

мышку.

Мы вышли. Мне стало горячо. Я молила, чтобы нас не остановила Клавуся. Даже слышала ее характерный удивленный голос, всегда нараспев произносящий всякую ерунду: “Эттаа што же такоое!”

Через минуту мы стояли перед своей калиткой. Бабушкины щеки непривычно расцветились. Мы смотрели друг на друга.

– Ну, что, Федул, губы надул? – не своим голосом спросила она.

Я молчала. В моей голове с сумасшедшей скоростью щелкало:

– Господи, прости ее! Ну, Господи, пусть она вернет флакончик! Бабушка не воровка, Ты же знаешь. Прости ее... Прости!

Дома она сунула сверток в сундук и пошла к печке.

– Обедать будем. А что я тебе припасла... – продолжала она скрывать

смущение напускной живостью.

– Ничего не хочу, я гулять пойду.

Всё рухнуло в одну секунду из-за дурацкого одеколона. Он лишил мою жизнь безмятежности. Ненужная безделица, укутанная в оберточную бумагу, осквернила наш сундук. Самое восхитительное место в доме, где жили интереснейшие вещи, теперь недосыгаемо. Туда страшно заглянуть. Хо-

телось немедленно, сейчас убежать от бабушки и флакончика, наподобие гремучей змеи, притаившегося в сундуке.

А потом, вернувшись, убедиться, что все – неправда, как во сне.

И на бабушку по-прежнему можно смотреть с обожанием.

В голове крутилось:

– Где моя бабушка? Где?

В огороде, среди геометрии грядок с их вечным порядком и спокойствием, прихлопывая ладошками какие-то ростки, я молила и молила с последней надеждой:

– Ты – Бог, ты всёможешь. Всё- всё!

Бабушку позвали к хворающей соседке, а я до вечера промаялась со своей тайной, рано пошла спать, и провалилась в темную яму.

Однако проснулась, как от толчка, в тот самый момент, когда разговор бабушки с Богом дошел до трудного места.

– Ты видел, Господь, грех мой? Не удержалась, рука сама потянулась. Шибко захотелось побрызгать Люську одеколоном. Прости меня грешную! – мокрым голосом молила она. – Отдам завтра. Приду и незаметно подложу, – и долгое молчание.

– Незаметно – не годится... Надо сказать, как есть, и вернуть Клавуське. Нет, – оборвала она себя, – Клавуська опечалится. Скажет, кому верить, если ты, святая наша, одеколونчик стащила.

– А может так, – продолжала она договариваться с Богом, – завтра с утра за земляничкой сгоняю и полнехонькую корзинку Клавуське принесу. Да и подарю с поклоном. И раньше денег не брала, а тут такое дело... Она шумно зашмыгала носом.

– Дак, что же это выходит? Украла я? Поняла, Господи! Вернуть надо. И все! Верну, Господи, завтра же! Поверь мне! И слышишь, Господи, покаюсь еще многожды. Бес попутал... Теперь люди в заговоры мои верить не будут...

Обсудив с Богом свою маяту, бабушка поднялась с колен, и кряхтя, и сморкаясь, пошла к кровати. Детское сердечко не вместило нахлынувшей любви и радости, освобождения от бремени, я не сдержалась и громко заплакала. Бабушка налетела на меня как курица и квохтала:

– Ты что, Ангелушечка, страшное увидела?

Она целовала меня в мокрые глаза и куда попало.

Утром из-под лоскутного одеяла меня выманил густой запах лесной земляники, усиленный горячим солнечным светом. Стоящие на скобленном столе старое берестяное лукошко и туесок были доверху полны ягод. Безупречные, они утверждали некое совершенство, нарушенное во мне. Сегодня не хотелось на них смотреть и касаться.

Поторапливаясь с завтраком, бабушка часто взглядывала в окно, из которого видно крыльцо магазина. Наконец Клавуся пришла и, повозившись с замком, гостеприимно рас-

пахнула дверь. Бабушка засуетилась, убирая со стола, промахнулась с крошками, и смела их на пол. Увидела, что я за ней наблюдаю. Смутилась.

– Я сейчас по делу отлучусь, а ты прополи грядку с редиской, приду- помогу. И быстро ушла, забрав с собой плетеную корзинку. Я тотчас припустила за ней следом, дыхание сбилось, от волнения прорывался кашель. Как же его остановить? Попробовала не дышать, но это не помогло. Уже взобравшись на завалинку, встав сбоку от открытого магазинного окна, я, наконец, успокоилась.

Тем временем внутри продолжался разговор между женщинами. Слышно было хорошо, но бабушку я совсем не видела. Клавуська рыскала по магазину, наводя порядок. Голос ее звучал полно и свежо.

– До свету что ли встала? Земляничные поляны далеко. Я бы ни в жизнь не проснулась. Хоть до ягоды охоча, как лиса до кур.

Бабушка откликнулась.

– Всю жизнь рано встаю.

– Знаю. Зачем тебе? Семеро по лавкам не бегают. А работы- ее целый день невпроворот.

– Утром у меня с Богом разговор. Молюсь я.

– О чем же с Ним можно каждый день говорить?

– Обо всем, Клавуся. Сегодня трудный разговор был. Стащила я вчера у тебя одеколончик. Не знаю, как получилось...

и зачем он мне... Ну... вот...

маялась... Бог велел вернуть... да покаяться.

Голос у бабушки стал сиплый, слова шли отрывисто, будто кто их толкал изнутри. Шепотом она добавила:

– Теперь ты знаешь...

– Ты? Украла! Этта што же такое такое делается... – В голосе Клавуси

недоверие и легкая насмешка, – А куда твой Бог смотрел?

– Клавуся... – Моя бабушка давилась словами.

– Бог-то – Бог, да не будь сам плох... Теперь ты мой судья, – прибавила растерянно моя любимица.

Не зная, что значит судья, поняла только, что она полностью доверилась Клавусе и жалость больно ужалила меня.

Прилепившись к тёмным бревнам магазина, как ящерица, боясь пошелохнуться, я оттянула мочку уха, чтобы лучше слышать. Так делал глуховатый дед Яков. Тишина в магазине нарушилась шуршанием бумаги – бабушка освободила флакончик. Потом послышались всхлипывания.

Я уже готова была кинуться бабушке на помощь, но услышала тихий голос Клавуси:

– Бабушка Арина, да не убивайся так. Первый раз слышу, чтоб человек сам признался. Эттаа ж, эттааж... невозможно! – незнакомо, душевно проговорила Клавуся.

Вслед за этим волнуясь, быстро, с вызовом, безжалостно как будто о ком-то другом Клавуся выложила:

– Я почти каждый день приворовываю... то обсчитаю маленько, то обвешу, сахар, крупы водой напою, сметану разбавлю... И тебя, бедную, тоже обсчитывала, хотя и на копейки. Да мало ли чево! Знаю, какая я дрянь! И без этого прожить можно... И сколько уж раз зарок давала. Но удержаться не могу. Порой прямо хотела, чтобы мне выволочку сделали. Да вот ты и сделала! Только не знаю, поможет ли. Это ж такая зараза!

Бабушка сморкалась и шумно втягивала носом воздух. Чтобы побыстрее успокоиться. Тихо посоветовала:

– Помолись, как я, Богу. Покайся. Трудное это дело, признаться в плохом. Гордыня-змея хитрющая не дает. Скажи Ему от души: "Прости меня грешную. Помилуй меня!" Он сам ждет таких слов от нас. Поможет.

– Ну, пойду. Устала я. Кушай земляничку. Прости меня. Сердечно прости.

– Одеколончик забери, бабушка Арина, сколько раз ты мне помогала, не упомнишь. Я-то тебя не задаривала...

Клавуська говорила просительно. Разволновавшись и пролив слезы, она утратила свой всегдашний командирский тон и слова подбирала неуверенно, наощупь.

– Возьми! Не бойся, заплачу за него. Она стала шуршать оберточной бумагой. Если что: денег, к примеру, не будет, приходи, всегда под запись дам.

Тут я поняла, что сейчас выйдет моя ненаглядная, и, оторвавшись от шероховатых брёвен, хотела быстро спрыгнуть с завалинки, но просчиталась с высотой. Метнувшись, упала на дорожку, утрамбованную спекшимся углем, немного протавившись по ней как по тёрке.

Выскочившие на рёв бабушка и Клавуся жалели меня и долго выковыривали черные вкрапления, промывали, мазали йодом. А когда все было закончено, Клавуся достала из-под прилавка коробку, а из нее самодельно сшитую тряпочную куколку с целлулоидной головкой, пришитой к плечам. Руки и ноги – в виде длинных бесформенных отростков – не было пальчиков, локтей и коленок. Платье из белого тюля придавало куклке вид существа утонченного. Мне казалось, она должна сочинять стихи для детей. Как Агния Барто.

О кукле я мечтала. Постоянно. Представляя ее подругой. Сестрой. Всякий раз, награждала новой ролью, другим характером. И вот сокровище в моих руках, синие-синие глаза в густых ресницах смотрят прямо в душу.

Теперь всё пойдет по-другому. Мы станем разговаривать о разных вещах, выдумывать, что придет в голову. А главное – я буду любить ее и жалеть. Она не скажет: не надо! Или как мама не станет угрожать: не буду тебя любить такую.

Она полюбит меня такую, потому что я люблю её! Мы обнимаемся с бабушкой и молчим. Она обещает:

– Я сошью твоей куклке красивый чепчик.

Гладкое целлулоидное лицо под её пальцами как будто щурится от удовольствия.

А Клавуся, с блестящими и припухшими от слез глазами, громко говорила и говорила.

– Куклу я Зинуле своей к Дню рожденья приготовила. Да ведь месяц ещё впереди. Головку попрошу у подружки продавщицы в соседнем поселке. И новую кралечку изготовлю.

Хочешь, я для твоей тряпочек на новое платье насобираю?

– Бабушка Арина, одеяло-то твое волшебное из лоскутков живо ли? И наклонившись к уху со смехом прошептала:

-Девчонкой к тебе без надобности бегала – чтобы на одеяле посидеть. Думала, а вдруг оно все-таки живое, как говорили. И ты на нем летаешь...

Бабушкины глаза отозвались, засмеялись. Клавуся, как равную, с интересом спросила меня:

– Как назовешь лялечку?

– А можно Зинулей?

– Зови! – разрешила Клавуся.

Мы стояли маленьким кружком. Перед глазами, на широкой столешнице прилавка, красовалась корзинка с горкой алых ягод.

Клавуся потянулась как кошка.

– Пока никого нет, давайте позавтракаем. Не успела дома.

Зато корову подоила, и свежего молока прихватила. Будем есть клубнику с парным молоком. Затея всем понравилась.

Встреча со словом.

Сбросившие листву деревья в образовавшиеся просветы с удивлением разглядывали непонятное явление. Обыкновенный куст, там внизу, превратился в пылающий факел. Если бы они смотрели на соседей, то знали бы его историю.

Однажды, купаясь в солнечном свете, куст поразился великим служением светила всему живому. С тех пор он постоянно высматривал солнце и любил его всеми своими клетками. Просыпаясь утром, ловил солнечный свет и засыпал не раньше, чем гасла последняя золотистая каёмка над сопками.

Совершенно незаметный летом на фоне буйной зелени, теперь он стал знаменем осени. Безымянный, посаженный для озеленения куст дождался, наконец, своего звёздного часа. Это была награда за верность.

Тёплый свет последних осенних лучей достался ему, стойкому к заморозкам. Ветви жизнерадостно развевались на ветру. Каждый листочек сделался неповторимым. Флюиды солнца оставили на них печать своих симпатий. Обыкновенному растению Великое существо из другого мира подарило часть своей красоты и последний поцелуй.

Изумлённые деревья склонили голову. Почему он мне попался на глаза и так поразил? Что нужно кусту от меня? Из-

далека, изнутри, расширяющейся яркой точкой, как поезд подземки, накатило воспоминание детства.

...Грузовик пробирается по заросшим сельским дорогам к пионерскому лагерю. Девятилетним ребятишкам он кажется зелёной жужелицей. На спине жука настоящая люлька, выстланная скошенной травой, свежими берёзовым вениками. Пахнет мёдом и зеленью. Мы кувыркаемся, прыгаем на мягкой подстилке и вопим от радости. Неожиданно потянуло свежим ветром. Гонцы – крупные капли – расписались на коже: начинается дождь.

Небо не просто потемнело, его не стало. Фиолетовая туча не сулила ничего хорошего. Она опускается ниже и ниже. Дети примолкли. Девочки натянули платья на коленки. Зябко. И вот уже мглу прошивают десятки молний, влага стеной обрушивается на воющий от непомерных усилий газик. Становится очень страшно, дети сжались, как птенцы, в один комок вокруг меня, ухватились друг за друга.

Мне десять – я среди них старшая. Черноголовые кудрявые близнецы Коля и Ваня особенно боятся. Они вцепились в меня так, что стало трудно дышать.

Раскаты грома ужасны, но ещё страшнее рогатые молнии, во всех направлениях разрезающие небо и испускающие беспощадный свет. Временами страх, что мы можем воспламениться, вызывает общий вопль ужаса. Я кричу: «Давайте петь закличку». Пою громко, но голос то и дело срывается: – Дождик, дождик, перестань! Мы поедem в Арестань –

Богу молиться, Христу поклониться. Я, убога сирота, отворю ворота Ключиком-замочком, Шелковым платочком!..

Коля и Ваня, а за ними и все остальные тоже выкрикивают непонятные, обладающие силой слова. Молоденький водитель выжимает всё возможное из мотора, чтобы побыстрее добраться до ближайшей деревни. Машина чихает, тарыхтит, но упорно катится по залитой колее. Когда все вымокли до последнего лоскута и в машине хлюпала вода, дождь стал чуть тише и немного слабее.

Наконец въезжаем в село, автомобиль останавливается перед магазином. Красный, как из парной, выпрыгивает наш спаситель. – Ну что, пацанва, прорвались! – и с удовольствием подставляет лицо льющейся влаге.

Кругом старые бревенчатые дома с палисадниками и лавочками, намокшие, нахохленные. Перед сельмагом плотный ковёр травы, затканый красными головками клевера. Огромное облегчение охватывает детей. Громкий смех сотрясает то одних, то других, белобрысый мальчик, размахивая мокрой рубашонкой, как заведённый носится по кругу.

Погромыхивания слышны теперь где-то вдали, хвостатая туча уползает за сосновый бор. На ясном, голубом, уже не страшном небе сияет солнце, превращая струи дождя в сверкающие нити. Сильно пахнет аптечной ромашкой. Босые ноги утопают в тёплых травяных лужах. Непонятное возбуждение заставляет бегать, прыгать и кричать что попало.

Привалившись к крылечку, я давлюсь запоздалыми сле-

зами. Через минуту Ваня и Коля оказываются рядом. Ваня тихо говорит мне прямо в ухо:

– Не надо плакать, ты хорошая, мы тебя любим.

А Коля гладит по мокрой голове. Вспышкой счастья отзывается шепот мальчика в моей душе... Как раз эти слова нужны были мне сейчас! Они пришли. Прозвучали. Как это возможно?!

Трепет сумасшедшей догадки о том, что мне открылся новый мир, перешел в озноб. Мысли и желания стали уловимыми, достижимыми. Казалось, вот прямо сейчас может явиться нужное слово, и я смогу взлететь! Смогу остановить дождь! Перепрыгнуть через время... Ощущение всемогущества пугает, сменяется неверием, заставляет затаиться.

Мальчики давно убежали. Но утешение Вани «Ты хорошая, мы тебя любим» звенело в пространстве сердца. Я почему-то знала уже, что открывшаяся сила подчинит моё будущее.

Теперь мы вместе – в радости и печали. С этого момента, с услышания, раньше, чем осознала, я стала её верной подданной. Предстояла сладкая мука страдать, любить, загораться, обманываться, возноситься и падать от одного намёка на Слова. Величайший дар обращаться к Тебе с его помощью получила я в тот миг.

Любовь навсегда.

История иной жизни похожа на корзинку, в которой легкомысленная растрёпа хранит всякую чепуху. Здесь можно встретить всё: от булавки и гвоздя до любовной записочки и столетней карамельки. Но непременный атрибут этой свалки ненужностей – клубочки. Помните, те самые, из детских историй: куда клубочек покатится, туда и ты иди.

Вечная жажда чуда привела меня в Самарканд. Оказавшись перед ансамблем Шахи-Зинда, я увидела над входом каллиграфическое посвящение, арабеску, выполненную из смальты, и, разглядывая её, застыла в изумлении – в рисунке зазвучала музыка, услышанная много лет назад в маленьком кинозальчике провинциального городка... Как не раз бывало, сильное чувство на миг лишило ощущения реальности, всё поплыло... Видно, настало время последовать за клубочком.

Канское педучилище стало моей пристанью на четыре года жизни. Удрала я из дома тайком, с маленьким чемоданчиком, называемым балеткой. В поствоенном советском пространстве брендов не водилось, но балетку-сумочку, принадлежность избранных, танцоров, имела даже моя мама. Неказистая с виду и сработанная из дерматина, она по виду своему принадлежала той умопомрачительной элите искусства,

которой покровительствовали властелины. Наши дочери сегодня, покупая сумку «Гуччи», надуваются, воображая, что вот и сравнялись с Памелой Андерсон, у которой на обложке Vogue ну точно такая же! Я тоже пережила свой период отождествления, когда пустячные игрушки заслоняли реальность...

С этой балеткой и скрученными, спрятанными в потайном кармане денежками, которых хватило на два обеда в студенческой столовке, я пустилась в новую жизнь.

Тайное убийство приготавливалось давно. Нянчить троих малышей, обихаживать вредную козу, прожорливую свинью и вечно разбегающихся кур было делом нелегким. Мне хотелось читать и мечтать. Но стоило уединиться – что-нибудь случалось: дрались и убегали в опасный мир, на улицу, дети, подгорала каша, свинья сжирала куриные яйца, коза зажёвывала мамину блузку, сохнущую на веревке...

Я придумала после семилетки поехать учиться в педучилище, адрес которого вычитала в местной газете.

– Никаких учительниц! – мать была категорически против. – Дома учительствуй. Видишь, как я кручусь. Бросить работу нельзя, а здоровье подводит, не знаю, увижу ли вас взрослыми... Отец не просыхает. Сколько лет прошло, а он всё от обиды, как с ним поступили, горькую глушит. Ты одна у меня подмога.

«Подмога» не раз слышала эти неоспоримые доводы и соглашалась. И стыдилась своей мечты. Стыдилась предатель-

ства, которое уже созрело. Может быть, даже готовилась заплатить за него позже.

Железнодорожная колея обозначила конец детства. Жёсткая верхняя полка и перестук колёс перенесли меня, как электрон, с одной орбиты на другую.

Сонные улицы, вытянувшиеся вдоль широченной реки, несущей невидимую и оттого загадочную жизнь, казалось, навсегда были заморожены её мощным движением. Каким-то чудом купеческий маленький городок, стоящий на перекрестье дорог, несмотря на свирепые набеги то белых, то красных банд, отнимавших и увозивших всё в прорву, именуемую справедливостью, сохранил свое настоящее лицо.

Ладные домики с накладными резными наличниками, обнесённые палисадниками, выстроились в ровные улицы. Усадьбы радовали какой-нибудь выдумкой: мастеровитым крылечком, парадным входом, украшенным кованым вензелем, или дверью, особо обихоженной. А то попадётся дом с верандой – глазу отрада.

Некоторые хвалились своими дымоходами – их венчали затейливые флюгеры. Выделялся железный велосипедист, крутящий педали! Деревья – все больше черемухи да рябины – прятали горожан от зноя, под их пологом привольно разрасталась пахучая кудрявая ромашка, приятно ласкающая босые ноги летом. После чумазой шахтёрской родины местечко показалось уютным, а его уклад – подходящим.

И скоро я вообразила, будто родилась и выросла здесь, у вечно текущей реки, в доме с верандой и задорным велосипедистом-флюгером.

Музыкальные способности студенток определял учитель Павел Моисеевич. Одним он вручил скрипочки, а другим, у кого слух и чувство ритма не развиты, выдал домры. Домру я разглядывала как существо, таящее в узилище запрятаный мир порхающих звуков. Внюхивалась в исходящий от неё запах лака, дёргала за струны, выстукивала её бока, заглядывала в голосник и поняла: эта штука не запоёт под моими пальцами...

Переступая порог музыкального класса, я деревенела телом, начинала мямлить, стыдясь неспособности запомнить пьеску и сыграть по нотам, сердясь на сам инструмент, упрямством своим напоминая мучившую в детстве козу, не желающую идти на пастбище.

Красная и потная сидела я перед своим учителем и молила... молила Бога прервать мучение. Павел Моисеевич, близоруко взглядываясь в меня, сказал однажды:

– Дитя, не переживай, это не твоя вина. У-сло-ви-я! – раздельно произнес он, – условия существования. И петь, и рисовать, и танцевать, тем паче учить языкам следует, как только младенец сделает первый шаг. Конечно, родительское наследство никуда не денешь. Но с ребенком надо заниматься. Эх! – выдохнул учитель горестно. – Какое упущение! Ты не переживай, домру мы приручим. Поняла?

Мягкий внимательный взгляд, задержавшийся на лице дольше обычного, лишил меня привычных ощущений. Полки с разложенными инструментами исчезли под сполохом света, тело сделалось невесомым; как тонущий, я делала бессмысленные движения руками и кивала.

Душевность учителя была подобна току высокого напряжения... Павла Моисеевича я полюбила сразу. Чего стоил один голос! Он завораживал множеством желанных слуху нюансов: излучал мягкость, ласковость, теплоту, любовь, разнеженность, умильность, трогательность, бархатистость... Часто, не различая слов, а слушая только интонации, я понимала, что он чувствует меня, как себя, видит усталость, ощущает, как неуютно мне в грубой, некрасивой одежде.

За это ему прощался самый nepозволительный грех в моем списке – дружба с алкоголем. По понедельникам от него пахло, как от моего отца. Нередко, смущаясь, учитель доставал невеликого достоинства денежку и деликатно протягивал мне:

– Купи себе, дитя, что-нибудь сытное. Сыт-но-е, – произносил утяжеляя каждый звук, словно в самом слове заключалось наполнение.

Изредка мне снились сны, в которых Павел Моисеевич, держа мою руку в своей, вел куда-то. Проснувшись среди ночи, рассматривая руку, которую только что держал мой учитель, я вспоминала наши бессловесные беседы. Мы понима-

ли друг друга, как очень близкие люди. Он уговаривал меня не бояться жить и учиться.

Весь следующий за сном день я передвигалась большими скользящими прыжками и ничего не могла с этим поделаться. Вокруг меня бушевал порывистый ветер, заставляя все-му беспричинно радоваться.

...Павел Моисеевич до войны был скрипачом в симфоническом оркестре Ленинграда. Во время блокады лишился семьи. С товарищами-музыкантами был отправлен в Новосибирск, где они оставались до Победы, но вернуться туда, где всё потеряно, он и двое его друзей не смогли. Их направили в небольшой городок Алтайского края учить музыке и пению будущих учительниц. Там предоставили по теплой комнате и заработок, обеспечивающий потребности желудка.

Одинокие и травмированные, они нашли дело и место, сотворившие им новую жизнь взамен утраченной. К тому времени музыканты уже вросли в существование города, ценили его особенное бытие и влияли на него, скрашивая картину городских будней.

Кино в городе любили – о билетах заботились заранее. Безжалостно экономя на еде и даже мыле, я тратила свои копейки на то, что совсем недавно обозначалось словом «кинематограф». Это была вторая сладкая зависимость после чтения.

Но не только фильм был приманкой. Прожив день и переделав нужное, тщательно вымывшись и почистив зубы по-

рошком (в моем представлении именно так надо было готовиться к встрече с искусством), я вступала в вечер, как в другой мир, протягивая синенький билет контролеру.

Фойе маленького кинотеатра с деревянным, чисто вымытым полом приютило скрипучие венские стулья по периметру, буфетик у входа и приподнятую сцену со ступеньками в глубине.

На ней и происходило действие. Обычно за час до сеанса появлялись три музыканта, тут же за полотняной ширмочкой переодевались и выходили при параде и со скрипками. Невесты как сохраненные старенькие фраки, хоть и туговатые, были всегда старательно отутюжены буфетчицей и прямо гордились своим долгожительством.

Пока седые скрипачи, похожие на чёрных жуков в белых шаперонах, пробовали инструменты, буфетчица с крахмальной наколкой на пышной бабетте и в кокетливом фартуке на большом животе, закрывая вафельным полотенцем сладости (мол, всё, конец торговле), управлялась со зрителями:

– Ну, штаа припоздали-тааа... музыканты, вишь, настраиваюцаа... всё... баста... тихаа, – и устраивалась слушать, подперев подбородок.

Уважительно оглядев публику: студенток, взглядывающих на учителей с обожанием, разомлевших от жары шоферов и трактористов – шумливых ребят, дурно пахнущих папиросами «Север», супружеские пары в дедморозовских ватных пальто и валенках, обычно отдельно сидящую город-

скую интеллигенцию, воспитанно шепчущую прямо в ухо собеседнику, Павел Моисеевич мягко и любовно произносил: «Моцарт».

Возникала музыка! Этого мига я ждала весь день. Зал со всем его наполнением исчезал, появлялись силы, которые со мной играли – трогали, обнимали, тормошили, раскачивали, подбрасывали и ловили, нашептывали, спорили, ободряли, насмешничали, поддразнивали, соблазняли, возносили, забавляли, увлекали и оставляли... растворяли до пустоты и вновь, как мозаику, собирали, но уже другую меня...

Как только звуки гасли, в провале тишины я украдкой оглядывалась, надеясь поймать следы пережитого в других. Но всегда опаздывала. Люди успевали вернуть привычное выражение лицам.

Павел Моисеевич поднимал опущенные во время игры веки, и его ясные, небесной синевы глаза спрашивали: «Ну, как?» Гордость за учителя и кумира проступала на моем лице густым румянцем, глаза температурно блестели, всё внутри трепетало.

В мечтах я была рядом, сумбурно рассказывая всем им, какой Павел Моисеевич умный, деликатный, добрый – не такой, как мы. Во мне заливалась любовь! Слушатели, не жалея ладошек, хлопали. Друзья улыбались. При ярком свете были видны капли пота на лицах и удовольствие.

– «Рио-Риту»? – как маленьких, спрашивал Павел Моисеевич. И тут же его товарищи выдавали немислимо зажи-

гательный пассаж, отзывающийся в теле молниеносным зигзагом веселья, который им самим, видно было, нравился. Разом смолкнув, они давали высказаться первой скрипке. Учитель нежно рисовал канву мелодии, её легчайшую паутину... И вот они, уже все вместе, пританцовывая, украшают и усложняют рисунок, повторяя его во все более изысканной форме, заполняя пустоты.

В какой-то момент музыка, минуя стены убогого строения, соединялась с темнотой ночи, блестящими звездами, серебристым мерцанием луны, становилась частью непостижимой жизни ночного неба.

Натешившись, скрипачи приглашали:

– Танцуйте, танцуйте все!

Повинуясь сердечному порыву, в круг выходили даже те, у кого не было пары, объединяясь в одно пляшущее, ликующее существо! Было жарко, весело. Буфетчица, как королева, проплывала мимо танцующих, милостиво распахивала дверь на морозную улицу. Вселенная, не в силах скрыть своего любопытства, заглядывала в проём.

...Вслед за этим воспоминанием вся жизнь, подобно киноленте при быстрой перемотке, проскочила передо мной, пока не остановилась, словно на точке, на высоком муравейнике, однажды увиденном.

Меня поразила заплутавший муравей. Все его собратья двигались цепочкой друг за другом длинной колеблющейся ленточкой. А мой, одинокий, мыкался со своим драго-

ценным грузом, рыская во все стороны. А может, он был из другого муравейника? Иногда бедолага попадал на главную дорогу, и кто-то пристраивался помочь ему донести непосильную ношу. Но гордец уклонялся от помощи и нёс поклажу сам. Он останавливался, принимался, находил тот самый нужный путь. Резво, решительно продолжал движение, но вдруг возникало препятствие. Огибая камень – гору, муравей вновь терял тропу. Выбиваясь из сил, носильщик временами опускал ношу на землю. «Все! Конец! Он сдался!» – опасение жалило сердце! А муравьишка лишь полочее хватывал свой багаж и, обдирая членистые ножки, волок его в только ему известный схрон!

Большая часть жизненного пути пройдена в таких блужданиях.

Ты – один.

Местность не знакома, а карты нет.

Не счесть препятствий на пути.

Обманы-миражи сбивают с толку.

От страха разносит голову.

На глазах шоры.

Не на что поставить ногу.

Бог забыт.

Ты зародыш.

Но через бурелом зачем-то нужного опыта тебя зазывает,

заманивает, притягивает, напоминает, приглашает, ждёт еле различимый Свет.

Наугад, просто переставляя ноги, бредёшь... Только бы не потерять Цель. И в непосильные моменты, когда сама мысль о сдаче даёт силы сделать еще один шаг («Вот он, последний... и...»), всем своим обессиленным существом я чувствую незримое присутствие человека, не пожалевшего для меня доброты. И ноги сами находят верное направление.

...По возвращении из Самарканда я остаток отпуска провела в по-прежнему милом и тихом местечке, так много значащем для меня.

Могилку учителя отыскала без труда, она была прибрана и обихожена.

Каждый миг наступает будущее

.

Дверной звонок еле пискнул. Гость?! Так рано?

– Витя! С вороной! Заходи.

– Я гулял, ну, где рябины, и кормил ворону, бросал ей хлеб, она брала и улетала на крышу. Там прятала или кому-то отдавала и снова ко мне прилетала. И вот: она летела низко, а этот «Лексус» как налетел быстро-быстро и... сбил. Я побежал, взял – она живая, подержите.

Беру грязную ворону в полотенце, прикладываю ухо к тельцу, стук сердца из-за волнения не слышу, но слабое сопротивление тела, его тепло говорят в пользу жизни.

– Где мама, Витя? Надо ей сказать, что мы поедem к ветеринарному врачу.

– Мамка пока пьяная, спит у дяди Олега. Пусть спит. Ну, поедem, быстрее! Сейчас!

Он плачет. Одет кое-как. Умываю, застегиваю, укутываю голую шею шарфом. Плачет. Что-то бормочет над чёрной бездвижной птицей. Прислушиваюсь.

– Ты будешь жить, – шепчет, – мы с тобой будем вместе... жить... – плачет. – Одному... жить... очень плохо...

Созвонившись с ветеринарным врачом и вызвав такси, наскоро одевшись, я говорю:

– А что мы потом с ней будем делать? Её же лечить придется дома.

– А пусть... она у вас... побудет, – глядя мне в глаза, тихо выговаривает мальчик. – Я коробку принесу, сделаем ей гнездо. Тё- ё-ё-тя, я так хочу с ней пожи-и-и-ть, поговорить... научу её словам... я знаю – вороны умные.

Он подошёл совсем близко, мы соприкасаемся руками. Витя через слёзы, не смахивая их, спотыкаясь от нахлынувшего волнения, тихо и доверительно, переживая всё снова, продолжает:

– У нас ей – нельзя. Дядя Олег коту Фимке в рот самогонку лил, кот потом плакал и болел, кушать не мог, выл так громко! Потом пропал!

«К вам нельзя, – думаю я. – Инна – мать-наркоманка, пропадает в соседней квартире у алкоголика Олега. О ребёнке

не заботится...»

Врач оказался свободным, быстро взял у нас ворону, скрепил ей клюв и стал осматривать: под крылом – кровь, уже запеклась. Слушает сердце, открывает вороне глаз. Говорит:

– Она в шоке. Вороны живучие.

Витёк вцепился в мою руку, а глаза неотрывно сторожат каждое движение доктора. Вдруг моё сердце стало биться быстро-быстро. Поняла. Как у моего бедного ангела – Вити. Частит. Лицо горит. Сидим на скамье, оба красные.

Доктор сделал всё необходимые манипуляции.

Витя время от времени коротко вздыхает, уходит в угол, что-то шепчет.

– Что ты там шепчешь, – спрашиваю.

– Я её прошу не умирать и ещё кого-то, – тихо-тихо говорит он мне.

– Кого просишь?

– Ну, кого-то... Знаешь, она сама ко мне прилетела, чтобы я не был в одинокости.

Лекарь был немногословен, и все наши движения замечал.

– Через час она оживет, но будет слабой, понаблюдаем сутки, послезавтра ещё привезете, тогда скажу, будет ли работать крыло, – это он подбежавшему Вите проговорил.

– Ты её вылечил?

– Нет еще.

– Ну почему? Она так сильно-сильно мне нужна! – он берет доктора за руку. – Ну полечи ещё!!!

– Не могу! Она сама будет лечиться. Ты ей мыслями помогай. Думай, как она полетит. Думай! Доктор бережно завернул ворону в полотенце и, как ребенка, положил Вите на руки.

Весь обратный путь Витя держал ворону на коленях и молчал. Мы сразу зашли в продуктовый магазин и взяли коробку. Дома, прорезав отверстия и уложив на дно старые бамбуковые салфетки, поместили туда и ворону. Витя сел у коробки и пальчиками гладил воронье крыло.

За чаем мы стали говорить о вороне. Решили: пока она «болеет» – поживёт у меня, а Витёк будет приходить. Он был очень воодушевлен, бегал от коробки к столу и говорил:

– Теперь она мой друг, мы будем с ней гулять. Я буду бежать, а она полетит надо мной.

Он улыбался... И вдруг спохватился:

– А чем мы её кормить будем? Что они, вороны больные, любят? Я больной люблю сгущенку... Открой свой «бук» – посмотри, что любят вороны, – трясёт он мою руку, – да быстрее же!!!

Пока я ищу, что любят вороны, Витёк бормочет:

– Мне скорей выучиться надо, чтобы работать... денег надо... тогда мамку возьмём и поедем с вороной в Сочи...

Он смотрит в экран. Там текст. Витя мал, ему четыре года, читать не умеет. Он срывается и бежит к коробке. Гладит птицу. Возвращается мне под бок.

– А правда, там всегда тепло? Мамка пить не будет – за-

чем? Одинокости не будет: она боится одинокости, мамка, и уходит к дяде Олегу... Я тоже боюсь! Там море... Мамка, ворона и я заживем! Дядя Сеня из подъезда туда уехал. Я вещи носил в большую машину. Он говорил: «Хорошо будет всем... в Сочи... всем хорошо будет!»

Я почувствовала, как обмякло его худенькое тельце, и он ткнулся мне в колени. Уснул... на мгновение... дернулся... проснулся и заботливо-покровительственно пообещал:

– Ты тоже с нами поедешь! И у тебя не будет одинокости... в Сочи.

Переживания и сон окончательно сморили его... Такое случилось воскресное впечатление. Случилось. Было. Ещё есть. Проснётся Витя, поправится ворона, проспится Инна-наркоманка. Каждый миг наступает будущее.

Смотрю на спящего мальчика и чувствую, что улыбаюсь. Маленький, а какой самостоятельный. Прямо как взрослый ответственный мужчина: «Ты тоже с нами поедешь!» Сглатывая комок в горле – этот вечный комок невысказанного, – думаю: какие бы новые испытания не пришли, Витя их выдержит. Потому что первое и самое трудное в жизни человека он уже обдумывает и преодолевает!

Нескончаемое путешествие

Мама, мне так холодно! Не в том смысле, что мурашки по коже. Внутри холодно, и глаза заволокло слезами. Почему-то во время тумана или метели, когда всё зыбко и неясно, я вспоминаю наш дом. В нём всегда было тепло и уютно. Можно было спрятаться от непогоды и отогреть душу.

В четыре утра поезд приходит в город. А часом раньше в низины спускается туман. Я еду домой. Может, в последний раз. Стою в узеньком коридорчике спального вагона. За кисейей тумана – ты, мама, всё, что мне дорого, я сама – настоящая.

В клубящемся облаке глухо позвякивает колокольчик козы, и слышится твой родной голос: «Лю-ю-юсь, возьми для Зойки хле-е-е-ба! И старенькую шаль захвати... хо-о-о-оо-лодно». Как не плакать.

Ты где-то рядом, я тебя чувствую. Во мне так много твоего. Не думая о себе, ты отдавала мне усилия, наполненные жизненной энергией. Невероятно тяжёлый труд для больной женщины. Тепло твоего сердца было неиссякаемым, преданность – абсолютной. До последней минуты твоя любовь берегла и поддерживала меня.

Исчез родник. Осталась растерянность. И страх перед огромным миром.

Хожу по нашему опустевшему дому, укладываю нехитрые пожитки. Они дороги только тем, что, нажитые тобой, служили нам, облегчали будни, создавали собственную, неповторимую атмосферу существования. Всё, вроде, собрано, туман займёт пустые места. Но где же то, что служило нам опорой?! Ах, да! Вот эта почерневшая икона в красном углу. Я взяла её. Но она – тоже лишь вещица, вроде гаджета или шахмат.

Пора уходить. Что-то не даёт двинуться с места. В плотной облачной пене невозможно определить направление. Нужен СВЕТ. Вот что несла в себе моя мама!

С её смертью погас сердечный огонь. Это его надо почувствовать в себе, оградить от сквозняков, от всего ненужного. Чтобы образ мира, каким он сложился в нашей семье, маленьким штришком, крохотной закорючкой обозначил картину бытия.

Для этого не требуется героических усилий. Предстоит рутинная работа: содержать своё внутреннее пространство в чистоте и в порядке, осознавать направление движения, ежедневно поддерживать свой внутренний свет. Я обошла весь дом, смела из углов паутину, убрала мусор, открыла настежь окна первым лучам солнца. Теперь перед вечностью стояла я.

Низкий поклон вам, матери, за тихое ваше служение.

Часть II. Всё лишь случается

Фуга

* * *

*Жизнь земная, куда ты несёшь?
Всё сильнее притяженье – знакомая сила.
Не случившимся манишь и голосом счастья зовешь.
Но зачем?
Ведь со мной уже это всё было.
Даль небесная светом меня напоит!
Станет путь без конца и начала!
Улетают свободные птицы, но этого мало.
Жизнь моя!
Неужели останусь в долгу, что живу,
Что душа не находит покоя,
Что стою на земле, а все птицы летят надо мною,
Что ещё Че-Ло-Век?
.....
О слепая судьба!
Как устал я бежать за тобою...*

Сергей Нырков

Диалог с поэтом.

Если долго идти вдоль моря и слушать шум набегающих волн, случается провал в тишину. Глушизну. Пропали обгоняющие друг друга, пугающие, призывающие, отрезвляющие слова. Смолкло нытьё, даже простенькая мелодия сердца сбежала. Свет и воздух проходят через меня без препятствий. Я не тело.

В провале тишины нет н и ч е г о.

Потом – проблеск восторга, как луч солнца, пробившийся в узкую щель.

И заливающее, смущённое чувство благодарности за то, что было.

А что было? Этот обморок, отключение, обнуление, провал – что он мне дал?

Обновленье. После пустоты всё засияло, как будто сняли пыльный занавес, открыли широкий горизонт. О небеса! Вы распахнули объятия в манящий, радостный, многоцветный, живой мир!

Прибой не просто шумит – на гигантском пространстве воды исполняется симфония моря. Тончайшие нюансы в направлении и силе ветра меняют рисунок мелодии. Приносимый волнами песок, образующий рельеф береговой черты, мгновенно переписывает партитуру.

Набегающий, повторяющийся, будоражащий ритм фуги прерывается внезапным шумом. Огромная стая чаек, кем-то испуганная, снялась с места и с тревожными вскриками закружила над водой. Они унесли наваждение на своих белых

крыльях.

А может, то были ангелы? И всё это случилось для меня? Слепым дождём пролились слезы благодарности... Существование расточительно. Куда бы ни взглянул – разворачивается новая картина.

Всюду приготовлены дары. Луга, полные разноцветья, радуются лету. Заблудившаяся пчела, привлечённая запахом розовой воды на щеке, принесла утешение: не плачь о неизвестном, тебе все это снится.

Пчелу увлек налетевший ветер. Слизнувший с вершущек волн запахи глубинной жизни океана, обременённый тайной, он порывается рассказать историю Вселенной. Но наше время не совпадает. Оставив на моем лице солёный поцелуй, он улетел.

Заманчиво знать наизусть историю Вселенной. Но как мне быть с вопросом, не оставляющим ни на минуту: кто я есть и зачем здесь? Затем ли, чтобы запастись опытом и знаниями? Вкус опыта горек, а жизнь бесконечна. Зачем он мне? Знания – не моё служение. Горечь преследовала меня. Убегая от неё, училась, строила семью, любила или думала, что любила (кто знает, что такое любовь!), ошибалась. Терпеливо собирала пожитки опыта и начинала сызнова...

Однажды в неудачном замужестве случилось то же, что сотворили чайки с мелодией моря. Диссоциативная fuga – болезнь бегства в незнакомый город – на время прервала мое семейное испытание. Забыв себя почти до исчезновения

имени, я растворилась в маленькой дочери. Судьба приготовила взамен неслыханное подношение – любовь. Невесть откуда взявшееся чувство нежности вместе с радостью жизни заполнило каждую клеточку тела, каждое слово и мысль.

Ни жара, ни холод, ни отсутствие денег нисколько не влияли на бесконечное ликование. Я не ходила – летала, не говорила – пела, не делала – творила. Силы удесятились, проникновение в настроение и состояние других отзывалось немедленной заботой и помощью. Каждый человек на пути становился другом. Триста шестьдесят пять дней, наполненных энергией любви, как и всё, унесли волны времени.

Благословенны дни эти!

Но куда жив человек, жив и тревожащий вопрос: кто я есть? В поисках его без устали бродила по церквям, выращивала розы, листала фолианты, старалась жить образцово и просто, глядела на звёзды, гадала на кофейной гуще. С пути сбивалась, маялась, грешила. Потом шептала Богу:

– Прости! Прости! И научи, как быть счастливой.

«Живи в восхищении», – явились в тишине слова. И сердце рванулось к ним – узанным, родным и знакомым. Восхищение – это моя суть. Кто-то краской и кистью стремится нарисовать своё поклонение. Другой врачеванием выражает любовь. Мой способ запечатлеть восторг и умиление Творцу и Человеку – слово, наполненное теплом души.

Случай позаботился о моем окружении. Замечательные, умные, близкие по духу люди стали главным содержанием

жизни.

Пусть благодарность, как тёплый ветер, коснется души каждого, кто меня восхищает.

Связь вещей.

Эдуарду К. – Человеку!

В начале декабря, посвистывая и рыская по лесам – не осталось ли где неприбранного жёлтого листочка, – заявляется метель, отплясывая на спинах ревущих ветров своё возвращение. Она весело и беспорядочно расшвыривает белые хлопья, пытается остановить воду в ручьях и реках. Но, поистративши силы, утром затихает на тонком, чистейшем пушистом покрове.

Тем временем выходит солнце и, увидев землю обольстительно свежей, посылает ей лучи своего расположения. Каждая снежинка превращается в бесценный сверкающий кристалл. Снег возвращает солнцу любовь неуловимой переливчатой игрой, блеском безупречных граней и тихим перезвоном.

Какая благодать настала! Всё живое высовывает свой любопытный нос, чтобы порадоваться наступлению зимы. Бёлки, задравши хвост, носятся как угорелые, не обращая внимания на большого шумного человека, идущего по лесной дороге. Остановившись, он наблюдает за игрой грациозных зверьков. Им так весело! Включайся, человек, в догонялки – и тебе станет хорошо.

Человеку не до игр. Он сосредоточен и углублён в себя.

Там, внутри, нет просвета от нерешённых вопросов. Стоит только дать себе поблажку, перестать ежедневно выполнять необходимую, рутинную работу – ошиваться возле дверей чиновных бонз, как в сердце поселяется изматывающая тревога. Знали бы его подопечные, как часто он испытывает отвращение, чувствуя себя трусом в коридорах власти. За много лет так и не обзавелся «барсиком», как делают многие. Эти прикормленные чинуши помогают выбивать и без того принадлежащие организации деньги, удерживаемые в недрах госструктур. Из-за частых командировок он, считающий себя ответственным, попал в собственную ловушку и вот-вот потеряет репутацию надежного руководителя – Отца, как называют его подчиненные.

В окружении природы человек надеется найти решение, распутать клубок проблем. Десяти километров до ближайшего посёлка, по его расчётам, должно хватить на обдумывание неотложной задачи.

Ворона летит параллельно. Она хватается на лету снег и, спикировав на любимую ветку, зовет: «Варера, Варера!» При этом уморительно кашляет. Человек бросает в неё шишкой. Ворона подхватывает игру, и теперь от неё трудно отвязаться. Она без устали перекусывает веточки с шишками, так, чтобы они попали в него, и каждый удар отмечает карком «Варера!». Снаряды всё чаще достигают цели. Путник сворачивает в берёзовый лес: «Ага! Чем теперь будешь бросаться?»

Из ущелья налетел ветер. Человеку холодно. Он мечтает о тепле. В посёлке есть рубленая баня. Только бы не угодить в снежный заряд на перевале. С этим шутки плохи. Путник прошёл изрядное расстояние, утомился. Он и хотел усталости. Надежда на пар и веник. Проверенный способ должен помочь обрести равновесие.

Семьи буровиков Мьянмы ждут к празднику зарплату. Рабочие верят: как и прежде, ожидания сбудутся. Множество не зависящих от него причин обжало как спрут с виду простое дело. Хотя и считают его профессионалом вот уже тридцать лет, приходится ежедневно подтверждать доброе имя. Вот так...

Даже признанный специалист ломает ноги в полном беспределе нынешней горе-экономики среди чиновничьего произвола. Непролазные лесные дебри Мьянмы – вот что такое наши товарно-денежные отношения. Если бы оплата арендованного судна была уже перечислена... Но её нет...

Банями в наши дни никого не удивишь. Но здесь сочетание японской лечебной и русской парилки его заинтересовало. Кабинки, разделённые ширмами и выстланные чёрным камнем, представляли собой лежанки, где заданная температура вызывала медленное прогревание. Постоянно выделяющиеся под воздействием тепла летучие субстанции целебного минерала, как уведомляет инструкция перед входом, способствуют очищению организма.

Человек представил, что в этот самый момент силы, ак-

кумулированные в чёрном камне, заняты таинственной работой. Высвобождаясь из плена кристаллических решеток, они проскальзывают с помощью души в его тело. Тут-то и происходит соединение тонких элементов неведомой жизни камня и его собственной.

Вообще-то в каждый момент существования человек различными способами соединяется с природой. С неживой, как он сейчас – с элементами минерала, с растительной, с живой, с человеком... наконец, с иным миром... Он в затруднении прервал цепочку мысли, не смея утвердительно ответить, насколько близок к духовности.

С первых минут тепло и звучание старинной японской музыки, доносящейся как будто издалека, привели тело в блаженство. Усталый человек быстро погрузился в полудрёму, и время перестало существовать. Только тепло. Только покой и умиротворение. Вначале он почувствовал, что проблема на самом деле не настолько сложна. И вдруг чёткий план предстал так ясно, что сон мигом улетучился, можно было хоть сейчас начинать действовать, успех был обеспечен!

Чашка чая со смородиновыми почками и соцветиями шиповника, выпитая на маленькой веранде с видом на еловый лес, и вовсе придала игривое настроение: мужчина сделал несколько гимнастических упражнений перед зеркалом. Затем отправился в парную и, плеснув душистого кваса на каменку, всласть похлестал себя веником.

Набравшись влажного жара, через веранду вышел в лес

и бросился в сугроб. Разгорячённое тело, исколотое прикосновениями тысяч ледяных снежинок, возрадовалось такой игре, просило её!

В бассейне с горячей водой человек запел. Он знал, что кроме него здесь никого нет, и пел в полный голос. Он слушал себя, пожалуй, впервые. С большим удивлением подумал: «Какой я непредсказуемый, оказывается: эдак недолго и полюбить себя, как Нарцисс!»

А! Была не была! Хорошо-то как! Почему не порадоваться?! Это «хорошо» оплачено каторжным трудом. Раньше говорили: на благо Родины. Его задача – благо семей экспедиции. Смотреть в глаза женщин, приходивших просить законный заработок мужей, равносильно пытке.

Мужчина лежал, завернувшись в тёплую простыню, и мурлыкал тихонько песню, которую в детстве слышал от мамы:

На речке, на речке, на том бережочке
Мыла Марусенька белые ножки.
Мыла Марусенька белые ножки,
Белые ноги, лазоревы очи.
Плыли по реченьке белые гуси.
Ой, вы плывите, воды не мутите...

Неизвестно откуда взявшееся озорство выдернуло его из белых пелён. Мужчина пробежался по предбаннику фертом и, попав в такт, заголосил на частушечный манер:

Эх, хорошо в стране Советов жить!

Эх, хорошо страной любимым быть!

Эх, хорошо стране полезным быть!

Через тысячу лет будет жить наш привет:

Будь готов! Будь готов! Будь готов!

«Э-эх! Какие песни были, после них – хоть на амбразуру! – усмехнулся про себя бывалый геологоразведчик. – Но про Марусеньку – душевно!»

Люби то, что есть

Примерно так, как на рисунке, выглядит из окна Инны маленький посёлок, где она живёт. Или плывёт... Так ей иногда кажется. Дом стоит на берегу моря, на возвышении. Его огибает река. Куда ни посмотришь из любого окна – везде вода. Маленький островок жизни называется Лукоморье.

Через дорогу, тоже на взгорочке, потемневший бревенчатый дом Машки. Её подруга – продавец магазина. За особую стать прозвана Кралей. Магазин – чистенький, заставленный цветущими растениями. Весь день там толчётся народ. Больше всего дальнбойщиков – через поселок проходит трасса на Север. Заходят свои посудачить, встретиться с соседями – послушать новости, а заодно и продукты купить. Всё у Машки свежее, вкусное – знает, где взять и как сохранить. Держится как правительница удельного княжества. Водители усвоили почтительный тон, она их единственная кормилица на долгом пути: помнит, кто что любит, разогреет, поднесёт, о здоровье справится.

Пьяницы – побаиваются. Словом её и вовсе не одолеть. При надобности отбреет всем на потеху. Прозвище даст – как припечатает. Только Валерьянка осмеливается клеиться к Машке. Потому что ум пропил. Думает о себе, будто молодой да красивый. Часто возле дома ошивается. Да нужен он

ей! Было время – вместо опохмелки валерьянку потреблял, тогда и кличку получил.

Недавно опять оскандалился. Захотелось полечиться до открытия магазина – «трубы горят». Известная маета: зудёж непереносимый. Машка, святое дело, красоту наводила, когда он стал в окошко скрестись. Предупредила – мол, ждать надо – раз, другой... А потом как выскочит, как выпрыгнет, Валерьянку за подмышки, в тачку у крыльца – шмяк, металлической цепью застегнула и попёрла его по дороге вдоль домов. Народ на работу шёл – все так и застыли.

– Это куда Валерьянку с жутким комфортом везут? А она катит его и во всё горло распевает:

Говорила я залётке,
Говорила дураку:
«Не пей водочку лихую,
Не кури ты табаку».

Поселковые два дня ржали и перекрестили его в Залётку. Жители крошечного села для Инны-фельдшерицы пациенты, для Машки – покупатели. Машка скатится с горки, перейдёт речку по скрипучему щелястому мостику и слышит посвист флюгера над Инниной крышей. Чаше-то он крутится как бешеный. Ветра́ у них... ветра́ с моря налетают едва не каждый день. И, конечно, стараются, как пацаны, всё сломать, вывернуть наизнанку, полюбопытствовать... да и бро-

силь, забыть.

В выходные утро подруг начинается чаепитием. По воскресеньям Машка приносит горячие рогалики. Печь любит, сама их не ест. А подружка-пампушка – сладёна. Сувениры, забавные радующие мелочи в доме Инны – это всё дары соседки, знаки её нежного внимания.

На окне – водопад зелени. Бархатистый куст Melissa хранит не хуже самого надёжного сейфа застольные разговоры, все эти причмокивания, осторожные втягивания (губы трубочкой) душистого, пахнущего лимоном и розой чая.

Женщины и цветов симпатичны друг другу. Но иногда что-то находит – и появляется отчуждение. Melissa, как говорят, вырождается. Цветок подрезают, меняют землю. А две подруги, как улитки, прячутся по своим домам и перестают жаловаться, что мужики измельчали и даже даром никому не нужны. Точно в природе: приливы и отливы.

Вряд ли часто встретишь такую, как Инна. Чувствительная очень. По каждому пустяку глаза на мокром месте. Округлости тела привлекают уютностью и природным совершенством. Так бы смотрел и смотрел, но за ней не угонишься – больно шустрая. Вечный двигатель, одним словом.

Санитарка и уборщица в фельдшерском пункте, покорённые обаянием Инны, – на подтанцовках: с пациентами управляются играючи, на чистоте просто помешаны. А как всё переделают, спевку затеют, полюбившуюся песню разучивают. И поют, все говорят, славно.

Врач в райцентре теряет перед её очередным отпуском. У него портится настроение, он задаёт тоскливый вопрос: «А что я буду без тебя делать?!» И действительно, дела идут наперекосяк... Недавно наступил очередной отпуск; слава Богу, попросила только две недели.

До войны в Лукоморье жили японцы. Их захоронения навещают родственники. Инна ещё школьницей прониклась печалью к холмикам, хранящим тайну людей, чья жизнь протекала между излучиной моря и рекой и оставила незримый след. Да и зримый тоже: вот на склоне горы их храм Тории – Небесные ворота.

К захоронениям Инна относится заботливо – верит в существование душ. Ухаживает за могилками, как если бы покойники всё видели, оценивали по меркам живущих. Кладбище неподалёку от храма её стараниями выглядит прибранным.

Небольшая группа родственников из Японии каждые два года приезжает навестить своих предков. В последний приезд они вручили Инне приглашение и деньги на поездку. Старый доктор из маленького городка Отару, чуть-чуть говорящий по-русски, звал погостить у родителей на ферме в горах.

Составив инструкцию «Как выжить в экстремальных условиях, без мамы, и сохранить жизнь коту», Инна вручила её двенадцатилетнему сыну и отбыла на соседний остров. Деревенские испытывали трудности – привыкли по всякому

пустяку в амбулаторию бегать, перезванивались и ждали возвращения Инны.

Она явилась с подарками. Это было видно по обилию коробок и пакетов, выгруженных на крыльцо. Народ дал ей отдохнуть от силы три часа. И вот все, кому надо и не надо, набились в просторную кухню – уж и присесть некуда.

Приплелись и Залётка с Шаманом – с утра в угаре, но, услышав Кралин устрашающий «кышшш!», мигом слиняли, пошли по отливу живность собирать.

Но что это?! Инна не похожа сама на себя. Видели ли вы растение, перенесшее заморозок?! Вот такой она стала. На вскинутые брови Машки вяло произнесла:

– Всё так плохо! Всё! Тело не хочет служить мне больше, сердце сбивает, пульс частит. Сил нет. Есть, спать, работать совсем не хочется.

– А что случилось?!

– Отравилась Японией!

– ???!!!

– Там я увидела жизнь, о которой мечтала.

Инна и Машка сидели в центре стола перед ворохом подарков с записочками: «Тимофеевне», «Пышке», «Дровосеку». Инна замолчала. Тимофеевна, санитарка, не выдержала:

– Мы чё, на похороны, что ль, пришли? Давай, Краля, нам чай – похлебаем с заморским печеньем, а ты, девка, не куксись, рассказывай: «Ладно за морем иль худо? И какое в свете чудо?»

– За морем житьё не худо... – откликнулась Инна чуть повеселевшим голосом. – Видела я, правда, немного, но это очень сильно подействовало на меня. В маленькой деревне в горах живут девять семей. Они испокон веков выращивают лук. Привечают туристов, приезжающих в глухомань покататься на лыжах. Весной из ближних городов паломничество: едут полюбоваться на цветущую сакуру. Инна покраснела от внимания и внутреннего волнения. Застревая на словах, с вызовом выкрикнула: – Кто-нибудь специально приходил посмотреть на заросли цветущего шиповника? А уж какой он у нас красивый!

Машка обняла подругу за плечи:

– Давай рассказывай дальше.

– Там всё по-другому. Всё-всё! В километре от деревни течёт сернистый ручей. В нём лечат больные суставы. Инна надолго замолкает, а потом тихо плачет.

– Не поняла... Так плачешь-то о чем? – не выдерживает Машка.

– Сейчас и вы заплачете, я вам расскажу... Уже в аэропорту, где мы приземлились, в киосках сувенирных продают в красивых сеточках золотые головки лука. По одной луковке, по три, лук в косах... Они такие оранжевые – светятся! А на боку каждой луковицы маленькое фото старичков, выращивших его. И сорт, и состав почвы указан. Чем не сувенир! Я ради уважения купила. Да вот же – сами убедитесь.

Она вытащила жёлтый мешочек, а из неё коробку и рас-

сыпала лук по столу. Калиброванные луковицы запрыгали, как золотые яблочки!

– Берите, угощайтесь! Запечённый – он душистый и сладкий, вкуснотища! Попробуйте дома.

– А чего до дома ждать, – Машка сгребла лук назад в коробку и понесла к духовке.

– На другой день хозяева пошли со мной на ручей. Поднимаемся мы, не спеша, в гору, они мне на красивые валуны показывают и читают нараспев стихи. И так на протяжении всей тропы, целого километра, на камнях высечены танку. (Потом узнала.) На меня умиление нашло, как в церкви. Конечно, я не понимала ни слова, но стихи, написанные несколько столетий назад и высеченные здесь, на этих камнях, в горах, кого угодно сразят. Мне показалось, это совсем другой мир, – шёпотом закончила Инна.

– А они что же – и лук выращивают, и стихи знают? – с недоверием, с вызовом даже спросила Оксана-пекарь. Сама она всё никак не могла одолеть десятый класс, третий год ездила в райцентр в вечернюю школу.

– Да! Да! – заторопилась Инна. – Старички и дома вечером стихи вслух читали. Но доконало меня даже не это. Когда мы подошли к ручью, я глазам не поверила: он весь выстлан гладкими камешками. Вручную выстлан, понимаете? Между прочим, течёт он издалека. А чтобы удобно было прогревать ноги, везде лежат сплетённые циновки. Чистота вокруг – будто мир только народился и тебе первому откры-

лись и этот ручей, и тропинка, и горы.

Сидела я там на тёплой циновке, вода в ручье пятьдесят градусов, а в голове крутится: как же надо любить и поклоняться земле своей, чтобы она сияла от счастья?! И ближний городок Отару – тоже вылизан, будто его специально к моему приезду чистили-прибирали. Куда ни зайдёшь – всюду цветы, везде чай зелёный первым делом нальют, а уж потом просьбу твою выполнят. Мне аж не по себе было от улыбок и их интереса, будто ты им родственник. Наверно, мы одичали тут, на острове, если меня всё до слез пронимало.

– Выходит, там рай? – подыграла санитарка Петровна.

– Выходит, – с вызовом откликнулась Инна. – Они ляды не точат часами, всегда чем-то полезным заняты.

Тут дверь открылась, и появились всё те же Залётка с Шаманом.

– Мы с добычей – вишь, крабов сколько притащили! Варите, бабоньки, да с пивком и обмоем возвращеньице, – зачастил Залётка и, сбросив резиновые сапоги у входа, устремился к столу.

Машка уже и руки раскинула, и своё знаменитое «Кыш-шш!» выпустила, но Инна взяла ее за руку:

– Пусть останутся, давайте крабов сварим.

Пока варились крабы да остывал печёный лук, Инна выложила на стол пачку фотографий. Среди них было много чёрно-белых и коричневатых.

– Это мне доктор подарил, чтобы мы альбом посёлка сде-

дали для детей и внуков, – пояснила Инна.

На них все тотчас узнали Лукоморье – свои дома, водокачку, пекарню, рынок. Но деревня выглядела иначе. На старых фото всё было ухоженным, домики – в обрамлении насаждений. Чистота и порядок создавали другую действительность – уютом и спокойствием веяло от улочек с бревенчатыми домами, по пояс утопающими в кустах цветущей сирени. Всех привлекла фотокарточка с мостом через реку. Залётка заволновался. Размахивая карточкой, он горячился:

– Ёлы-палы! Куда ж мы попали! Прямо заграница натуральная, а не деревня наша. На этом выгнутом мосточке только целоваться, да ночью на звёзды смотреть. Глянь, какие фонари, а год-то сороковой помечен. Нынешний – совсем развалюхой сделался!

– Ты, вундеркинд нобелевский, чем охать, лучше бы этот мост починил. Сколько раз в жизни по нему прошёл – пора должок вернуть, – Машка взяла у него фото.

– Боже! Как романтично! Пригожей была наша деревня при японцах.

Инна, покрасневшая от переживаний, с несвойственным ей напором возразила:

– А нам кто мешает хорошенько ей вернуть? Посмотри: вокруг каждого дома кучи хлама. Для чего копим, не ведаем. – Да вот я первая в субботу всё сvezу на помойку, – откликнулась Машка. – Россия, она, конечно, родина мохнатых мамонтов. Но Лукоморье – особое место, заповедное. Таких на

земле несколько. И все Лукоморьем называются. Я по телику слышала.

– Ну-ну, посмотрим... на посулы мы все горазды, – язвительно проворковала Оксана и пошла на крыльцо.

– Оксана! Ты хорошо подумала, что сказала и кому? Если в субботу не расчистишь возле дома, я тебе такую «рекламу» сделаю – сама улицу каждое утро подметать будешь.

Все потянулись к речке. На мостике топтались Залётка с Шаманом, а теперь ещё и Оксана с Машкой. Мужчины толковали о том, что придаёт мосту прочность и как дожил он до нынешних дней, а Оксана, дойдя до середины, вернулась, трясясь от страха. Её пацан пересекал мост несколько раз в день, а она не решилась дойти до конца.

Крабы хорошо пошли с пивом и луком вприкуску и недолго красовались на столе – аппетит сильно превысил количество угощения. Тут Машка решила поставить точку:

– Человеку завтра с утра на работу. Пора и нам по домам.

Она раздала всем подарки и осталась помочь прибраться. Расправившись с посудой, присела рядом с Инной:

– В школе я плохо училась, пишу по сей день с ошибками в накладных. А вот литературу любила. Когда Есенина изучали, много стихов запомнила. Прошибало меня до слёз не про любовь, нет... Стихи о нашем житье-бытье – вот что меня трогало. Помню такие строчки:

«Россия! Сердцу милый край! Душа сжимается от боли!» – Сколько времени минуло, а у нас всё тот же квас...

– Машка! Теперь ты разнылась. А про красоты забыла? Выйдешь утром на крылечко – из-за сопки солнце прямо в руки просится, море шумит стихами, янтарями тебя забрасывает. Надо слепым быть, чтобы на такие чудеса не аукнулось внутри...

Подруги обнялись.

– Ванька твой меня все дни рыбой снабжал, на пирсе хорошо краснопёрка ловилась. Кот с ним ходил. Посмотри, как разжирел, скоро мыши вас одолеют. Ну, я потопала, – сказала Машка. Остановилась на мостике, позвала: – Инн! Может, попозже на пирс с Ванькой сходим, порыбачим?

– Можно! Соскучилась я по рыбалке! ...

Утром подруг разбудили непривычные резкие звуки, доносящиеся с речки. У моста по-деловому толклись местные мужики. Зимой-то они в котельной работали, а в тёплое время болтались без дела. Залётка развернул рулончик бумаги и водил по нему пальцем. Мужики вникали. Уже и инструмент притащили, и доски откуда-то приволокли. Залётка помахал Машке рулончиком и что-то крикнул. Да разве услышишь за завесой шума прибоя. Догадаться, правда, можно:

– Делу время, потехе час! – любимую свою приговорку – вот что он крикнул.

Бесаме мучо

Начало девяностых в провинции – мрак. В полном смысле. Электроэнергия подавалась изредка. Батареи еле теплились. Зарплату не платили. В магазинах с пустыми прилавками после шести не протолкнуться. Обеспокоенная толпа с флажками продуктовых талонов в руках ждала подвоза выделенной еды, среди которой брусочек масла и куриная нога вызывали нешуточные страсти. Некоторых сильно побивали. Женщины регулярно падали в обморок от духоты. Особенно беременные.

В подъездах ночевали обколотые несчастные, только что поспевшие строить коммунизм на планете. Они опоздали. Произволом таких же, как эти, раздолбаев, но на ином уровне, строительство коммунизма отменялось, а другое строительство ещё не начиналось. Члены ГКЧП, свалившие колосса, поставили руль управления в положение «стоп» и, засевав за стол с обильной выпивкой, базарили, что делать с огромной дымящейся империей.

Но худо-бедно, под шумок, деловые люди уже подсуетились и построили в провинциальном городке ресторан «Сел», в корейском, как следует из названия, стиле, на деньги инвестора из Южной Кореи. Трёхэтажный, краснокирпичный, ладненький, красовался он на городской улице чу-

жеродной заморской игрушкой. Горожане фотографировали его и слали фото родственникам.

Близилось открытие. Мне предстояло сделать об этом событии телевизионный репортаж. Мы назначили встречу с гостем из Кореи. Готовясь вести бизнес в России, он выучил русский язык и выбрал имя Александр, его короткий вариант Саша.

Знакомились у меня дома. Все знают: первое впечатление – самое верное. Сколько раз убеждалась в этом! Вошёл полноватый мужчина лет пятидесяти. Лицо и взгляд говорили о незаурядном уме и большом грузе жизненного опыта. Тяжёлая вертикальная складка непомерной усталости в межбровье перекрывалась улыбкой. Будь она у женщины, её бы назвали обворожительной. У Саши была неотразимая улыбка. Вернее, её хотелось тут же отразить.

Мы сразу понравились друг другу, и разговор точно сорвался с цепи. Он касался открытия ресторана и приготовлений к нему. И много чего другого. Саша, покручивая мою чайную селадоновую чашечку, сказал, что сам привёз столовую посуду для ресторана, изготовленную на его фабрике. Я зацепилась за интересный факт – и открылась шкатулка чудес.

Мой собеседник преобразился – на глазах помолодел. Он стал рассказывать, как из глины, из небытия возникают хрупкие, похожие на цветы чашечки и блюда. Как комочки земного праха обретают жизнь в руках мастера и фантазера.

Легчайшими линиями остро заточенного карандаша он намечал таинственный образ зарождающегося шедевра. Его руки обрели небывалую пластичность. Они порхали, нежно обнимали воздух, оглаживали его, рисуя очертания сосудов, придающих форму пустому пространству.

Его изделия, растиражированные на фабрике, уже давно радовали множество людей в разных странах. То, что в быту называется посудой, служит нам, оказывается, существует в двух ипостасях. Эти гнёзда для еды, исполненные мастерами, можно назвать произведениями. Он был их творцом.

Передо мной сидел художник и потомственный владелец известной фарфоровой фабрики. Доходы его, не такие уж и великие, отличались стабильностью. Упоминание о маме-враче, судя по оживлённому лицу и заблестевшим глазам, было особенно дорого моему гостю.

Но что его привело в страну, переживающую сумеречный период истории, – вот что меня интересовало. С обезоруживающей откровенностью он поведал о своей склонности к авантюризму. Его интересовала Россия, её сегодняшние изменения. Он видел перспективу и хотел, чтобы единственный сын осуществил его мечту – создал бизнес и оставил родовое имя в её летописи.

В день открытия «Сеул» сиял, зал был убран в соответствии с лучшими традициями ресторанного искусства. Белоснежная посуда в соседстве с прозрачайшими бокалами создавала особый, можно сказать, аристократический изыск.

Публика собралась пёстрая. Управляющий банка сидел рядом с будущим депутатом городской думы, а нынче пока мелким мошенником, набивающим карманы «зеленью» – поборами со старух-торговок на городском рынке. В белых пиджаках прохаживались хозяева жизни – местечковые бандиты, уже размордевшие и имеющие счета в соседней Корее.

Особой кучкой держались представители новой власти, уверенные и строгие. Молодые женщины, в смелых нарядах, не известные в деловых кругах, роем пёстрых бабочек кружили по залу, то обозначая принадлежность кавалеру лёгкими интимными касаниями, то собираясь у круглых столов с аперитивами и щербача. Оркестр негромко и душевно исполнял дивертисмент из популярных песен ушедших лет.

Перерезание ленточки и последующие застольные поздравления заняли не слишком много времени. Публика, разогретая напитками и музыкой, жаждала большего. Наконец полилось рекой шампанское, перемены блюд следовали одно за другим. Но и это скоро наскучило. Устроители пригласили танцевать. Пошли все.

Музыканты усилили звук. Веселье нарастало. Грузноватый, потный, но лёгкий в танце банкир вышел из круга и быстро переговорил с оркестрантами, подкрепив просьбу пачкой денег. Через несколько минут дирижёр произнес поздравление с днем рождения присутствующей Жанне и объявил песню «Стюардесса по имени Жанна».

Танцующие освободили место в центре, и банкир галант-

но пригласил белокурую подругу на танец. Красивая, с прекрасной фигурой, подчёркнутой кроєм платья, молодая женщина, раскрасневшаяся и чуть смущённая, вышла в круг. Солист запел, и вся толпа пришла в движение. В какой-то момент к банкиру, лавируя между танцующими, пробрался молодой человек и передал ему шелковый мешочек.

Музыканты набирали темп, усилили громкость. В разгар веселья банкир, как фокусник, отбросил мешочек. Оказавшийся в его руках длинный меховой шарф из чёрнобурой лисы он ловким манером надел на шею блондинки Жанны. Все захлопали и закричали: «Жанна! Жанна!» Музыканты снова грянули «Жанну». Банкир летал по залу. Ноги ещё слушались его, но лицо искажала гримаса оупения.

Слегка притормозив, он вытащил из кармана пачку купюр и подбросил их веером над головой подруги. Зелёные банкноты дождём закружились над танцующими. Женщины побросали кавалеров и собирали «манну небесную», мужчины не отставали. Несколько пар демонстративно танцевали, наступая на деньги.

Музыканты по новой заиграли «Стюардессу», банкир без устали кружил зарозовевшую подругу в развевающемся шарфе. Наконец вся «зелень» была собрана. Взмокшая от азарта и бешеного ритма публика дружно направилась к освежённым и убраным столам. Некоторое время ели и пили под негромкое воркование певца.

Пока публика танцевала, а телеоператор и режиссер сни-

мали, Саша рассказывал мне о последней поездке в Англию, где посетил завод, производящий посуду для двора королевы. Его семнадцатилетний сын в течение всего вечера очень внимательно наблюдал за происходящим.

В этот раз в Сашином лице я заметила налёт грусти, она пробегала, как порой солнце закрывают пролетающие облака. Пользуясь своим правом задавать неудобные вопросы, я поинтересовалась, вполне ли он доверяет своим здешним компаньонам. Нет, ответил он, в бизнесе нельзя полагаться «вполне». Но он верит в свою счастливую звезду. Она до сих пор была к нему благосклонна.

Он попросил внимания. В зале стало тихо. Раздавались лишь редкие междометия перебравших блондинок. Саша поблагодарил всех за участие в празднике. Задумчиво и мягко признался в том, что любит пение и даже брал уроки и сейчас хотел бы исполнить свою любимую песню, если почтенная публика не против. Он сказал:

– Я спою вам «Бесаме мучо».

Все громко зааплодировали, музыканты проиграли вступление, и Саша запел. Некоторое время он чуть-чуть отставал от оркестра, но красивый бархатистый тембр и сильное полное звучание его голоса были настолько неожиданными здесь, что никто, пожалуй, и не заметил.

Он пел самозабвенно, увлекая голосом в таинственные глубины, где живут любовь и надежда. Где сладкая мука невстречи взрывается болью. Он пел, как если бы сейчас умолял

судьбу у всех на виду подарить ему одно только мгновение для последнего свидания.

Мне казалось, я вижу Её, улыбающуюся, парящую в воздухе. Казалось, он тоже видит Её. Она – это была его Жизнь.

Невыразимой красоты мечта, таившаяся в сердце романтика, выплескивалась на пьяненькую публику наподобие волшебной мелодии крысолова. То один, то другой слушатель, смешно сморщившись, промокали глаза. Банкир плакал, не стесняясь. Саша пел, прикрыв веки, казалось, для одного себя. Мне было боязно, что он закончит песню и умрет. Я тоже тихонько рыдала. Уж мне-то некого было стесняться. Если бы сдерживала слезы, то, может, лишилась бы сознания.

Саша владел собой, но голос его нёс огромную печаль. Болеро закончилось. Образовалась тишина. Странно, что она продержалась долго. Потом все начали громко кричать: «Бис!» Сын подошёл к Саше и, немного придерживая под локоть, привел к столу.

Собственно, на этом праздник закончился, мы сердечно и крепко обнялись, договорившись встретиться завтра.

У него не случилось завтра. Ночью Саша умер в гостинице от сердечного приступа. Таково было медицинское заключение.

По другим сведениям, в эту ночь российские компаньоны поставили его перед фактом отчуждения бизнеса.

Куда она делась

Миловидная женщина в окружении цветов, слегка растерянно отвечающая по телефону на поздравления, не укладывалась в казенную жизнь хирургического онкологического отделения.

Разнообразные цветочные композиции в пёстро нарядных обертках теснились на подоконнике, тонкий аромат фрезий сообщал, что рай рядом. Букет роз, очевидно, прославляющих каждый год прожитой жизни, украшал тумбочку.

Такая вот картина предстала Лидиным глазам сегодня утром, когда она вошла в девятую палату. Хозяйка великолепная, Тоня, дожидалась вызова в операционную. Лидия только поступила. Подруги по несчастью познакомились.

Медицинская сестра открыла дверь и застыла. Она забыла, зачем пришла, задохнувшись от возмущения:

- Это что за клумбарий здесь?! Лидия заступилась:
- Зачем вы так шутите, у Тони нервы на пределе.
- Какие шутки? Не положено антисанитарию разводить.
- Ко-лум-ба-рий – не самое подходящее слово перед операцией, – настаивала Лидия.
- А что я такое сказала? – устроили клумбу в медицинском заведении. Я и говорю – клумбарий.

– У меня сегодня день рождения, – подала голос Тоня. – С утра сотрудники поздравили. Я в озеленении работаю. Возьмите всё себе. Только розы на тумбочке, пожалуйста, оставьте. Можно?

– Ну, так бы и сказали, – забирая цветы и замазывая интонацией служебное рвение, смилостивилась заботливая сестричка.

– И прошу без придилок. Клумбарий не понравился... Это у вас, новенькая, от стресса перед операцией, выпейте мяун – кошачьи капельки, там, в коридоре. А вы, Кулакова, пойдёте со мной в операционную. И Тоню увели.

Соседку привезли через два часа. Всё, что недавно было Тоней – играло красками, говорило жизни «да», переливалось чередой сменяющих друг друга выражений, – застыло, обескровилось, остановилось. Две санитарки перекатали Тоню, как куклу, с каталки на кровать и, торопясь, с грохотом потащили прочь жалующуюся на бесконечное служение конструкцию.

Лидия увидела себя, завтрашнюю. Ей захотелось оказаться прямо сейчас на улице, за окном, рядом с больничным топодем. – Да. Может быть... Если выпадет шанс... А пока надо всё пройти... ну, не по-бабски.

Лидия подошла к Тоне, устроила поудобнее её голову на подушке, укрыла, осторожно провела по щеке.

– Всё будет хорошо, – проговорила шепотом, – мы с тобой выйдем в садик и наберём тополиных почек. Они пахнут...

Хорошо пахнут, – выдохнула Лидия и смутилась: «Ну вот, расчувствовалась, будто вымаливаю милость».

Дальше случилась пустота. Такая чуть звенящая пустота и рассеянное состояние, в котором она растворилась. Немного испугавшись, Лидия обхватила себя под грудью руками и, убедившись в телесности, стараясь двигаться тихо, вернулась на свою кровать.

Утром у неё взяли анализы, и теперь оставалось только ждать. Мысли клубились вокруг предстоящего события, несмотря на бедность материала для фантазий, и обрывались в одном месте: «Если я проснусь... если всё будет хорошо...».

В голове уже появился протест в виде очага пульсирующей боли. Лидия решила последовать совету медсестры и отправилась на поиски валерьянки.

Траурная очередь цветастых халатов вела к столику с двумя литровыми банками из-под маринованных огурцов с намертво приклеенными изображениями пупырчатых корнишонов. Надписи белым на латыни и по-русски оспаривали первоначальное назначение. Запах и вовсе не оставлял сомнений в лекарственном происхождении мутноватых средств. Народ надеялся больше на целительную силу «кошачьих капелек» и микстуры Кватера, чем на себя. Проглотив ложку-другую, пациентки не торопились расходиться по палатам, а рассаживались здесь же, в скрипучих креслицах.

Прооперированные под халатами нянчили дренажные

трубки, собирающие жидкость в том месте, где ещё недавно выпуклая плоть была связана с телом многочисленными руслами сосудов, ныне запустевающих.

Пациентки в платочках, цветных косынках и шапочках, после химиотерапии расставшиеся с причёсками, держались особняком и, видно, были сильно погружены в себя.

Тихая беседа протекала в сочувствии, взаимном доверии. Ещё недавно они и не знали о существовании друг друга, а сегодня – сёстры. Многие, несмотря на ранний час, «нарисовали» глаза и подкрасили губы. Лидия рассматривала тёмные обводки век, старательную растушёвку, тоненькую линию губ, выведенную карандашом, и почувствовала набегающие слезы. Она знала, что точно так же обозначится после операции.

Двое в платочках пытались успокоить молоденькую девушку. Судя по репликам, ей назначено на завтра. Но она хочет уйти домой, и будь что будет. Девушка на грани срыва, голос звенит:

– Не хочу я жить с ампутированной грудью. Это моё право.

Вся очередь переместилась в сторону окна, и вокруг бунтующей образовался защитный кокон. Каждая старалась найти единственное слово-кирпичик, чтобы было на что опереться, выбраться из заблуждения. Разговор шёл нервно, с паузами. Подошла санитарка Вера, обняла молоденькую:

– Я тоже одну грудь выменяла на жизнь. И не жалею.

Сколько хорошего случилось за это время. А всего-то три года прошло. Пойдём со мной, я тебе киношку дам посмотреть – обхохочешься. «Чёрный кот, белая кошка».

Лидия шла по коридору, пока ей не преградила путь маленькая женщина:

– Я – Ульяна Ивановна Шкрябина, фельдшер. Вот, – держа банку с мочой в руке и указывая на сложное сооружение, выглядывающее из-под халата, – операцию сделали, онкологическую, и что получилось... Доктора прячутся от меня, послушайте хоть вы, как я осталась без мочеточника с этой бадьёй со шлангом.

Лидия взяла Ульяну под руку и повела к узкому диванчику, но появившаяся в конце коридора фигура была для Шкрябиной важнее. Она метнулась навстречу доктору и задала, видимо, дежурный вопрос:

– Когда меня будут оперировать?

– Повторяю: не делаем мы таких операций, только в Москве. Они платные, вам к медицинским чиновникам надо.

– Да разве там меня послушают? Помогите мне, доктор! – уговаривала Шкрябина.

– Всех моих денег за год не хватит, чтобы оплатить операцию и выводить вас. У меня две семьи на шее! – выложил доктор чуть не в ухо Шкрябиной последний аргумент. Обессиленно пообещал:

– Я подумаю..., – и скрылся за дверью кабинета, где на

столе, между историями болезней, его ожидала горка околенной картошки, слегка прикрытой серым шматком неизвестного продукта. Есть не хотелось. Такое добровольно можно затолкать в себя только после сорокадневной голодовки.

Ульяна отправилась в палату – писать прошение чиновникам. Лидии оставалось изводить время в больничных коридорах. А доктор, спровадив гадость в тарелках на другой стол, взглянул в зеркало над раковиной и быстро отвёл глаза.

Похоже, он похудел. Кожа на руках истончилась от бесконечных истязаний антисептиками и от недостатка витаминов. Во рту вечная борьба «идентичного натуральному» и «натурального парадонтозного» пугала и раздражала. Не заметил, как быстро постарел!

Вспомнилась Шкрябина. Одинокая и немолодая, она вот уже месяц испытывала его волю к жизни. Ульяне нужна помощь, а у него нет ресурса. Да где ж его взять? «Похоже, он невозобновляемый, как Солнце», – невесело пошутил сам с собой доктор. Ульяна пробыла в отделении уже месяц. Надо искать обоснования для продления, чтобы хоть чем-то ей помочь. Каждый день личные просьбы допекают. Вот сейчас коллега позвонил: «Посмотри, нельзя ли жене сохранить грудь». Сохранишь грудь, погубишь жизнь. Обещал посмотреть.

Павел Ильич отхлебнул жидкость из чашки и подивился: унылость резко изменила окружающее. Напиток сообщал, что мир – помойка. Теоретически доктор с этим не согла-

шался. Чай он казнил – вылил в раковину. Пора в перевязочную. В коридоре встретил ту самую жену доктора, которую обещал посмотреть.

– Какой уровень готовности?

– Запредельный, доктор.

– Встретимся позже, вас позовут.

«Доктора жалко, – думала Лидия. – У него однообразная, трудная работа». В этом она убедилась при первой встрече. И потом всё больше и больше понимала, и сочувствовала. Подумать только: изо дня в день одни поражённые раковой опухолью молочные железы!

Собственная проблема объявилась неожиданно. Была грудь как грудь. Немного большевата, правда. Но своя, родная. За всю жизнь не нашлось настоящего ценителя. Ну, это же не произведение искусства. Художник от огорчения не умрёт. А Лидии она очень пригодилась – дочку кормить.

И вот тебе на – заныло, закололо, завыло, задёргало, запекло, загорелось. Боль взвилась, взорвалась вулканом и сделалась бедой. Раньше-то о груди вспоминала раз в году, когда лифчики покупала. А теперь вся с головы до ног стала одной сплошной сисей...

Неделя ушла на обследования и анализы. Маммограмма преподнесла первый сюрприз. Результат вынес сам заведующий кабинетом. Загадочно улыбаясь, покровительственно приобняв Лидию за плечи, стал громко уговаривать:

– Не бойтесь, у нас в онкологии замечательные хирурги.

Они сделают всё, что от них зависит.

– Что всё? – отклоняясь от доброго доктора, захотела узнать Лидия. Но не случилось. Пробегаящая коллега увлекла его с собой.

– Вам надо к маммологу, – услышала она приглушённый расстоянием совет.

Прежде всего, решила она, надо сесть и медленно, правильно подышать. У неё в груди что-то совсем плохое. Рентгеновский снимок на просвет показывал идеальные полукружья, в тених она не разбиралась, описание тоже прятало истинный смысл. Отдельной строкой напечатано «Cancer» и знак вопроса. Значит – рак груди. Предположительно. Заложило в носу, участился пульс, дыхание сделалось, как у пекинеса.

Впервые в жизни Лидия поняла значение «до» и «после». «До» – это когда смерть – абстракция, чёрная дыра, которая, может быть, теоретически существует, о ней можно размягченно рассуждать за десертом. А «после» – ты стоишь на краю ревушей, реальной, крутящейся воронки, и тебя засасывает. В поражённом теле появился неумолимый хронометр. Он материализовал время, его шаги сотрясали плоть.

Через неделю Лидия стояла перед хирургом-маммологом. Павел Ильич теперь главный распорядитель её жизни: он вынесет приговор и сам же исполнит. После изучения снимка доктор стал ощупывать грудь Лидии. Она не представляла, что касания могут быть такими нежными, бережными и лёг-

кими. И все-таки, попадая на какие-то точки, его прикосновения будили чувствительное. Новообразование, так его назвал маммолог, грызалось на едва ощутимые надавливания.

Лидия сторожила лицо доктора в надежде увидеть сомнение в виде трех точек, отраженных в глазах, или в промелькнувшем знаке вопроса.

Властная уверенность профессионала исключала и многоточие, и вопросы. По привычке тщательно помыв руки, Павел Ильич выписал Лидии направление в онкологию и согласовал дату госпитализации.

На следующую встречу Лидия пришла полностью доверившейся специалистам, которым по службе приходится разбираться с её дальнейшим существованием. Проведённое Павлом Ильичом вместе с доктором-узистом исследование ещё раз подтвердило наличие опухоли. Они тихо обменивались непонятными словами. Нарисовали карандашом на груди место расположения образования, вымерили до миллиметра. Немного поспорили о чём-то. Павел Ильич позвонил её мужу, неврологу, и попросил подготовить Лидию к операции.

Супруг вытащил медицинскую энциклопедию, нашел картинку в компьютере и начал объяснять строение молочной железы и механизм развития раковых клеток. Её сопряженность со всем организмом поразила неподготовленный ум, как шаровая молния. Лидия не стала ясновидящей. Но пограничное состояние не замедлило из формулировки пре-

вернуться в тёмную многорукую сущность.

Тесные объятия спеленали тело, мука взвилась тонким нескончаемым воем. Сознание просило пощады любой ценой. Уходящий поезд уносил огонёк последнего вагона в неизвестность. Бледность лица и учащённый пульс потребовали оказания срочной помощи. На этом предоперационная подготовка закончилась.

На другой вечер супруги без ущерба для здоровья разыскивали по Интернету протезы молочной железы и деловито обсуждали модели. Даже смеялись.

И всё шло хорошо, пока, случайно повернувшись на стуле, муж не задел слегка локтем злополучное место. Конечно же, это был повод для неизлившихся ещё слез и вырвавшегося на волю вопроса: – Ну за что это мне?

Супруг сумел воспользоваться случаем и напомнил Лидии, как это рассматривают авторы её настольных книг – Типпинг и Шрейбер.

Оба авторитета, а вместе с ними косвенно и муж, настаивали: нас беспокоит не происходящее с нами, а наши мысли об этом. Путь избавления от стресса – исследование мыслей.

Лидии не светило избавиться от стресса. Эпизодическое знакомство со своим думающим хозяйством пугало полной независимостью его существования. Мысли являлись без приглашения. Лидию ни в грош не ставили. По-разбойничьи хозяйничали, подбивали на такое... Лучше не вспоминать.

Ещё хуже давались попытки избавиться от назойливых го-

стей. Тогда зловредные оставались надолго.

Отвергая метод исследования на словах, мы все-таки пробуем его применить, если ничего другого не остается. Лидия стала перебирать пережитое. Ручка почти неосознанно следовала за воспоминаниями. Вскоре весь лист был исписан: не помогла, не выслушала, забыла, испугалась, обиделась, обманула, присвоила, злословила, использовала, обозлилась, впала в уныние, предала, отмолчалась...

Частокол обличающих глаголов обвинял, упрекал, осуждал, укорял, насмехался, казнил. Лидия растерялась и решила перевести всё в шутку: мол, конь о четырех ногах, и то спотыкается. Но не тут-то было.

Пропечатался вердикт: что натворила, то и получила.

Лидия – банковский работник, и до неё временами доходило, что она живёт в кредит. Всегда открытый магазин жизни полон добра, и можно брать сколько угодно. Но забыла: долги записаны и должны быть возвращены. Хозяин действовал, конечно, в её интересах. Однако со своей целью. Это очевидно.

Жаль, что догадка пришла лишь сейчас, когда явился сборщик налогов. С ним не поспоришь. Действительно, её жизнь – сплошная череда импульсивных поступков, ошибок, своекорыстия, неправильных выборов, причинённого зла. Но зачем она все это делала? Сомнений и быть не могло – ради себя, любимой. Она ощутила, что всё в ней зануло, сопротивляясь кажущемуся неизбежному.

В таком состоянии («будь что будет, моё дело – ноги переставлять») Лидия нарезала круги по бесконечным пустым коридорам, пытаясь осмыслить события последних дней. Поймала ощущение, что всё идет правильно. Если так, то, значит, операция станет новым этапом жизни.

Пробудившийся исследовательский интерес вернул её к фельдшеру Ульяне. Непонятна встреча с ней, но зачем-то нужна. Лидия должна помочь Ульяне? Или научиться выдержке? Может быть, увидеть с её помощью завышенные требования к другим людям?

Вспомнив о Тоне, Лидия поспешила в палату. Пришла вовремя – слабо пискнул Тонин телефон. Лидия ответила. Коллеги спрашивались, как прошла операция. Сразу после разговора Тоня открыла глаза и взглядом спросила, кто звонил. Узнав, что коллеги, крепко сомкнула веки, но тотчас вскрикнула от боли, и слёзы полились двумя ручейками вниз под волосы. Лидия засуетилась с расспросами, что болит и где. Не позвать ли доктора?

– Душа болит, доктор тут ни при чём, – измученным голосом ответила Антонина.

– Можно, я заплачусь?

– Да, пожалуйста. Я могу уйти, если так лучше.

– Не уходи. В одиночестве мою беду переживать невыносимо.

– Тоня, мне показалось, к операции ты отнеслась спокойно. Что произошло?

– Ничего, кроме самой операции. Наркоз действует. То, что казалось пустяком, сейчас рушит мою жизнь, рвёт ее на части.

– Давай с тобой попьём немного сока, и ты всё расскажешь – предложила Лидия.

Она помогла Тоне сесть на кровати, освежила ей лицо и руки, причесала. Сок пили через соломинку и переглядывались, нащупывая мостик, который поможет найти путь к другому.

В это время с возгласом «мона?» вошла Ирочка с подносиком, полным лечебных радостей, и штативом наподобие портативной виселицы. Настраивая капельницу, стала развлекать:

– В кабинет с надписью «Логопед» робко просовывает голову мужчина и спрашивает:

– Мона?

– Не мона, а нуна, – отвечает логопед.

Лидия с Тоней, переглянувшись, отозвались вежливым смехом.

– А вы, Иванова, идите в клизменную, – пробормотала Ирочка, вводя иглу.

– Почему в клизменную, еще не вечер, – Лидия была в недоумении.

– Ой, зарпортовалась, «клизменная» у нас – кабинет заведующего.

На стук никто не ответил. Лидия толкнула дверь. Доктор

спал, положив голову на стол. Скрип двери штопором прошёл через его тело: оно содрогнулось. В следующую секунду он встал и сделал приглашающий жест.

– Перегрузки, – пробормотал Павел Ильич, приглаживая волосы, – да и не молоденький уже.

Лидии понравилось, что доктор доверился ей. Внутри по-тепелело. Обследуя её грудь, он проходил по поверхности своими чуткими пальцами, как сапёр ищет мины. Его глаза, уши, кончики пальцев засекали то тайное, что вело войну под покровом кожи. Рак – Троянский конь, извечный враг доктора – отличался непредсказуемым коварством. Брови доктора сведены, глаза сужены. Огорчённый вздох и длинную паузу не надо было переводить словами, но Павел Ильич попытался:

– Ваш муж просил ещё раз посмотреть, и вот что я скажу: очень жаль, но у вас единственный вариант. Вы его знаете, – врач замялся.

Дальше надо произнести вежливые, обнадеживающие слова.

Лидия пришла на помощь:

– Доктор, моему желанию жить могла бы позавидовать многострадальная подопытная медицинская крыса. Даже с одной грудью я буду танцевать джигу в кругу недоброжелателей и радоваться. Чтобы остаться в живых, я способна сама себе сделать ампутацию без обезболивания. Павел Ильич благодарно улыбнулся, в его глазах появился блеск.

Тоня лежала под капельницей, сжимая свободной рукой, как гранату, телефон.

– Ну, что он сказал? – в её голосе сквозила озабоченность.

– Подтвердил свое решение. Завтра утром я первая.

– Не ты первая, не ты последняя, – машинально отозвалась Тоня и без всякого перехода шумно заплакала. В это время закончилась капельница. Вошедшая Ирочка с порога уловила беспорядок:

– По какому поводу мокроту разводим? Помощь нужна? Сейчас таблеточку под язык – и все проблемы побоку.

Она забрала штатив и через минуту уже вновь появилась в палате с мензуркой, на дне которой лежало Тонино спокойствие в виде маленькой сиреневой пилюли. Разговор пока не клеился. Время от времени всхлипывая, Тоня уснула.

Лидия положила руку себе на грудь, которой завтра не будет. Её выбросят на помойку, куда сегодня отправили Тонин холмик. Попробовала представить свою незваную гостью – опухоль, словно мицелий гриба под землёй. Увидев разветвлённые белые проростки, протянувшиеся в разные стороны, она удивлялась их сложному переплетению и злой силе, обманчивым путём подчинившей защиту тела – иммунные клетки. Стала думать, как хитро всё устроено, но долгие размышления её утомили.

То ли во сне, то ли наяву она увидела себя на берегу моря, рядом с большим камнем, в углублении которого хоронился белоснежный, сомкнувший лепестки морской анемон. Он

манил свежестью. Лидия протянула навстречу руку, и анемон раскрылся. Из центра вылезло щупальце и протянулось к ней. Испугавшись, она побежала.

Щупальце настигало и голосом мегафона вещало: «Вы загадили море и землю. Извели леса и животных! Хапаете и поглощаете! Вы превратили землю в помойку! Все разрыли и распахали! Вы – раковые клетки!»

– Нет! – кричала Лидия. – Я люблю и землю, и море. Это не я сделала! Но щупальце уже ухватило её, затрещало платье.

– Вредит один – отвечают все, – гремит анемон.

Цепкое щупальце сдирает одежду. Лидия бежит нагая, прикрывая единственную грудь рукой.

Открывшаяся дверь освободила от страшного возмездия Лидию, вовремя оборвав сон, и пропустила Иру с подноском. Лидия была в поту, её ноги свело судорогой.

Своё состояние она утаила, сон решила не рассказывать.

Уже стемнело, в открытую форточку струился густой терпкий дух клейких почек высокого тополя. Женщинам выдали лекарство на ночь, сделали уколы, каждая получила своё наставление. Тоня, просматривая телефон, тяжело вздохнула. Это остановило Ирочку у двери. Она улыбнулась:

– Хотите, развеселю? После года лечения психиатр говорит больному: «А может быть, жизнь – занятие не для каждого?»

– Да уж, повеселила! – взорвалась Антонина вслед за-

крывшейся двери. – Такая умная, аж череп жмёт. Веселуха!

С осторожностью двигаясь, Тоня стянула одеяло, ограждая залепленную пластырем грудь, и вытащила из тумбочки бутылку вина.

– Вот всем назло напьюсь сейчас, – с вызовом объявила она тоном капризной девочки. – Доктор сказал, после операции понемножку можно, чтобы кровь восстановить. А мне надо нервы восстановить, значит, ещё немножко.

Не закончив фразы, она принялась в голос рыдать:

– Почему он молчит? Разве трудно просто написать два слова? Не любит он меня! Без мужчин плохо, с мужчинами плохо, а вот с двумя сисями точно хорошо! Но это нынче не моё счастье.

Лидия перебралась к Тоне, села рядом. Тоня заливалась слезами. Лидия, захваченная этим потоком, заплакала с ней вместе. Превозмогая рыдания и промокая друг друга салфетками, они вернулись из мира печали в свою палату.

– Ты знаешь, Тоня, я выпью с тобой.

– У тебя же операция!

– А что операция? На войне водку для анестезии давали. Подумаешь, стакан вина. Хотя я вообще-то не пью. Так, глоток-другой. Но сегодня – надо.

– А давай, – решила Тоня, – открывай. Легко сказать открывай, а чем?

Они долго возились с перочинным ножом, потом, искрошив пробку и утопив остаток, разлили вишнёвую жидкость

по чашкам. Предусмотрительная Лидия подтащила свою тумбочку к двери, плотно приперла её, разломил плитку шоколада и щёлкнула выключателем. Свет уличного фонаря придал комнатухе таинственные очертания. Чокнулись.

– И всё-таки за любовь! – выдохнула Тоня.

– За любовь! – откликнулась Лидия. – В ней всё дело... Послушай, а почему так в жизни бывает: встретишь настоящего, нужного тебе до боли, и его отбирают. Для чего такая несправедливость?

– А кто знает, что справедливость, а что нет? – Лидия захотела увести разговор от опасного вопроса.

Но Тоня была настроена докопаться до истины:

– Вот я, например, почему груди лишилась? Сама виновата. Двадцать лет прожила с нелюбимым человеком. И нелюбящим, заметь. Во угораздило! И – пьющим! Правда, пить он стал, когда судно продали, а его выкинули. Я жалела. Старалась занять то фотографией, то туризмом. Но ему кроме бутылки ничего не надо. Любая маломальская проблема: бутылка – и спать. Дескать, нервы не выдерживают. Билась я с ним, билась... Последний год и вовсе на диване работу искал. А когда-то хорошим спецом был, помощником капитана.

Однажды опаматовалась. За неделю квартиру разменяла. Его перевезла в однокомнатную, всё ему там устроила: шторы повесила, кухню оборудовала, по шкафам всё разложила, пока он горе запивал. И осталась одна. А раньше кто не

давал?! Не поверишь, танцевала от счастья в первый вечер, будто меня на свободу из заточения выпустили.

Лидия с Тоней налили ещё вина, чокнулись, выпили. Тоня поплакала немножко, Лидия тоже. Уж больно неважный мужик портил жизнь замечательной женщине. Лидия вспомнила подруг с такими же «пряниками». Как не плакать. Тоня, чуть успокоившись, продолжила:

– Попросилась в отпуск. С милой душой отпустили, на путёвку денег подбросили. В Пятигорске в пансионате восемнадцать дней пробыла, из них десять проспала. Возвращалась домой, и в самолете возле туалета нашла Его, любовь свою. Стоит, разминается. Вот! – на экране телефона появился он.

Лидия сорвалась с кровати, включила свет. Мужик видный, даже лучше, чем представить можно. Тёплый взгляд, глаза распахнутые.

– Ух ты! Тоня отпила вина. – Спрашиваю, указывая на кабинку: «Свободно?» Отвечает: «Да кому он нужен, туалет этот. Пожалуйста, проходите!» – а у самого из глаз смех брызжет. Вернулась я на место, самолёт полупустой был, молю Бога ли, кого другого, не знаю: «Ну пусть он сядет рядом со мной!» И через минуту он рядом: «Не возражаете?» Проговорили мы всё оставшееся время. Будто только и ждали, чтобы друг дружке жизнь свою рассказать без утайки.

Когда приземлились, аж страшно стало: а как мы друг без друга? Он давно один. Жена на циркача-эквилибриста заез-

жего поменяла его много лет назад. В одночасье – дочку под мышку, двух кошек в кошёлке – в другую руку, и с цирковой труппой пустилась в путешествие. Пустая была. Молодая. Теперь у него одна забота – дочке образование дать. Он – бурильщик. На вахты ездит, в Мьянму.

Закрутилась у нас любовь вроде буранчика. Витюша всё вокруг в праздник превращает. Любая мелочь ему для баловства. А уж ласковый! И приголубит, и пожалеет, и расшевелит. У него отпуск межвахтовый был, так он – за хозяйку. Ужин приготовит, ванну нальёт, розовых лепестков набросает. Было дело, весь балкон шариками разубрал, и на каждом в любви объяснился по-разному. Вот одно: «Нашел вторую половинку, мою роднюлю Антонинку». А что? Мне нравится. С квартиры на квартиру кочевали. То у него ночевали, то у меня. Песни вечером пели на два голоса. Вот эта ему нравилась.

Тоня включила на мобильнике запись. Два голоса красиво выводили «Как упоительны в России вечера». Обнявшись, Лидия и Тоня стали подпевать:

– Любовь, шампанское, закаты, переулки... Тоня застряла после двух стихов, её голос перешёл в рыдания. Лидия не могла поддержать подругу – почувствовав действие слабительного, побежала в туалет.

Тоня дожидалась её с телефоном в руках:

– Посмотри, какого он мне пуделя купил. Говорит, специально выбрал на себя похожего, чтобы мне в его отсут-

ствие не скучно было. Два месяца пробежало. И тут беда моя приключилась. Обследования, анализы, консультации, операция. Вертелась, как волчок. Не хотела, нет, боялась ему сказать, до последнего тянула, знала, что уезжает. За день до операции надо было сюда явиться. В этот день он улетал. Ещё и с днем рождения моим совпало. Всё до кучи. У него свои затруднения оказались, надо было какой-то груз подготовить. Ночевали мы порознь. Ой! – воскликнула Тоня, – глупа выше пупа, – это обо мне.

Вечером собрала я пожитки в больницу и уже спать ложилась – звонок в дверь. Посмотрела в глазок – муж мой бывший стоит, с чемоданом и сумкой. Кричит мне: «Открой, поговорить надо!» Пять месяцев про него не вспоминала. Звонит настойчиво. Видно, что-то стряслось. Всё-таки не один год с человеком хлеб-соль ели. Вдруг беда. Открыла. Зашёл. Чувствую, крепко выпивши.

– Пусти переночевать до утра. Нанялся на судно. Квартиру сдал, завтра надо быть в порту. Сегодня друзьям отходную давал, засиделись в ресторане. Не успел уехать засветло. Думал, переночую со своими квартирантами, а у них скандал, возражают, значит, против моего присутствия. Выручай.

Сердце слабое, впустила. Думаю, куда он в ночь, пьяный... Договорились: утром рано на такси уедет. Будильник поставила. И закрылась у себя. С Виктором по телефону спокойной ночи пожелали друг другу. Сказал, что в девять заедет поцеловать меня. А бывший муж, гад, проспал!

Тоня повисла плече у Лидии и застонала.

Лидия уже предвидела конец и разволновалась, допила вино, почувствовала кружение в голове и вселенскую грусть от проявляющейся истории.

– Проснулся в семь часов и полез в душ. Я тоже будильник не услышала, ночью не спалось долго. Вышел из ванны – звонок в дверь. Он накинул мой халат – подарок Виктора, весь в розах, – не спрашивая, открыл, а там Виктор. Представляешь, сцена. Ну, Виктор букет ему в руки. Передайте, мол, Антонине. А следом протянул корзину с фруктами. И – вниз по лестнице. А это пришлое чудовище, ящер доисторический, букет на пол бросил, а корзину с фруктами вслед Виктору зафантилил, так что они разлетелись и прыгали с Виктором наперегонки. Пока я на шум выскочила, такси уже от подъезда отъехало. Ой, да за какие мне грехи это наказание? – воскликнула Тоня, и неиссякаемые слёзы в который раз залили её лицо.

Лидия прижала подругу к себе, гладила мокрые щёки, убеждала:

– Всё образумится. Вы же любите друг друга. Куда она денется, эта любовь! Ты подожди, не убивайся. Мы вместе что-нибудь придумаем. Мы её вернем! Тоня кивком согласилась. Обессиленная от переживаний и алкоголя, предложила:

– Давай споем. Её моя мама любила. «Куда бежишь, тропинка милая, куда бежишь, куда зовёшь? Кого ждала, кого любила я, уж не догонишь, не вернёшь». Тоня и Лидия два

раза пропели куплет, после чего Тоня сказала:

– Дальше – не про меня. Споём сначала.

И затянули снова. В это время поехала тумбочка. Дверь приоткрылась. В проёме – растрёпанная Ирочка. Удивление сделало её лицо неузнаваемым.

– Вы... что это... вино... Пьянствуете... – медленно подбирая слова, она изучала происходящее. – Нарушаете распорядок, – испуг и растерянность сквозили в её голосе. – В сиську пьяные! – это уже Ира набирала обороты.

– Нет, совсем чуть-чуть! – успокоила Лидия.

– И поёте! Пьяные! Ночью! – не унималась Ирочка.

– Мы любовь отпеваем! – обречённо и важно произнесла Антонина. – Так вот.

Ира уже стояла рядом, с бутылкой в руке, и рассматривала остаток с крошками пробки.

– Да вы с ума сошли! Она быстренько подбежала к двери, придвинула её тумбочкой и стала наводить порядок в палате.

– Что случилось-то? – спросила она, окончательно стряхнув замешательство.

– Любимого я потеряла. Вот что случилось. Тоня раскачивалась из стороны в сторону, как китайский болванчик.

– Господи! – простонала Ира, выливая остатки вина в чашку.

– Беда какая! Я это допью. Вам уже хватит.

Она обняла Тонию и утешила:

– Любовь – как корь: чем позже приходит, тем опаснее.

Это я по себе знаю. Бутылку забираю, сворачивайте поляну, на горшок и в койку. Не дай бог, дежурный доктор зайдет, всем нам хана. С этими словами она вернула на место тумбочку и выключила свет.

– Тоня! – окликнула со своей кровати Лидия. – Ты Богу-то спасибо сказала, что Он тебе еще дал шанс? Сегодня ждала тебя и молила: только бы проснулась и опять увидела тополь за окном. На самом деле, Тоня, это другой мир. Волшебный зелёный замок. А листья – его обитатели. Только для нас они листья!

– Лидия, ты прямо в сердце мне заглянула. Я когда глаза открыла после операции, сказала себе: а теперь, подруга, будем жить так, будто каждый день – подарок. Если что – ты мне напомни. А теперь давай спать. У тебя завтра испытание.

Фантазерка Лидия закрыла глаза и оказалась под зелёными сводами. Про себя отметила:

– Это я у тополя в гостях.

Её ждали и повели знакомиться. По пути разворачивались картины известного. Только всё было из света. Добро, любовь, нежность смешивались наподобие запахов. «Я останусь. Здесь моё место», – думала Лидия, радуясь и желая. Любовь завладела ею, как нежная гигантская волна. Лидия исчезла в ней. Так бывает в море, когда ты ощущаешь, что вода и тело перемешались и стали одним.

– Попрошу прощения у всех, кого люблю. Они поймут. – Маленькое сомнение, хорошо ли оставить всех, победила

любовь. Она заполнила её до последней клеточки и рвалась наружу. Лидия решила сейчас же сказать о своей любви каждому и попроситься.

Знакомый скрежет больничного механизма вернул её в палату номер девять. Наступило утро. Ирочка с листочком и санитарка с каталкой стояли в проёме двери, но что-то не сходилась. Замотанная утренней суетой медсестра, уставившись в листок и бормоча «Началось в колхозе утро...», на ходу меняла беспорядок на порядок.

– Каталку обратно в стойло, а вы, Лидия Ивановна, своим ходом на УЗИ быстро. Снимаем халат! Только в рубашке идём. Почему тормозим? Премедикация действует? А может, что другое? Всё равно повеселее. Весна да лето, пройдёт и это. Я побежала. К вам, Антонина, позже зайду. Ждите... ждите... – жужжала она уже в коридоре.

– Ну, вот и всё, – сказала себе Лидия. Её мозг с удовольствием расслабился.

– Теперь от меня ничего не зависит. Начинается новое действие. В нём играют доктора по сценарию известного Автора.

Не успела перевести дух, белкой в колесе завертелась уже отмеченная гостья...

– Что заслужила... – знаю, – отмахнулась Лидия. – А кто сказал, что мне слабо заплатить по счетам?

Снимая халат и причесываясь, Лидия видела, как опасно Тоня шарила под халатом. Нашупала пластырь, провела

осторожно рукой, убедилась в непреложности свершившегося – груди нет. Нахлынул холод, и щемящая жалость сдавила горло. Она осталась со своей бедой совсем одна. Непривычное ощущение отразилось на лице испугом.

– Тоня! – позвала Лидия тихим голосом. – Не забывай. твой сборщик налогов ушёл. Он оставил тебе жизнь, Тонечка! Посмотри за окно, свистуны слетелись, тебе петь будут, – она подошла и погладила Тонину руку. – Я тебя люблю! Скоро встретимся.

Перед кабинетом УЗИ уже стояли, как часовые, трое приговоренных к операции – плечом к плечу.

Телефон в руке Лидии начал ухать по свиному, – очередной сюрприз любимого супруга:

– Ты готова? В порядке? Молодец. Позвоню позже. Пока.

Выглянувшая медсестра взвила голос до прокуренного крещендо:

– Все слепые? И глухие? Читаю: мобильники выключить! Отключаем на раз, два, три. Второй раз вызываю: Иванова здесь?

– Вот я!

– Где вы были?

– Уже не помню, – попробовала отшутиться Лидия.

– Мне-то латерально, – хлопнула себя по боку суровая воспитательница, – а доктор паром исходит.

Привычным жестом отведённого локтя отодвинув «часовых», она освободила проход. Видимо, пар улетучился, и

Лидия ничего не имела против переименования в «голубку мою». Под приятное воркование докторши, а это была известная и непогрешимая в исследованиях Ирина Иосифовна, тело Лидии на кушетке дёрнулось и попыталось вернуть пропущенный ночной сон. Бдительная хозяйка прогнала его одним только воображением операционной.

Узистка утюжила и утюжила грудь вдоль и поперёк, зарываясь в мягкую плоть. Зорко вглядывалась в экран, сверялась с прежним снимком, ставила метки и шлепала новую порцию слизи для лучшего сопряжения. Нарастающее раздражение Ирины Иосифовны незамедлительно отзывалось болью. Давление было слишком сильным. Время шло, доктор всё больше нервничала. Даже стала бормотать: «Ничего не понимаю, где она?..»

Лидия несколько раз порывалась спросить, что за новые проблемы у неё в груди, но не посмела. Доктор хищно охотилась за своей целью, ни на секунду не отрывая взгляд от монитора. Наконец, сдвинув очки на лоб и повернув экран к Лидии, будто она что-то могла понять, озадаченно сказала:

– Опухоль ваша не лоцируется, пропала куда-то.

Хирург не вошел, не ворвался – он влетел на облаке свежей дезинфекции, завис над монитором и жарким шепотом выдохнул:

– Что происходит, почему задержка?

– Она пропала, – в замешательстве произнесла узистка, вновь ухватившись за датчик и безнадёжно проглаживая

мокрый участок.

– Смотрите!

– Да, непонятно... Не понятно... Ещё раз... Проведите правее. Повторите.

Повысив голос, Павел Ильич напористо командовал:

– Проходим эту зону ещё раз. И – рядом.

Тишину располосовал сигнал телефона. Голос, свободный от смягчающих человеческих модуляций, возопил:

– Операционная простаивает полчаса. Кто платить будет?

Павел Ильич недоумённо уставился на узистку:

– Куда она делась?

– А я знаю? Бывает. Говорят, они в церковь сходят, помолвятся, и вот... – Ирина Иосифовна развела руками. – Я тут причём?

Хирург некоторое время изумлённо и вопрошающе смотрел на лежащую Лидию. Его вытянутое лицо с поднятыми бровями потеряло управление.

– Так. Вставайте, идите в палату и звоните мужу, чтобы забрал вас домой.

Через два месяца сюда на УЗИ. Столкнувшись с растерянным взглядом Лидии, добавил:

– Она куда-то делась, исчезла, – поправился Павел Ильич смущённо. И сам мгновенно исчез, что подтвердило движение воздуха.

Эпизод из жизни доктора

– Rrrrrrrrrrrrrrrrrrr! Выходи из своего бункера! Второй раз греть не буду! – женский голос полон привычной невсамделишной угрозы. Хозяйка внимательно оглядывает стол, подвигает маленькую вазочку с бархатцами поближе к прибору мужа, наливает себе кофе и присаживается к столу. Задумывается.

– Што тебе от мене надо?!!! Пощиму ты пришледуешь мене?!!!

Таинственный, полный ужаса голос звучит над головой так неожиданно, что женщина вздрагивает, и кофе проливается.

– Не можешь без своих дурацких шуточек! – отбивается она от мужа, желающего загладить свою вину, поцелуем...

– Ангел мой! Я репетирую разговор с Малыгиной. Через час она будет состязаться со мной в излюбленном направлении: «Что вы, доктор, ещё НЕ ЗНАЕТЕ о синдроме раздражённого кишечника?». Она просидела, как и я, на телеконференции до двух ночи. Надо думать, не зря. На приём записана первой.

– А ты не можешь не дискутировать с ней?

– Не могу! Она инвалид. Имеет право на странности. Кто ей запретит изучать свои болячки с помощью Интернета? Ты

же знаешь моё правило: я не лечу, а только помогаю пациенту лечиться. Прости, напугал тебя. Я хотел бы сказать это ей... если бы у неё было чувство юмора. Как у тебя.

Взгляд его упал на цветы и лежащий рядом яркий свёрток. Он стукнул себя по лбу. Скомандовал:

– Поздравляй!

Встал на стул – изобразил свою статую. Получилось ужасно карикатурно.

Справившись с приступом смеха, Елена взяла мужа за руку. Встретились взгляды, полные тепла и нежности.

– Поздравляю! Шестьдесят – вполне подходящий возраст, чтобы задуматься о себе. Мой подарок, надеюсь, поможет.

– Хорошая идея. Принимаю! И за подарочек гран мерси... Подарочки мы, доктора, любим, особенно жидкие, крепкие...

Он разворачивает бумагу, вынимает шарф и тут же наматывает его на шею. Рассыпавшиеся коробочки и вовсе приводят его в дурашливый восторг:

– Глиатилин – виагра для мозга! Как всегда, то, что надо, хитроумная Елена! Будешь моим семейным врачом. Но не выходи за пределы капустного листа. Предупреждаю миром: не покушайся на мой авторитет. Лекарства здесь назначаю я.

Знакомые властные нотки царапают. Но какая мелочь... Можно ведь и не заметить...

– Да уж, знаю!

Праздничный завтрак доктору определенно нравится: он

с аппетитом принимается за горячий салат с обжаренной курочкой и хрустящими сухариками. И поглядывает на румяный хачапури, весь в выпуклостях и вмятинках. Его красивые большие руки двигаются над тарелками в медленном целесообразном танце. Елене нравится смотреть, как её муж ест.

Шаги стихли, хлопнула входная дверь. В воображении Елены открылась сразу же другая: за ней знакомый запах легкой дезинфекции, негромкие приветствия пациентов, регистраторов, чей-то настойчивый голос:

– Запишите меня к Че..., – и не менее определенный ответ:

– К нему записи уже нет.

– Только к нему – на любой день недели.

...Он пройдёт мимо своего фото на доске лучших, по отзывам пациентов, работников клиники, остановится и прочитает весёлое приветствие в честь дня рождения. Как ребёнок, долго будет рассматривать картинку, где он, взмыв на воздушных шарах, из скопления звёзд смотрит на множество улыбающихся с Земли лиц...

– Небожииитель! Уважа-а-а-ют! Ж-и-и-и-и-ть хотят!

Он знает, что пациенты между собой называют его доктором Хаусом – за большой медицинский опыт и резковатый тон. Его шутки с налётом чёрного юмора ему же рассказывают водители на вызовах. Забавно! Жаль, некогда перекинуться с ними словом.

«Время – деньги» – это управленцы чётко усвоили. Приём регламентирован ретивыми чиновниками до полной власти над временем врача. Блицтурнир получается. Ставки известные. Правильные ходы обеспечивают пациенту возврат к привычному комфорту, а ему – серотонин с адреналином и ощущение достойного партнёрства с природой.

Ира Малыгина с прошлого приема ушла со словами:

– Болезнь и поросёнка не красит, а уж меня-то подавно, – явно с упреком доктору.

Необходимо изменить ситуацию. Полчаса пройдут в напряженной работе. Терпеливо и мягко он будет доказывать необходимость своего плана лечения. В тот момент, когда пациентка поймёт чётко выстроенную схему и уже мысленно увидит желанный результат, его коснётся тёплый луч благодарности. Без этой реальной оценки сорок тысяч рублей (третья часть заработка бухгалтера, начислявшей ему ежемесячную выплату) были бы унижительными.

Не так гладко и просто сложится беседа с молодым специалистом по котировкам нефти. Чувство собственной значимости и высокий статус внушили ведущему менеджеру болезненное внимание к здоровью. Появляющиеся после гриппа четыре-пять экстрасистол в день пугали его до приступов паники, до удушья. Единственный, кто подолгу мог обсуждать с ним эту проблему, – доктор Че... Жена пациента давно потеряла терпение.

Сегодня доктор особенно спокоен. Пациент, напротив,

множеством мелких движений, покашливанием выдаёт растерянность и притаившуюся тревогу. Молчание затягивается, но врач не торопится. Дождавшись внимания, по привычке, к главному идёт кругами. Порасспросил, ходил ли он с женой на столичный спектакль «Рассказы Шукшина» с Олегом Мироновым в главной роли. Удивился, как удаётся актеру вести весь спектакль в сумасшедшем ритме. Поинтересовался ценами на нефть. Выразил озабоченность их падением. Услышал разъяснение:

– Так это всего 0,16 доллара. Завтра она изменится и выровняется. А в целом картина благополучная. Обычное дело.

– Так и ваши пять экстрасистол в день – это всего лишь мелкое временное нарушение. Его нельзя игнорировать, но можно корректировать.

Экстрасистолия – это самая распространённая аритмия, возникает как у больных, так и у практически здоровых людей.

Пауза. Лицо молодого человека моментально отреагировало зарозовевшей кожей и блестящими глазами. Понятый процесс за какое-то мгновение победил страх смерти. Доктор и пациент расстались, впервые совершенно довольные друг другом.

Доктор Че сцепил руки, как будто запер в них удачу.

– И кто тут жалеет доктора, что он не сделал маломальской карьеры?! – в который раз возразит он невидимому наблюдателю. – «Яйцеголовый» – ещё один, отвоёванный у его

собственного заблуждающегося разума. Что вы в этом смысле, господа хорошие!

Жена доктора любит редкие выходы вместе. В небольшом областном центре можно и до театра, и в ресторан добраться пешком. Где бы они не оказывались в окружении людей, доктора приветствуют сердечными улыбками и добрыми словами, как близкого человека. Чаще всего, конечно, тут же возникает неотложный вопрос по здоровью.

И на этот раз вряд ли им дадут поужинать в одиночестве. Старательно отглаживая мужнину рубашку, она проникается её белизной, как светом. Вспыхнувшая мысль вызывает глубокое удивление: «Муж – настоящий охотник за недугами. Найти и обезвредить – вот с чем выходит он на тропу единственно справедливой войны. Конечно, и один в поле воин! Его стратегия включает обучение пациентов грамотной защите. «Обращённые» – гордость доктора Че. А я всё подгоняю да подгоняю его, тереблю, спокойствия лишаю.

Люди на курортах здоровье поправляют, а мы в свои шестьдесят проверку на выносливость устроили, наматывая сотни километров по монгольским безлюдным, почти лунным ландшафтам. Ремонт своими руками – та ещё авантюра! Чуть не сдались... Но ведь сделали. В процессе получили уйму полезных умений. На знакомство с эзотерическими учениями два года потратили, поняли: всей жизни мало. Во что только не ввязывались... Были проколы, осечки... Не было скуки! Хорошенькая же у меня роль – покалывать

осла*, чтобы он двигался вперед. Впрочем, что тут такого. Шли ведь вместе».

Вечером, за праздничным столом, жена доктора услышит «новые истории». Она привычно ждёт очередное продолжение нескончаемого сериала. Память Елены вот уже двадцать пять лет, как хорошо организованный архив, хранит летопись практики врача Че, честный отчет его достижений и неудач.

Она же – просто домохозяйка, его жена.

* Погонщик переводится на арамейский язык, на котором написана «Зоар», главная

книга Каббалы, как «колющий». Потому что его действие сводится к покалыванию

остриём палки ослов – этим он заставляет их двигаться.

А хамор, осёл – от слова

хомер, – материя, эгоизм.

Всё лишь случается

.

Вокруг царит безмятежность. Маленький самолёт отважно рассекает сугробы облаков, выныривая в оконца ясности, убеждается: под брюхом, как и должно – зелёное море тайги, блюдца озёр – заливное на скатерти-самобранке, змейки-речки играют с горами, убегая от них к неизвестному морю. Ровно гудит отважное сердце большой пчелы. Уже час

самолет радуется родной стихии, а два пассажира, молодые мужчина и женщина, похожая на девочку-старшеклассницу, не сказали друг другу ни слова. Илья не отрывался от окна, на лице Оли застыло страдание. В другой раз они бы без умолку болтали, обмениваясь впечатлениями.

Но сегодня... всё резко изменилось. Оля и Илья уже год жили вместе. Корреспондент ТАСС и молодая журналистка окружного радио, по мнению коллег, были очень подходящей парой. И не без основания. При первой встрече и знакомстве в редакции искра между ними пробежала и прилепила друг к другу. Известно: ничего не происходит просто так, всё взаимообусловлено неизвестными человеку причинно-следственными связями. Нечего туда соваться. Пробежала – значит, так было нужно. Им не пришлось переживать период ухаживания и сближения – кто-то решил: быть вместе.

Подоспевшая по разнарядке квартира в сдающемся доме была одна. Собралась пишущая братия на очередные посиделки, да там и уговорили их стать семьей. А когда подействовали градусы, до утра кричали «Горько!».

Окружной центр небольшой, населения всего пять тысяч человек. Собак – тех много больше. Зато площадей меряных – целая Турция поместится или Чили. Связь в те годы была никудышная. Попробуй сладить с заслоном тайги и хребтами плато Путорана. Горло надорвешь. Материал в основном добывали в командировках. Иногда задания молодежѐ-

нов совпадали. Как в этот раз.

Безотказная «Аннушка» держала курс на Юкту, дальний посёлок на Нижней Тунгуске, где основной вид хозяйства – разведение чёрнобурых лисиц. Меха с этой фермы ценили на пушных аукционах за красивый окрас и блеск, за прочность мездры. Доход и слава доставались не только начальству в Большом Чуме, но хватало обеспечить работников жильём, построить просторный магазин, амбулаторию, регулярно снабжать звероводов сезонной спецодеждой. О хорошем содержании лисиц и говорить не стоило. И рыба свежая прямо из реки, и витамины – как полагается. Но и на старуху бывает проруха. До сих пор неизвестно, что вызывает у животных болезнь «самопогрызание», но случилась эта напасть на Юктинской ферме. Надо было рассказать, как справляется с бедой коллектив и есть ли надежда сохранить поголовье.

По дороге в аэропорт Оля зашла в женскую поликлинику и получила лабораторный анализ на беременность. Он был положительный, десять недель в ней развивалась новая жизнь. Тело мгновенно возликовало от радости, и невидимые крылья понесли её, размахивающую бумажкой, к машине. Плюхнувшись на сиденье редакционного газика, прошептала Илье прямо в ухо: «У нас будет ребенок. Вот – десять недель!» Илья коснулся поцелуем её щеки и тихо сказал: «Поговорим после». Сдержанный голос не скрыл растерянности.

С первой минуты осознания новой жизни в себе Олино

существо переустроивалось, коря себя за опоздание. Она горячо благодарила Создателя, шептала Ему, как папе, ласковые слова. Вдруг с удивлением почувствовала своё тело хрупким сосудом, в который поместили величайшую драгоценность – будущее дитя. Сладкие мечты, как рой бабочек, порхали вокруг и нашёптывали всякое нежное, успокоительно-счастливое.

Как только вещи были выгружены на лётное поле и водитель ушел, Илья, взяв её горячую беспокойную руку, стал медленно говорить. Но совсем не то, что она уже слышала в мечтах. Не то и не так. Голос его был сух и строг, как у ментора:

– Это преждевременно. Когда меня переведут в другое место, у ребёнка будет больше возможностей для развития. Сейчас придется отказаться от этой затеи.

Оглушенная, она пошла вдоль кромки лётного поля, всё убыстряя шаг, надеясь превозмочь образовавшийся вакуум. Илья догнал её, обнял за плечи.

– Пойми, многие делают так, если обстоятельства не складываются в пользу... Сквозь возникшую преграду слова мужа прозвучали глухо и очень страшно.

– Ты предлагаешь убить ребенка?!

– Это называется аборт, к нему прибегают многие, он не запрещен...

Оля с трудом различала слова, по щекам заструились слёзы, оставляя извилистые бороздки.

– Не разводи сырость. Мы летим в командировку. Надо сделать дело. Вернёмся – подумаем.

Оля замолчала, ушла в себя. Укутанная легкой кисеей чьей-то заботы, под гул самолёта даже уснула. В тот же день они побывали на ферме, увидели безумных животных, грызущих свои хвосты и конечности. Лисы взвизгивали, кружили по клетке и вновь принимались истязать себя. Смотреть на это было невыносимо печально. Ветеринары и звероводы, конечно, делали всё возможное, чтобы сохранить зверей.

Журналистов разместили в амбулатории – отдельно стоящем строении с крылечком. В доме было тепло, трещали в печи смолистые поленья, через дырочки дверцы сполохи постоянно проецировали на стену живую пляску огня. Две небольшие комнаты-палаты были чисто убраны и заправлены белоснежным бельём. Горка подушек возвышалась совсем по-домашнему. На столе заботливо собран поднос для чаепития. Китайский термос источал запах роз, но не потому, что они были нарисованы, – настоящий распаренный шиповник отдавал флюиды лета. За чаем Оля и Илья старались не встречаться взглядами. Вскоре Илья ушел отослать корреспонденцию и решить вопрос об аренде лодки для завтрашной поездки на озёра. Пострелять уток было его мечтой.

Поплотнее запахнув куртку, Оля вышла на крыльцо. От реки уже тянуло холодом. Тайга и река, в вечерних сумерках изменившие размеры, как будто придвинулись вплотную. Ей хотелось опоры, чего-то надёжного. Оля села на скамейку и

ухватилась за перила. Тело было напряжено, сжалось и дрожало от страха. Против убийства протестовала каждая клетка.

– Должно быть, так же трясётся от страха ребёнок. Если что-то одно болит у человека, всё тело страдает. А тут замыслилось страшное!

Оля посмотрела на усыпанный звёздами небосвод и услышала мириады сигналов. Каждая мигающая точка посылала ей сочувственные вибрации.

– Выбор у меня один – дать жизнь ребенку. А чтобы не причинить вреда, надо исключить все травмирующие моменты. Как – это ежедневная задача. Моя! – уточнила она с горечью.

Некоторое время Оля бездумно всматривалась в россыпи небесных светил. Отчаяние, держащее её в жёстком корсете, незаметно ослабело. Изредка падали метеориты, оставляя росчерки таинственных устремлений. Над домами поднимались высокие белые столбы дыма, обещая надёжное убежище человеку. Послышался ленивый лай собак.

Вскоре подошел Илья в сопровождении местного жителя. Тот назвал себя Савелием и пообещал Оле самолично с утра опробовать лодку в ледовом крошewe. Ночью были заморозки, по реке шла ледяная крошка, шуга по-здешнему. Илья уснул сразу, едва забрался под одеяло. Оля медленно перебирала события длинного и необычного сегодняшнего дня. Услужливое сознание убирало жалящие, как крапива, мысли

и направляло внимание на маленькое существо, теперь главное в её жизни. Она изредка вздрагивала, как после затухающих рыданий. В незанавешенное окно заглядывали из своего далёка звёзды. Им салютовали короткими яркими фейерверками догорающие в печи поленья. Под полом бегали, шуршали шустрые существа. Пел сверчок. Кто-то, оставляя звуковую цепочку царапающих коготков, пересёк комнату и отправился по своим важным делам. Совсем рядом ухнула сова, видимо, она жила под крышей и летала на охоту. «Суета и хлопоты о пропитании, совсем как у людей», – подумала Оля и уснула.

Утро стояло у крыльца недовольное, хмурое, настороженное. Савелий, разбудивший их, уже спустил лодку на воду, и они с Ильей прошли на ней вдоль берега. Оказалось, шуга идет плотнее, чем накануне. Лодочник, выпивший с ними чай, вышел на крыльцо, смотрел на реку. Отворяя дорогу трудным словам, прокашлялся деликатно:

– Ты бы, Илья, тово, отложил искурсию. Утка-то будет, куда ей деться, её к земле жмёт в такую непогодь. Не нравится мне эта глушина. Да и шуга дело опасное. Лодка плохо слушается.

– Мы ненадолго, Савелий, до обеда управимся. У меня опыт есть, на долблёнке плавал. В случае чего Оля поможет... советом, – улыбнулся Илья, привязывая к крючкам в лодке рюкзак и ружьё.

– Так ты с женой? – возникло молчание. – Ну, как знаешь.

Савелий закурил и, всем видом выражая несогласие, по-сопел, потоптался, поскреб в голове – жалко ему было красивую молодую деваху, натерпится ведь, – махнул рукой и пошел в поселок.

Из лодки река показалась очень широкой. Первые метры дались с трудом, лодка крутилась, как ложка в масляной каше. Илья с трудом выводил её на середину реки, там поспокойнее. В какой-то момент потянуло свежаком. Порыв ветра промчался, как будто это был взмах огромного меча. Долбленку играючи развернуло и потащило вниз по течению к оставленному берегу. Илья изо всех сил сдерживал её неуправляемый сплав и даже вернул на прежний курс. Подоспевшие атаки ветра превратили реку в кипящий котел. Тяжелая вода ходила бурунами. В минуты затишья Илья, выбиваясь из сил, правил лодку к берегу. Расстояние заметно сокращалось.

И вдруг всё стало меняться, как в кино с применением спецэффектов. «Вытеснение», «наплыв» и «затемнение» происходили на глазах. Черная туча стремительно закрыла оставшуюся светлую полосу, берег едва угадывался, слышался мощный далёкий гул и запахло гарью. В лодке было полно воды. Оставшиеся десять метров дались невероятно трудно, но помог новый порыв ветра, лодку перевернуло и выбросило на берег.

Узкую полоску прибрежного песка захлестывали остервенелые волны. Оставаться здесь было опасно. Освободив ру-

жьё, Илья крикнул Ольге: «Не отставай!» – и побежал под прикрытие громадных пихт. Бежать не получалось. Через завалы бурелома им удалось продвинуться всего лишь до первых деревьев, когда стало ясно, что идёт пожар. Уже всё обложило красным. Ветер раздувал громадные факелы и ломал деревья, как спички. Шум и треск падающих горящих громадин ужасал натиском и неправдоподобием происходящего. Прижавшись к огромному стволу, Оля ждала пробирающегося к ней Илью. Мимо, к реке, бежали обезумевшие лисы, олени. На её глазах зайца придавило веткой поваленного дерева, и уши свербил его предсмертный, почти человеческий крик.

Появившийся Илья жестами указывал на реку. И в этот момент она увидела, как пылающее дерево с треском рухнуло рядом с мужем. Еле удерживаясь за ветки, закрыв лицо мокрой шапкой от нестерпимого жара, она метнулась к тому месту, где только что видела его. Ильи там не было. Мысль о самом страшном промелькнула и заставила удостовериться. Жар и дым вызывали кашель, в голове мутилось. Увидев лису, рыскающую в поисках выхода, Оля на четвереньках устремилась за ней. Только одна мысль «Все будет хорошо. Мы спасемся» безостановочно билась в сознании.

Последнее, что запомнилось: почти на берегу она проскочила через завесу пламени. Вспыхнули волосы, Оля сдёрнула мокрую куртку и натянула на голову. И вот она, река. По ней плыли выбегающие из леса животные. Ольга пила воду,

лила её на руки, обгоревшую одежду, когда подошёл Илья. Видно, у него совсем не было сил, одна рука была обожжённой, он опустился на песок, и его тотчас обдало водой.

– Как ты, Оля?

– Молю Бога. Мне очень страшно.

Отдышавшись, Илья предложил передвинуть лодку повыше и залезть под неё. В рюкзаке было немного одежды. На удивление её защитил брезент. Переодевшись и отжав мокрое, они смогли продержаться ещё полчаса. Свернулись калачиком, стараясь согреться. Говорить не было сил. Ветер утих.

Обратный путь пугал их, но выхода не было. На противоположном берегу они различили небольшую группу людей. В отсутствии ветра сгустившийся дым ухудшил видимость. Слезились глаза, дыхание перехватывало.

– Надо плыть, пока тихо. Помогай!

С трудом столкнули лодку на воду. Илья работал веслом, как одержимый. Они уже были на середине реки, когда увидели идущий к ним баркас. И тут совсем небольшой порыв ветра опрокинул лодку, оба оказались вначале под ней, а в следующий момент, вынырнув, увидели её рядом. Ольга в тяжелой одежде пошла ко дну, но скоро почувствовала: Илья схватил её за воротник и потащил на поверхность.

– Держись за меня, они близко, нас спасут.

– Я тяжелая, отпусти. Если я повисну на тебе, мы утонем, – мысли приходили простые и ясные.

– Разожми руки, хватайся за лодку.

Илья притиснул Олю к борту и стал разжимать её пальцы. С большим трудом ей удалось уцепиться. Илья поплыл к носу, чтобы лодка не кувыркнулась снова. Течение несло их мимо поселка. Эвенки, рискнувшие выйти на помощь на стареньком баркасе, с невероятными усилиями, боясь оказаться в ледяном крошеве (никто, как после оказалось, не умел плавать), перегрузили их на свою посудину, едва живых. Совершенно обессиленных несли на себе до самой амбулатории.

В помещении было тепло. Фельдшерница, немолодая женщина, явно нервничала – громко и бестолково руководила помощниками. Спасённых раздели, с ног до головы растёрли спиртом, тепло укрыли, обернули специальной плёнкой обожжённую руку Ильи.

Ольга, убедившись, что они вне опасности, погрузилась в забытьё. Вокруг теснилось множество событий одновременно: её, погруженную в ледяное крошево, стремительно уносило течением. Она слышала вновь и вновь, что сказал Илья, оказавшись на берегу:

– Оля, я научу его не бояться.

«Его» – это ребенка, сына, – решила она. Согласилась.

– И правильно! – сказала. И вновь утонула в тенётах сна.

Когда подоспел чай, их почти насильно подняли на высокие подушки, будили, хлопая по щекам. И когда они открывали мутные, с краснотой глаза, им вливали большими лож-

ками отвар трав – необходимо было согреть изнутри побывавших в ледяной купели.

– Вам поправиться надо, жизнь – вон она какая огромная и интересная, – будто своих детей, уговаривал их Савелий. Спирт размягчил его до слез:

– Сколько натерпелись, бедолаги, – всхлипывал он, закрывая рот большой ладонью с извитыми венами. И затенял над спящими свет, на товарищей шикал: – Громкость убавь! Люди с того света вернулись. Очень там страшно было.

Спасатели и сами изрядно продрогли и устали. Попивая спирт с горячим чаем, они возбуждённо переговаривались, не переставая удивляться, как этой парочке удалось остаться в живых. Решили, что Бог им помог, принесли дров на всю ночь и ушли. Савелий отпустил фельдшерицу домой, вызвавшись подежурить. Скармливая очередные дровишки пламени, рассуждал:

– Кто-то из вас, ребята, причинил другому горькие страдания. И вызвал возмущение в природе. Всё в мире связано. Всё. Всё.

Оле снился огонь, но не тот, что пожирал деревья и животных. Она чувствовала ласковый, греющий огонь Солнца, огонь, спящий в поленьях, огонь земли, что даёт силу растениям и наливает плоды тёплым соком. Она видела его игру в кристаллах, в воздухе. Её маленький зародыш с искрой жизни в сердце нёс самую тонкую его квинтэссенцию. Любовь. Она навеки связала их силой, которая движет Вселенной и

создала всё – от молекулы ДНК до атомов и звёзд. Всё. Всё.

Капкан.

На часах пять утра. Птицы заливаются где-то внизу, у земли. Ещё совсем недавно он мог, если бы захотел выйти из отеля и спуститься в сад, посмотреть на певунов. Ни разу в жизни такого желания не испытывал. Почему именно сейчас, когда припёрло?..

– Как припёрло, так и сгинет. Бабки на худой конец есть. Врачи как суслики вчера выстроились. Но боли, подлещы, не сняли. Трамал против грызущего пса! О!!!!!!!б!!б!!!

– Машкаааа! Да заткнись ты!

Новенький костыль, прислонённый к кровати, летит по диагонали через комнату и упирается в полуоткрытую дверь спальни напротив. Грохот на весь respectableный пятизвёздочный «Шангри-Ла». Путаясь в воланах кружев, стараюсь не наступить на белую пену, на ходу поправляя растрепавшиеся волосы, Машка спешит, бежит на помощь, повторяя:

– Что случилось-то, Вов?"

– Храпишь как отбойный молоток, нервы не выдерживают.

– Вовчик, ну что ты злишься, это ж физиология.

– Не физиология, а зоология натуральная.

– Ну, ладно... Что звал-то? Укол еще рано...

– Сам знаю... Давай живенько шампусик и к нему что там... сыр фрукты, и позвони пусть поменяют бельё, пот – ручьём, лежу как в болоте.

Боль нарастала. Некто невидимый беспощадно грыз, старался разворотить большой палец ноги. Никогда ничего подобного сорокапятiletний Вован не испытывал. Всего лишь палец. Но боль адская, будто попал в капкан. Сознание мутится, выпускает тяжёлые волны ярости. Рука сжимает пульт, и как на гашетку, жмёт на кнопки... Находит мятущегося среди потока машин супермена, направляющего огненный ливень на всё, что несёт поток жизни.

Потный, матерящийся от боли, он с трудом садится и обхватывает ступню ладонями, пытаюсь понянчить её, высмотреть, где прячется чудовищный монстр. Новая атака скручивает тело. Самовольные слёзы мешаются с потом и нет сил промакнуть липкую слизь. На мгновение боль отступает. Вован настороженно прислушивается, что происходит внутри.

В возникшей пустоте падают и эхом разносятся давно отзвучавшие слова:

– Ешь кашку, ты же хочешь быть сильным и непобедимым?!

– Хочешь вырасти мужиком, как папа-а-а-а?! Давай уплетай- ай- ай!

– Бууууду, только деньги в копилку хочуууу!

– Вот съешь и дадим твой свинье денег.

После каждого кормления мальчик уединялся с копилкой,

открывал дверцу в подхвостье свиньи и считал накопленную мелочь. Всякий новый продукт мальчик оценивал по своему прейскуранту. Мясо он ел с видимым удовольствием, но нашёл причину провести его по высшей шкале оплаты.

Хоть и полезный, и вкусный продукт, но жевать... трудно и долго. Вкусовые пристрастия расширились. Он рос и развивался быстрее многих сверстников.

Накопление денег в столь юные годы стало любимым увлечением. Способный мальчик переигрывал во дворе доминошников, сражался в шашки и шахматы, в карты и даже помогал разгадывать кроссворды исключительно за вознаграждение. Ставки он назначал грошовые. Увлекался азартом, шутками и прибаутками, усвоенными здесь же, за дощатыми столами.

Его своеобразный дар с четырёх лет служил волшебным ключиком и открывал все двери. Перекормленный, обложенный жирком, в школе он, как водится, получил кличку «Толстый». Расположение одноклассников Вован оплачивал всё из той же шкатулки.

Множество мелочей, просто необходимых в период гормонального взрыва подростков, он знал как опытный менеджер. Поэтому покупал спрайты, пепси-колы, жвачки и зажигалки... Тихо, в нужный момент, делился. Деньги, бывало, давал, без отдачи, когда видел, что они нужны именно сейчас. И всё это не афишируя. Так что кличка Толстый не прижилась. Звали Вованом и во все компании принимали.

Прошедшая без осложнений школьная жизнь плавно перетекла в институтские аудитории. Одновременно с защитой диплома юриста Вован открывал свой первый в областном городе супермаркет "Маруся", предусмотрительно назвав его именем сокурсницы, своей молодой жены. И, как потом оказалось, супермаркеты местного финансового гения не знали конкурентов.

Просчитанный путь во власть, начавшийся с небольшой должности в мэрии, через двадцать лет привёл его в депутатское кресло самого главного управляющего органа страны. Это произошло не без потери личного капитала, не без отягощающих обязательств некоторым влиятельным лицам. Но что поделаешь – коррупция неистребима.

Об особенностях стратега во время продвижения в депутаты до сих пор не забыли злые языки. Как известно: с небольшого ручейка начинается река. Был он и у Вована. А всего-то! Матери и жене дал задание купить свежего мяса и испечь пирожков. Три огромные корзины тёплых румяных вкусностей, самолично доставленных ранним утром в каждую семью подопечной Нахаловки обеспечили поддержку электората на сто процентов. Ах, как окрылил его тогда сказочный бросок во власть!

Сеть супермаркетов с налаженным еженедельным переклеиванием ценников давала стабильный доход, обеспечивающий любую прихоть владельцев. Супруги вошли в московскую тусовку, и, случалось, развлекали родных и знакомых

пикантными подробностями совместных кутежей и фотографиями с селебрити. Прикармливая знаменитостей опробованным со школьной скамьи способом, Вован с Марусей нередко попадали в светскую хронику как друзья.

Они объездили полмира, полюбили Мальдивы, где диковинные цветы российского бизнеса и власти предавались всевозможным радостям жизни. Вован, однако не забывал и чисто мужские утех: не пропускал сезоны охоты на дикого зверя в Приморье, регулярно бывал на морских рыбалках, обставленных по VIP стандартам. Числится за ним и индивидуальный тур в Африку, где он, оправдывая своё исключительное мужское предназначенье, убил очень крупного буйвола, о чём, бес попутал, рассказал в местных СМИ.

А сколько всего ждало его впереди! Депутат Государственной Думы – это не хухры-мухры: деловые поездки в составе различных делегаций приятно щекотали самолюбие, совместные гастрономические удовольствия, предложенные принимающей стороной, иногда оборачивались настоящим спектаклем, где ты чувствовал себя небожителем.

В средневековом замке, в зале, увешенной старинными гобеленами, неслышно, подобно птицам, летали официанты, оркестр тихо играл старинную музыку. Машка – боевая подруга, всегда рядом. Вот и сейчас всё чин-чинарем – перехватила у официанта столик – неча козлу пялиться на богатого русского! Горка сыра в окружении гроздьев зелёного и чёрного винограда... в бокалах танцуют пузырьки.

– Будем! – Они чокаются. Вован торопится до наступления боли ощутить ожидаемое наслаждение от еды. Самое доступное удовольствие жизни. Сколько этой радости открыто, добыто, облюбовано, обсмаковано и отправлено в таинственный путь! На то она и радость, что не приедается. Пищевая цепочка – вечный двигатель жизни. Вован зажмурился от удовольствия, ощущая всю гамму вкуса тающего на языке кусочка сыра.

Гримаса родилась в далёком детстве вместе с возгласом: «Вкусна-а-а-а»!

Машка тоже с видимым удовольствием уплетает сыр с вином. Подруга знает толк в еде. Трапезы – их совместное творчество.

Новая волна боли зацепила и потащила в своё безжалостное пекло. Вован с отвращением смотрит на изобильно заставленный поднос. Еда – и есть капкан и причина его чудовищной боли.

Он открыл планшет. С терпением охотника, выслеживающего дичь, стал искать средство против настигшего бедствия. В очередной раз надежда его связана с лекарством из гриба под названием «весёлка обыкновенная». Грибы, собранные и высушенные в небольшой деревеньке Мурманской области, отправляют в Израиль, где их измельчают и фасуют в капсулы. Сегодня ему должны передать чудодейственное средство.

Он пытается отвлечься, но говорить может только о своём страдании. Ярость и сарказм в каждом слове.

– Этти пацаны-греки, что определили подагру как капкан, мыслили конкретно. Каждый приступ – мучительная смерть! Отложенная...

– Вов, прошу, перестань издеваться. Уже всё прочитали, что можно.

– Нет, не всё: ты послушай с какой легкостью медицинские прорицатели

талдычат, кто есть несчастный, попавший в капкан.

– Ну, Володя!

– Молчи, женщина! Твоё дело теперь облегчать мне страдания. Не будь ещё одной собакой, грызущей мою плоть. Слушай: «Подагрик – это активный мужчина средних лет. Он имеет хороший достаток, возможно занимающий руководящую должность. По темпераменту обычно холерик. Другими словами, это болезнь образа жизни. Способствуют развитию болезни изо дня в день повторяющиеся фуршеты, перетекающие в застолье, а также стрессы и прочие излишества». Я – в точности!

– То, чему мы сейчас предаемся – излишества, выходит, я сам себя наказываю... Вот ёшкин кот, какой извращенец!

Мой внутренний голос говорит, не думай об этой стерве-подагре, наслаждайся, Вован, каждым новым блюдом, запивай его любимым вином. Тебе крупно повезло с мужем,

Марья! Мой организм – фабрика, производящая для своих нужд концентрированное содержание солей мочевой кислоты. Хитрый мозг для стимуляции активности подарил мне всё это, чтобы я числился в ряду Эдипа, Ньютона, Колумба, Микеланджело и поэта на все времена – Александра Сергеевича Пушкина. В народе подагра считается признаком гениальности.

Я – рядом с великими, Мария!

– Вов, ну кроме шуток, что делать-то будем? Нам назначили кучу анализов, а ты не готов – не спал, пьёшь шампанское с утра.

– Что делать, что делать? Жить в свое удовольствие! Сейчас ты закажешь завтрак в номер. Ну, чтоб значит всё любимое было: морепродукты, икру ежовую не забудь, пекинскую уточку, бараньи рёбрышки хочу. Выпечку всякую. Шнапс обязательно – «Вдове Клико».

Перестелили постель, посыльный принёс огромный букет цветов от коллектива головного супермаркета «Маруся» по случаю прибытия на отдых, в Таиланд. После двухчасового завтрака на столе мало что осталось. Сто десять килограммов жадного до еды тела затребовали почти всё, что было заказано. Маруся отправилась наводить контакты с врачами и оправдываться за срывы визитов.

Боль казалась нескончаемой, кем-то наблюдаемой пыткой. Предписанное вчера врачом обезболивающее лекарство, проскочило как плацебо. Самое ласковое для непереда-

ваемых терзаний определение – охренительное. Нога и большой палец превратились в вулкан, раздираемый во все стороны трещинами – ооооО!О!О! Умереть что ли добровольно? Вован орал в подушку и лупил её кулаком.

– Зачем эти бесконечные анализы, исследования, консультации жадных до бабла светил! Три года он и подагра жили, уступая друг другу. Он на время перестал хлестать шампанское, оставив себе на охотничьих сабантуях любимую шурпу из боровой дичи. Сатанинская подружка с промежутками сверлила то один сустав, то другой. Он спасался уколами, отварами трав в Корее, сдавался врачам специализированной клиники в Германии. Боль играла с ним в прятки, проявляясь на короткое время, доводила его до бешенства, до жалкого состояния, а потом исчезала.

Теперь она показала, на что способна. Ползать по-пластунски в туалет, обливаясь потом и слезами – пока последнее пыточное истязание. А как же жить дальше, как сохранить своё высокое положение, свой монблан, которого он достиг, и где так удобно расположился? Доверяться недоучкам, впаривающим себя спецами-хитрецами, за баснословные кровные! Много чести!

Что-то говорила полезное на сей счёт покойная матушка про честь, когда хвалили её бесподобные мягкие пироги. Да вот: добрая слава лучше мягкого пирога. А если и то и другое – совсем лучше. Не попробовать ли извлечь пользу из гадостной хвори? Чтобы, значит, и врачам не платить

– и пусть почтут за счастье, если он, Главный Бабуин, захочет с ними встретиться поговорить о состоянии медицины в родном отечестве. Сколько возможностей открывается, мама родная!

А если пересесть в инвалидную коляску и оттуда руководить здравоохранением?! Насколько повысится доверие у народа. Насчёт медицинского раскормленного чиновничества Вован настроен не так оптимистично: там жёсткая иерархия и свои фараоны при главных финансовых потоках. Но... если Вождю расписать выгоду от преобразований с многими нулями..., а главное, убедить его отвалить предвыборные пряники – увеличить отпуск бесплатных лекарств эдак раза в два..., может и выйдет получить место Советника по здравоохранению. Образование тут не требуется. Лишь бы получилось убедить, что ты полон решимости помочь самой незащищенной категории. Если сильно постараться, войти в доверие, огласить Самому внушительную сумму от экономии на очередной перестройке в медицине, можно и с подагрой удержаться на монблане.

А вот и Маруся! Как всегда, сияет лисьими улыбками. Значит всё уладила. Вот обрадую: быть тебе, Машка, Владычицей Морскою!

Долго, однако, шлындала. Уж и время обеда давно прошло. Повторим животную радость: нутро хочет. В ресторан пока не транспортабелен, тут сабантуйчик устроим. Обгово-

рим заодно, как забачать мизансцену подхода к Самому. Фигура моя пока мелковата, но вот если перегрузиться на самоходный инвалидский аппарат... и на нём... в саму Думу.

И чтоб пандусы для него, одного. Пусть глаза у всех повыпрыгивают.

Пока Маруся чистила перья после пробежки и тайком примеряла наряды, Вован в восторге от своей идеи, сладко придремал. И снились ему сны разнообразные. На коляске с пневматическими шинами фирмы «Майра» приезжает он на приём к Самому. С товарищеской улыбкой протягивает ему руку Тот, которого все боятся. Он, Вован, тоже сильно боится. Кажется ему во сне, что Сам, вроде рентгена, насквозь его видит. И неизвестно, что будет дальше. Похвалит – отпустит, а потом, как кошка мышь, цап – и своим вассалам на потеху отдаст. Аж ТАМ мокро стало от такой мысли. Хоть и во сне, а страшно по-настоящему.

Тут «выстрелил» сустав на левой ноге. Такого сверла он еще не испытывал. Всё тело затряслось. Как на грех, в туалет – позарез. А костыль – в Машкиной спальне. Встать невозможно. Утробный рык разнесся по люксовому номеру:

– Машка – а – а- а! Мухой ко мне, сейчас обо...сь.

Из её комнаты несётся развесёлая музычка, волны запахов и в проёме двери – ворох перемеряных платьев на полу. Не слышит Машка... О, Боже...

Чашка кофе и не только

Каждый дорожит тем, что любит. У иного таких драгоценностей – как в ювелирной лавке, а у других телик один. Но любимое блюдо или напиток – тут от мала до велика все имеют предпочтения. Привередливая женщина, начальник экологического отдела иностранной фирмы Елена Борисовна любила кофе.

Ей сорок лет. Заметная деталь внешности, не модная в нынешнее время – длинная шея. Выглядит хорошо. Лучше не знать, сколько на это «хорошо» уходит сил, денег и здоровья! Карьерная устойчивость требует тонкого баланса. Молодые барышни рядом выются, в затылок дышат, так и норовят... помощь предложить. А босс поощряет: «Здоровая конкуренция на пользу делу». Какая там польза... Отчеты не умеют толково составить.

Ещё недавно была у начальницы семейная жизнь. Плескалась от половодья до засухи, пока однажды не иссякла. Муж, не дождавшись продолжения рода, нырнул в другую реку. Елена Борисовна удар выдержала. Вездесущие, насквозь смотрящие коллеги, сплочённые наездами хищных комиссий, спаянные в одно целое корпоративами, семинарами, тимбилдингами, тренингами, не смогли промониторить начальницу. И до сих пор оставались в неведении.

Оглушённая разводом, разделом и разъездом, помнящая боль каждого дня, как бормашину в зубе без обезболивания, железная женщина поставила мысленно крест на личной жизни. Даже фантазий на тему любви и случайной встречи боялась и прогоняла спасительным «Отче наш». Образовавшуюся пустоту тотчас заполнила работой, а ненужные теперь праздничные и другие окна пыталась закрыть поездками, шопингами, полезными для оставленных дам. Исполнила давнюю мечту – отправилась в Италию посмотреть на боттичеллиевскую «Венеру» – Симонетту Веспуччи. Пока стояла в очереди в Галерею Уффици, думала о ней. Всего двадцать два года прожила бедняжка. Зато как! Её обожал молодой муж и провозгласил дамой сердца управитель Джулиано Медичи, носила на руках вся Флоренция. Боттичелли, тоже, наверно, без ума влюблённый, приписал ей черты других красавиц, которые его окружали. С такими козырями можно и в бессмертные. Хотя есть свидетельства, что сильно польстил Симонетте художник, да и любовник в ослеплении мог навязать подданным своё отношение. Настоящей же причиной обожания современники называли душевную притягательность, которую она излучала.

Елена Борисовна не заметила, как взревновала Симонетту к посмертной славе. Втайне она считала себя в чём-то похожей на златовласую, с длинной шеей обольстительницу. Только вот у Елены Борисовны, вполне достойной, не было в тот момент ничего, что тешит самолюбие женщины. Она

остановилась перед картиной. Всмотрелась, последовала за взглядом Венеры. Сделала маленький шагок, чтобы лучше разглядеть деталь, но внезапный, охвативший всё тело восторг, а может, воспрянувшая душа, повелел умалить себя, опуститься на колени, затрепетать. Перед ней стояла живая Симонетта. Какие-то люди бережно подняли её, залитую слезами и шепчущую нечленораздельное, повели к выходу.

На воздухе, рядом с уличными художниками, пришла в себя. В голове было пусто и светло, а от гортани до солнечного сплетения всё постанывало от распирающего чувства любви неизвестно к кому. Такое бывает, когда под щедрым солнцем наполнившаяся талым снегом река не может вместить всех вод, и льды взламываются и громоздятся. Угнездившееся чувство непонятного свойства приходилось пока скрывать. Странное оно такое: поламывает, поднывает, не к месту слезы вызывает. Иногда душевная тихая мелодия зазвучит непонятно откуда. Очень чувствительная стала внутри. Привычные радости померкли, потеряли привлекательность.

Дома остаток отпуска решила истоптать в магазинах – понадобилось кое-что прикупить. Кошмар кошмарский эта дресскодовая униформа. Ну не любит она обтягивающее-утягивающее, тесненькое, добротненькое, брендовое, одинаковое. Однако куда ж денешься!

Покупки изнурили настолько, что нагрубилась по телефону матери, после чего, как школьница, стыдливо сбегала за си-

гаретами и, накурившись, маялась головной болью. Лишний раз убедилась: хождение по магазинам вредно для здоровья.

С мамой тоже вопрос непростой. Было время, когда материнский подвиг спас семью от катастрофы. Перестроечный разор унес раньше времени из жизни отца – мелкого предпринимателя, уготовив ему обширный инфаркт. Вдова с десятиклассницей дочерью оказалась буквально без гроша в кармане. За работу медсестре к тому времени не платили полгода. Страх погнал женщину искать прокормление в неизвестном направлении. Пригодилась способность рифмовать, забавлять байками и прибаутками. Смешанные, как в салате, качества, приправленные желанием заражать людей весельем, выкуклили в родительнице тамаду. Новое занятие стало неплохим источником денег. Пять лет учёбы дочери были оплачены веселящимися женихами и невестами.

Шутовская популярность матери смущала Елену Борисовну. И она, как только стала начальницей отдела, просила мать уйти на отдых. Однако та и слушать не хотела. Ежедневное участие в празднике, обещающем нескончаемое счастье, сделало её зависимой. Очередные переговоры закончились и на этот раз победой тамады.

После перемирия и справедливых советов почистить берлогу устыжѐнная дочь решила заняться домом. Заодно можно было проверить, годится ли растиражированный совет психологов для брошенных женщин.

Попытка закончилась неожиданно: попался альбом с се-

мейными фотографиями, который давно должен истлеть на помойке. Отчётливо вспомнились переживания. На этой карточке заботило, хорошо ли сидит платье, здесь – красив ли профиль, на следующей – изогнулась так, чтобы подчеркнуть не слишком тонкую от природы талию. И везде – как бы отдельно от мужа, сама по себе. Выражение на лице кукольное, застывшее.

Не слишком-то приятно видеть себя в невыгодном свете. Муж, напротив, на всех фотках на неё смотрит, словно хочет поделиться, сказать важное. Камеры будто и нет – везде разный, живой. Елена Борисовна захлопнула альбом, с легким сердцем расставшись с собой прежней. Вспомнила о деле. Поколебавшись, махнула рукой. Для генеральной уборки все это знают, надо созреть. Пока дом нужен как спальное место.

Вот и выходит: чашечка кофе в обед – это «её все». Да и тут не гладко. Приготовленный дома, он был пойлом. Кофе вкусен из кофе-машины. Опять-таки, не изо всякой. Пришлось немало поколесить по городу в обеденный перерыв, прежде чем встретила подходящий. Напиток должен стать эквивалентом отсутствующего аромата жизни, самим её наполнением. Блуждающий в потемках человек иногда ставит перед собой чудные задачи!

В универсальном магазине, где приютился буфетик, украшенный репродукцией картины Леонардо «Дама с горностаем», исправная машина варила правильный кофе. А руководила действием Таня, как извещал нагрудный значок. Внешне

ничем не примечательная, кроме завидной улыбки, доброй и открытой, как протянутая для знакомства рука. Но серая мышка была та еще штучка. Как клоун вытаскивает из своей шляпы зайцев, бумажные розы, гирлянды ярких платков, так Танина душевность при дальнейшем знакомстве струилась на клиентов вроде тёплого ветра или «слепого» дождя. За просто так. Будто от неё зависело счастье. Согласитесь, неплохое дополнение к чашечке кофе.

Как выражалось в действиях? Смотрела она внимательно, из глубины души. Интонации, с которыми произносила всякие пустяшные слова вроде «Рада вас видеть. Вам как всегда? Всё-ли хорошо?», впечатляли детской искренностью, полным к вам расположением. Так же привлекательно Таня выполняла рутинную работу – каждую чашечку кофе варила, как первый раз в жизни. Нажимая и удерживая кнопки безмозглой машины, а затем заинтересованно вглядываясь в маленькую лужицу в чашке, как повивальная бабка, помогала родить густой напиток.

Теперь новый день манил Елену Борисовну желанным мгновением – устроиться на несколько минут напротив картины Леонардо с чашечкой кофе. Эспрессо, этот ароматный плевочек на дне чашки, определял устойчивость бытия, дарил энергию и, как любовное признание, сулил вечную исключительность.

С чудесным послевкусием, как с богатством, которого никто не видит, но все чувствуют, если оно есть, можно было

разгрести дальше экологические проблемы.

Всё шло хорошо. В тот день, как обычно, Елена Борисовна наполнилась Таниной улыбкой, дождалась своей чашечки, уселась, погрузилась... И почувствовала взгляд. Смотрел мужчина. Можно было и не скашивать глаза. Раз мужчина, то по определению – пил пиво и читал газету. Да, так и есть: пил и что-то чиркал в блокноте.

Небольшое смятение – «Чего это он пялится?» – исправила на примиряющее: «Мнится всякое». Но тело среагировало: почистило пёрышки – поправила прическу; приукрасило себя – машинально провела блеском по губам; выставило цацкой на витрине. Подходите, полюбуйтесь! Как унижительна его животная готовность. Кофе впервые оказался лишённым вкуса. Так же бывает бессмысленна и абсурдна страница машинально прочитанной книги.

Женщина встала, направилась к выходу и столкнулась со старушкой, которая, сбившись с курса, сделала непредсказуемый шаг в сторону. Её чашка с чаем очутилась на полу, пирожное – на безупречной юбке Елены Борисовны. Мужчина бросился на помощь, ловко поднял чашку с блюдцем, убедился, что женщины не обожглись, подал салфетку потерпевшей, направился к стойке – по всей видимости, возместить старушке утраченное.

Сама же первопричина в растерянности оглядывала место катастрофы. Высушенная временем до состояния шелестящего листа долгожительница ежедневно одолевала рас-

стояние от дома до магазина по нескольким причинам. Хотя в уютном буфетике бывает не много посетителей, однако вполне достаточно, чтобы не чувствовать себя одинокой. Таня-буфетчица ей нравится. Через день угощает чаем с пирожным за свой счёт. А какой там счёт при мизерной зарплате. Еще Таня дает деньги своему мужу. Он приходит часто и долго сидит молча, с укоризной на лице.

Чай и пирожные здесь вкусные. Маленькое заведение скрашивает старушке каждый прожитый день. Бывает, запуржит или нездоровье прихватит, божий одуванчик хотя бы мысленно посидит за своим столиком.

Недавно в буфете стала появляться строгая женщина. Пьёт крошечную чашечку кофе и смотрит в себя. Смотри не смотри, одиночество, как голодный пёс, себя выдает.

Сейчас, невпопад улыбаясь, старушка протягивает салфетки: «Простите ради Бога»! Запачканная женщина, как видно, не сильно огорчилась случившимся, кивает и делает успокаивающие жесты. С кем не бывает!

Поверхностное внимание мужчины её неприятно зацепило. Всё-таки вышел конфуз, помочь бы надо... поговорить... шутку какую отпустить для смягчения... Мужчина не торопился, устанавливая на подносике новое угощение. С жирным пятном на светлой юбке деловая женщина шла к машине, как по каннской красной дорожке. Смотрела на себя со стороны и одобряла: «Ай, молодец!» Одно непонятно, откуда взялось столько энергии и игривое настроение.

На другой день, прежде чем поехать в кофейню, определилась: едет пить кофе, ничто другое её не интересует. Сразу у входа сидели вчерашний мужчина и старушка. Они улыбались ей, точно давней знакомой. Кофе был вкусным, как всегда. Уходя, женщина негромко попрощалась, мельком взглянув на мужчину. Их взгляды впервые встретились, и взаимный контакт установился где-то за пределами воли.

Произошло осознание, мгновенное и решающее. За гранью многозначных слов и пропущенных через цензуру разума интонаций. Эфемерные души, распознав надобность друг в друге, заключили радостный союз. Свет их близости отозвался в теле смущением: пугал и притягивал. Внешность мужчины напоминала лица любимых родственников, зеленатые глаза обещали: «Я в доску свой». Ещё было в них предвосхищение любви. Новое чувство захватило, как болезнь. Подобный взгляд однажды уже заставил служить обладателю верой и правдой целых пятнадцать лет... Ну, это так говорится – служить. Значит, вести дом и готовить. На самом деле служил муж. Любящий и покладистый, помогал во всём, потакал капризам, творчески выполнял цветочно-подарочный ритуал на зависть подругам.

И он же – неожиданно, без всякой подготовки однажды огорошил: «Я ухожу!» У любой земля из-под ног уйдет. Разрушительный катаклизм потряс с неизвестно ещё какими последствиями. И, подобно Тунгусскому метеориту, самым подлым образом бомбардировал её и без того несчастную го-

лову – уничтожил половину пышной наличности. Такое забыть невозможно. Второй раз на те же грабли? Даже коллеге, стремящейся занять твоё место, не пожелаешь.

Буфетик с кофе-машиной выпал из жизни внезапно, как летающая тарелка. И точно так же, как встреча с ней, не забывалось пустяковое приключение.

На этот раз перемена в настроении начальницы не ускользнула от вечно бдящих экологов. Сотрудники стали интересоваться её здоровьем и обменивались медицинскими анекдотами. Босс предложил командировку в Сингапур вместо себя, прибавив, что в свободное время рекомендует посетить там спа-салон, где он словно вновь на свет народился. Благородный жест никого не обидел. Надвигалась сдача важного проекта, который должен подтвердить рейтинг отдела. От личного вклада Елены Борисовны зависело материальное благополучие каждого.

Ни командировка, ни напряженная работа, ни даже гостевание мамы-тамады, способной заставить самадхи плясать под её дудку, не давали забыть мимолетную встречу. Мешанину будней регулярно, как светофор, прошивал взгляд незнакомца. Установившаяся прямая связь будоражила невысказанной словами тайной. Оставалось узнать о ней от самого владельца.

Восторг и преклонение, случившиеся перед Симонеттой, перекраивали Елену Борисовну и дальше. Крест на личной жизни заменился восклицательным знаком, что извещало о

переменах. Прежние желания быть единственной, избранной, навеки любимой исчезли, будто их не было.

Елена Борисовна сама нынче готовит подарки. Их много, но разбуженное сердце не в силах ограничивать счёт. Всё важно, всё годится.

Она окружит любимого заботой. Чтобы забылись прежние переживания, причинённые несправедливости, ошибки. Лишь бы ему было хорошо. Наглаженные рубашки и яблочный пирог с корицей – лёгкий штрих в рисунке дня. Основное наполнение – народившееся чувство. Как маленького ребёнка, его надо держать в сердце, заботиться и растить. Новая Елена Борисовна без суеты и спешки будет учиться принимать, понимать то, что откроется. Только бы длилось и длилось само путешествие.

Воображение рисовало совместные велосипедные прогулки, пустяшные разногласия о просмотренном фильме, воскресные неспешные утра с душистым чаем и свежим цветком на столе. Предельная открытость – как воздух, без этого никак нельзя. Новое испытание Елена Борисовна встретила, как дар Божий.

Через месяц, в один из тусклых дней, когда подошедшие льды накрывают остров ледяным дыханием, строгая женщина, не без волнения, в обычное обеденное время оказалась в знакомом пространстве теперь уже заветного места. За столиками сидели две продавщицы. Слепо тыкая вилки в салаты с давно умершими, лишенными хлорофилла листика-

ми, они произносили слова одновременно, создавая эффект ускоренной перемотки. На этом фоне раздавшийся жизне-радостный взглас из угла был ощутимо человеческим.

Старушка махала сухонькой рукой. Неподдельная радость командовала пергаментным телом. Чашка отставлена, последний кусочек пирожного не без мелькнувшего сожаления отодвинут, глаза ушли далеко в щели под напором улыбки, рот, втянутый внутрь, изображал почти круглое «о». И больше никого! Очевидная глупость встретить его здесь сегодня отпечталась тотчас на шее выступившими красными пятнами. Девицы слегка развлеклись сценкой, прервали стрёкот и уставились на расцветающую женщину. Елена Борисовна уселась напротив старушки и превратилась в слух. Нетерпение прорывалось в бабуле движениями, до удивления напоминающими поведение ящерицы. Подползая на стуле с царапающими металлическими ножками поближе к собеседнице и немного гримасничая от усердия, она стала говорить сразу обо всем:

– Как долго тебя не было! Что-то случилось?! Не думай, я не выжила из ума. Просто старая. За девяносто мне. Много лет работала судьёй. Думаю, не потеряла квалификацию, ну если чуть-чуть... Он сразу понял, что перед ним – специалист. Потому что сам юрист. Настоящий мужчина! Купил много продуктов и поднялся со мной на третий этаж. Спрашивал о тебе. Но что я знаю?! Мы чаёвничали, он ухаживал, потом вымыл посуду. После приходил сюда пить кофе,

садился и смотрел на эту «Даму», меня угощал. Душевный гражданин. Командировочный. Уехал. От него жена ушла к другому. Переживает. Таню тоже спрашивал про тебя. И дальше – хвалясь:

– Еды мне запас на целый месяц, телевизор настроил, кран починил, обещал, как приедет, навестит, – уже успокоившись, выложив всё, спохватилась:

– Ещё сказал: шея такая у тебя, как на картинах художника, забыла имя... Да. Вот, вспомнила. Модильяни. Он и сам рисует... Меня рисовал и Таню тоже. А ты не приходила. Теперь всё.

Старушка сделалась скучной, как будто замерла или замёрзла. Возила чайной ложкой по блюдцу, подталкивая истончёнными коготками сладкие крошки и цепко взглядывая из глубин тишины.

Елена Борисовна ощутила движение, подобное сквозняку, распахнутому окну. Тесная тёмная сцена, где только что всё происходило, от порыва ветра и света исчезла. Настоящее вибрировало, дышало, накатывало шумами и звуками, плоские картинки приобретали объём. Долго продолжалось, однако, заточение. Женщина рассмеялась просто от полноты жизни. Все ей были близки. И стали бы ещё дороже, если бы живое полотно нашего бытия всюду было с нами и открывалось каждому.

Елена Борисовна увидела бы, как Таня, вернувшись с работы и приняв полугодовалого Славика из рук мамы, от-

пустила её отдохнуть до завтрашнего дня. Наскоро перекусив, делала сыночку массаж, чтобы укрепить слабые от рождения ножки, и прислушивалась, не поворачивается ли ключ в замке. Надо успеть убаюкать малыша, чтобы не слышал пьяного бреда и выкриков отца, не испугался бы её сдавленного плача. И что за напасть такая – выходила замуж за нормального парня, а оказалось – пьющий. Вернуть прежнего Витю – об этом все её заботы, даже в прерывистом сне, уложившем закорючкой рядом со Славиком.

Завтра по пути на работу невыспавшаяся Таня зайдет в церковь помолиться и поставит свечку за здоровье бедного Вити, чей опьяненный разум всю ночь «вправлял мозги» Тане.

Пока в тишине храма горит свеча, в намоленном пространстве свершается таинство. Когда девушка, обливаясь слезами, будет просить распятого Бога отрезвить мужа, именно в момент нестерпимой боли в сердце войдет вера. И наступит передышка от нескончаемой муки. Бог им обязательно поможет. Удесятерённые силы на крыльях понесут уверовавшую Таню по неухоженному, полному колдобин городу, но он ей мил. Сегодня мерзости нет места в сердце. Встреченные люди – родные. Непосильные переживания и отягощения прописаны на лицах и в теле. От всего сердца молит девушка помочь страдающим Того, кто дал ей надежду и силы.

Две продавщицы, сестры-погодки, работают в соседних

отделах. Всю их недолгую жизнь они слышат от матери, что счастье – это удачное замужество. Ежедневно юницы ждут принца. Его надо встречать во всеоружии. Безупречный маникюр, гладкие ноги и ухоженные волосы – это первостепенно. Каждый вечер, если не запланирован ночной клуб, девушки

наводят красоту доступными домашними способами. Хорошее настроение репетируют перед зеркалом. Смех украшает девушку. А если хохотать не над чем, все равно рот должен быть слегка приоткрыт – учит «Космополитен». Это так сексуально!

Иногда мелькает мыслишка, что принц будет местного разлива, но её тотчас прогоняют. И правильно! Беззаботное время, отпущенное им, на исходе. Предназначенные испытания, запущенные привести их к правильному пониманию вещей, уже в пути. Можно только радоваться справедливому ходу событий.

Старушка купается в счастье. Какие славные, неравнодушные люди. Заметили, обратили внимание. Они перешагнули через эгоизм и вступили с ней в отношения. Забытые чувства ожили, встрепенулись. Хотелось быть полезной сразу всем. Сокровищ немеряно, собирала каждый день – и настал час поделиться. Любительница кофе стала как дочка. Мужчина, как она теперь понимала, – редкий экземпляр удачного эксперимента над человеческой природой. Его надо бы отдать в любящие руки. Ну а Таня...

Старушка прикинула, что полезное можно подарить Тане. Кроме книг, и то большей частью по юриспруденции, у неё, можно сказать, ничего и не было. Томик Ильина сам прыгнул в руки, он лежал на виду. «Я вглядываюсь в жизнь». Сложновато, конечно. «Заинтересую, научу её читать», – пообещала она себе и положила книгу в пакет.

Влюбленная женщина мысленно перебирала последние приобретения: незнакомец, старушка, Таня. Ещё недавно чужие, они стали частью её существования. Нашлось в нем место и Симонетте Веспуччи, и «Даме с горностаем». Бессмертные дамы дарили красоту, ничего не спрашивая взамен так долго, что, наверное, и сами выбирали, кого им восхищать. Елена Борисовна стала избранницей. С этого всё началось, а продолжение здесь – в небольшом, произвольно сложившемся круге, где всех объединяет служение друг другу.

Небольшое смещение ракурса, как в калейдоскопе, изменило картинку. Девчушки-продавщицы прихорашивались и жизнерадостно чирикали. Прорвавшийся из-за туч мощный солнечный луч обещал победу над затянувшейся непогодой. Сидящие на дереве птицы за окном знали о мире что-то такое, отчего их распирало от восторга. Симпатичная ящерка напротив раскачивалась и посмеивалась. Аромат кофе, только что сваренного, превращал будний день в праздник.

«Господи! – мысленно обратилась Елена Борисовна, как к отцу. – Прости и помилуй – полюби меня такую!» И, наклонившись к собеседнице, предложила: «А не подкупить ли

нам продукты впрок? Прежние, небось, закончились...»

Стефано из Субасио

В Субасио знают друг о друге все и всё. Ну, не абсолютно всё, надводная часть айсберга, как известно, не весь айсберг... А что касается человека, то пропорции намного больше, никому и в голову не приходило прикинуть, как мало мы показываем себя другим. Так что, несмотря на тесноту существования – а в городе-крепости всего-то триста душ – и родственные связи, соединившие сосчитанные души за триста последних лет, кое-какие тайны там водились. Не раз наблюдательные граждане и хотели бы да не могли разгадать, чем занята голова интересующего их соплеменника. Нынче достопочтенных горожан занимал Стефано: он замолчал. Попробуем и мы включиться в игру.

Дядюшка Стефано (приходится родственником едва ли не каждому третьему в городе) – хозяин ресторана и маленького бара в Субасио. С тех пор, как он впервые открыл глаза, роль хозяина ему была предопределена. В то время женщины в их большой семье рожали только девочек. Родня воспитывала его в таком духе, чтобы он ценил нажитое предками и умножал, чтобы никуда, не дай бог, не подался в другие края, а был бы опорой для семьи и состарившихся родственников. И жёсткая схема "хозяин" заработала без сбоев.

Ещё мальчишкой он изучил все укромные уголки своего

дома, где хранились припасы: крупы, соленья, сыры, связки колбас, копчёные ноги вепря – добра было немало. Его мозг, подобно фотографу запечатлел порядок на полках: все эти вина, масла, грибы, варенья и маринады он мог отыскать мгновенно.

В четырнадцать лет, будучи школьником, он заменил рано умершего отца и командовал на кухне и в доме. Туристы, а именно они приносили доход бару, а потом более солидному ресторану, наблюдая распоряджающегося подростка, задавались вопросом, в какую игру вовлечён мальчик. Местные вначале для поддержки стали называть его Стефано-хозяин, а со временем уважение и почтительность, которые выказывали отцу, перенесли на него, Стефано, по делам его. Он принимал все как должное, оставаясь в душе подростком, осваивающим мир. Когда заканчивалась работа в баре, садился на велосипед и крутил педали, пока хватало сил.

Субасио обосновался на макушке горы с таким же названием, нынче включённой в национальный парк. Если смотреть сверху, а это самый обычный обзор в Умбрии, увидишь невысокие холмы и горы, покрытые лесами, нередко труднопроходимыми, из-за каменных россыпей и колючих кустарников. Плешки среди них – человеческие поселения, а чаще – это луга или альпийские предгорья.

Природа щедро заселила благодатный край всякой живностью, а особый статус позволил ей расплодиться и пребывать в неприкосновенности: по лесам и оливковым рощам

деловито передвигались семьи диких кабанов, водились олени. Зайцы, наподобие домашних кур, паслись среди редколесья, а уж всякой мелочи не перечесть, можно даже волка встретить, но это редко. Мальчика интересовало устройство жизни каждого существа, вот почему так много времени он проводил в скрадке в роли молчаливого наблюдателя.

Всякий раз, выкатываясь на двухколёсном устройстве из городских ворот, он попадал в мир, который, как он по наивности думал, принадлежал ему одному. Древняя память, наподобие навигатора, вела его от одного открытия к другому, и потаённая жизнь природы приоткрывалась и принимала его как свою часть. Конечно, ему было далеко до Франциска Ассизского, божественного предка из тринадцатого столетия, которого он, несомненно, знал. О! Как бы он тоже хотел включаться в разговор пчёл и понимать, о чём поют птицы.

Но даже то, что порой его молчаливое присутствие зверей не пугало, они не убегали и не прятались, придавало существованию особенное ощущение. Знал Стефано и травы, да и всё, что росло на его родной умбрийской земле. И как иначе, если десять поколений родственников, сведения о которых записаны в церковных книгах, тоже жили здесь, изучали эту землю, возделывали и улучшали. Их исследовательский азарт нынче в генах Стефано, и по мере взросления он проявляется, будоража любознательный ум.

Всматривание в жизнь природы не прошло даром:

повадки зверей мало чем отличались от ухваток коммерсантов, с которыми приходилось вести дела, пригодились и другие уроки: принимать текущие события беспристрастно, как погоду. Дела пошли хорошо. Рядом с баром, восстановив и обновив одну из башен старой крепостной стены, открыли милый ресторанчик, кухня которого вот уже несколько десятилетий привлекает гурманов со всей Умбрии, и не только их.

Нигде больше не можете вы полакомиться несравненным воздушным омлетом с мускатными трюфелями, приправленным собственноручно сделанным олеем. А чечевица из Кастелуччо от друга Марио, приготовленная по особому рецепту Стефано, считалась тем гастрономическим изыском, ради которого можно проделать немалый путь по горной дороге. Зайца с оливками часто заказывали родственники и знакомые, а их на мякине не проведешь... Счёт в банке увеличивался, это позволяло, сообразно моде, обновлять интерьер, обучать персонал, закупать только самые лучшие продукты.

Не раз мысленно Стефано посылал Творцу благодарность за своих детей. Двое сыновей и дочка оправдали ожидания: жили, не огорчая семью, и трудились на совесть. Он настоял, чтобы сыновья получили образование в другой стране:

– Вы должны приобрести новый опыт и, если захотите вернуться, будете мне помощниками. Я буду ждать вас.

София, его любимица, вышла замуж и осталась в роди-

тельском доме. Она, как мать, души не чаяла в гостях, которые ежедневно радовали их как несходством речи, так и никогда не повторяющимися лицами.

– Отец, – щебетала она, – подумать только сколько образов у Бога и нет ни одного, чтобы точь-в-точь повторил другой!

Стефано был не столь оптимистичен насчёт обличий.

– Это не более чем разные одежды. В сущности, все эти люди переживают до странности одинаковые опыты при несхожести их темпераментов, характеров. Они подвержены эгоизму, страхам, ревности, зависти, гордыне, рабской зависимости от своих желаний. Для чего всем надо повторять одно и то же, биться в силках несовершенств? Существует ли алгоритм, при помощи которого можно победить сразу все недостатки? Как если сбросить старую одежду и облачиться во всё новое...

Какая жизнь откроется тогда?

А пока ответ не найден, Стефано шёл проторённым путем: неустанно выкорчёвывал, вытравлял, выталкивал взащей, выдирали упрямые и упорные, как корни осота, человеческие слабости. И были они подобны песку в пустыне: стоило с ними совладать в одной ситуации, они проявлялись в другой.

Нынче он силился справиться с огорчением: его подруга жизни Лусия впала в уныние. Её хлопотливость, добродуш-

ное подтрунивание, девичий короткий смешок, будто рот ладошкой прикрыла, и даже светлые кудряшки, подобно лёгкому дымку обрамляющие лицо, всё сникло, увяло, потускнело, враз лишилось жизни.

...Сегодня, в свои семьдесят пять лет, продублённый всеми непогодами: ветрами, дождями, жарой, затяжными туманами с моросью, нередкими здесь, он напоминает праотца человечества. Смуглый до черноты, с сетью морщин, по которым сведущий человек может многое прочесть, и, перво-наперво, что Стефано часто напрягался, стремился побеждать и преодолел немало препятствий на пути – вы только взгляните на его складки гордеца: неумолимый поток жизни, едва обозначивший тоненькими ниточками своё присутствие в молодые годы, сегодня пропахал овраги, вообразившие в себя всю переносицу и придавал лицу излишнюю суровость.

Хорошо, что это не единственный знак прожитого времени: лучики у глаз, разбегающиеся во все стороны и сохраняющие в глубине детскую розовость, сглаживают и смягчают напряженность, сообщают внимательному взгляду, как много он смеялся.

Но даже в дни молодости Стефано не был беспечным, ответственность – вот что настраивало каждый атом его души, но как оказалось, некоторые вещи были несовместимыми с таким ценным качеством. Например, робость, которую уловила в нём, а потом и назвала, с некоторым даже вызовом,

его первая девушка. Стефано это очень задело, и он решил изучить свои привычки, чувства.

Как студенты препарируют лягушку, так и он всматривался в себя:

– Вот это – мой страх, он меняет цвет от бурого до чёрного, иногда отликает металлом; он густой и вязкий, какой бывает застывающая лава или бетон; звук его обычно низкий, ниже любых басовых органических пассажей, но иногда страх пробивают столь высокие тона, что голова не выдерживает: так кричит заяц, схваченный лисой.

Он изучал своё нутро так тщательно и пристрастно, как редкая красавица разбирается в топографии любимого лица. Каждое движение, вызванное досадой, обидой; любой жест, отражающий несогласие, схвачены, оценены и отнесены им в копилку памяти, отмечены флажками, над чем предстоит потрудиться. Составляя карту своего психического существа, Стефано был очень-очень строг. Всё нуждалось в переделке.

С тех пор печаль заняла в его душе свой укромный угол. Да и как ей не быть, скажите, если счёт не в твою пользу. Создатель утверждает: всё просто – вот Заповеди, всего десять, и ты свободен. Складки скорби прямо-таки вопиют о неравной борьбе.

А вот если спросить жителей Субасио, что мы услышим? Не в день юбилея, или какого праздника, а в будни, просто для знакомства. Не сговариваясь, скажут – лучше человека не встречали: и сосед отзывчивый, и родственник заботли-

вый, а уж какой христианин примерный... И будут так долго вспоминать добрые дела Стефано, как только вы сможете слушать. Пятьдесят лет человек только и занят производением добрых дел, просто конвейер какой-то...

В нынешней своей жизни послеобеденные часы Стефано нередко проводил в помещении, которое с давних времён называлось буфетной, служившей также библиотекой, и курительной, и располагалось внутри дома, рядом с большим залом, в середине, так что куда бы ты ни направлялся, оно на пути: будьте любезны, заходите пожалуйста! И было зачем: две мраморные, слегка вогнутые, скамьи-лежанки, покрытые коврами, как вы догадываетесь, нередко служили пристанищем домочадцу, сморённому обильной едой или летним зноем, а зимой комната привлекала уютным камином, который легко разжигался и быстро давал тепло. Ещё тут прописалась конторка тёмного дерева, так искусно проточенная жучками, что кружевная вязь их гастрономических усилий восхищала и развлекала человека не чуждого творческих фантазий.

На столешнице – амбарные, или, как их ещё называют, учётные книги, где велись записи текущих в хозяйстве дел. Сопровождающие их деревянные счёты с костяшками были тут же, но служили сегодня скорее украшению, чем делу; о своём приоритете заявляла маленькая чёрная коробочка калькулятора, лежащая прямо на раскрытой странице. У камина полукругом расположились тяжёлые стулья с резными

спинками, старинные; а перед ними – два столика на колёсах, готовые по первому желанию подкатить в любое место со своим начищенным подносом, на котором всенепременно находились сладости и графин с лимончелло в окружении стеклянных рюмочек с серебряным ободком.

Однако, скатерть-самобранка не была обыденным явлением – появлялась лишь в светлые дни праздника или когда гости жаловали своим вниманием. Ключи от буфета, затаившего припасы, и спрятавшегося в дальнем углу, были только у Стефано и его жены Лусии, так что все эти привлекательные вещи терпеливо ждали своего часа. Но молодые завели моду таскать сюда баунти да разные пепси, что было нехорошо. Всему своё время и место!

Библиотекой буфетную называли родители Стефано, тогда много читали, после них остались тяжёлые фолианты в нижней, закрытой части книжного шкафа, однако, не возбраняется полюбопытствовать, кому внимал имярек прадедушка – всего лишь один поворот ключа. Только редко, совсем редко открываются тяжёлые створки.

Впрочем, наверху, за стеклянными дверцами, есть выбор, и наряду с Библией, как же без неё, тут много чего полезного для ума, например, последние сочинения Умберто Эко, хотя и не до конца дочитанные, – заметно по слежавшейся, не тронутой пальцами толще листов.

Отец Стефано, водивший дружбу с кубинскими сигарами, переименовал библиотеку в курительную. Кто заразил

его барской привычкой, уже и не вспомнить – времени, когда он дымил здесь, прошло немало, а запах табака всё ещё витает в помещении, появление его замечено в связи с горящим камином, видимо, дух табака дружит с духом огня.

Сегодня по обыкновению Стефано устроился на своей лежанке справа, и не то спит, не то дремлет. Рот его, как у многих стариков, открыт в расслабленности и вместе с вздёрнутыми бровями образует удивленное выражение. То, что видит Стефано, не совсем сон, это воспоминание.

... Стефано с гостями рассматривает убранство уютного нарядного ресторана в мавританском стиле. Лёгкое строение с террасой в глубине апельсинового сада окружают светильники затейливой ковки; резные фигуры из эбенового дерева странным образом объединившись с кактусами самых причудливых форм, образуют мистическое пространство. На чёрно-зелёном фоне белоснежная сервировка почти звучит. Позвякивание теснящихся на серебряных подносах высоких бокалов с шампанским, тихая музыка и журчание воды, огибающей обеденный зал, внушает покой и умиротворение. С бокалом в руке к Стефано приближается друг – это его ресторан выходит сегодня в плавание.

Дядюшка Стефано дёрнулся, он силится сбросить сон и отогнать чувство зависти, поразившее его и материализовавшееся в виде большой зелёной навозной мухи, деловито потирающей свои мохнатые лапки. Чудовище пугало подробностями мерзкого тела и громким непереносимым звуком,

сопровождаящем кружение. Муха крутилась вокруг головы и норовила проникнуть внутрь, вызывая страх.

– Господи! – взмолился Стефано и во сне и наяву, – не могу без твоей помощи, освободи меня от нечисти, пролей свой свет!

Сквозь пелену дремоты прорвалось шуршание шин маленького велосипеда, на котором катался по обширному залу внук, и Стефано с облегчением осознал: нет больше зависти, и нет мухи, явившейся затем, чтобы напомнить, как сильна животная природа!

Внутренним взором Стефано-хозяин увидел всё наполнение дома, будто никаких преград не было и в помине: за стеной, неподалёку, раскинувшись на белом шелке простыни, посапывает душистая его роза, хохотушка и плутовка София... Она так и осталась для него маленькой девочкой!

А через стенку, в соседней комнате, с открытыми глазами, лежит, словно застыла навсегда, Лусия, его жена. Как же мало места она занимает на пространстве их общей кровати! Слез не видно, но она плачет, он чувствует это.

... Хозяин давно уже крепко спал, отдавшись во власть невидимого, как вдруг молния прорезала пространство сна, раздались раскаты грома.

– Слава Богу, все дома.

Осознавая опасность, Стефано, чтобы прервать тяжёлый сон, перевернулся. На другом боку было неудобно, зажимало сердце, его тело само вернулось в прежнее состояние. И тот-

час продлился сон с раскатами грома и проливным дождем.

Он стоял на самом высоком месте их оливковой рощи, промокший и продрогший и понимал, что держит ответ.

– Я старался, – говорил Стефано тихо, – помогать людям, как учил Христос.

Негромкий смех заставил его продолжить:

– Старался помочь раньше, чем они сами просили об этом...

– А как ты прожил свою жизнь, ту, которую наметили Там?

Стефано знаком был вопрошающий голос и вот-вот он его узнает...

– Да ведь это мой голос! – облегчённо догадался Стефано и отринул тревогу.

Сменились и видения. Развернулись совсем другие переживания...

Он, молодой и сильный, бросает и бросает уголь в топку где-то внутри тесного помещения. Нить сна оборвалась, и некоторое время побыв в неопределённом забытии, Стефано вынырнул во сне в Марселе. Так гласила надпись на здании таможни, напротив которой пришвартовалось судно. Он держал за пазухой расчёт за последний рейс, и делал первые шаги по набережной. Ощущение бестелесности и восторга, такого, что манит в небеса, овладело им, и он запел детскую

итальянскую песенку:

– Farfallina, Bella e Bianca, vola, vola mai si stanca.

А некто прокручивал дальнейший сценарий его жизни.

... Нагулявшись по городу, он зашёл в портовый кабачок поесть, да так и остался до вечера, попивая винцо, а когда захмелел и попытался пристроиться поспать, хозяйская дочка, прибиравшая в зале, не на шутку рассердилась:

– У нас приличное заведение, извольте покинуть его и найти ночлег в другом месте.

Встретившись с изумленными глазами Стефано, девушка закончила фразу тихо, почти просительно и ответила долгим взглядом. Некие флюиды подсказали ей, что он свой, родной человек. Стефано дружески взял её руку с тряпкой, легонько потянул к себе:

– Давай вместе приберём в зале, я это умею.

И в этот момент его девушку подхватил и унёс вихрь. Конечно, он пустился в погоню и гнался, выбиваясь из сил, пока не свалился от усталости. В крайнем изнеможении он попытался встать, но злодей с наколками ужасных драконов уже держал перед его горлом нож блестящий и тяжёлый.

– Мне не нужен в баре приживала, мои дочери справляются с работой. Твой пропуск сюда – имя успешного человека, – прохрипел злодей устрашающим голосом и несколько раз рассёк воздух перед лицом поверженного Стефано.

Произошла смена декораций.

... Перед его усталым мысленным взором мелькали люди, кафедры, книги, рестораны... Голова раскалывалась от невозможности решить некую задачу – шум в ушах, означающий крайнее переутомление, соединился со звуком фанфар. Он едва не уронил от волнения ножницы, которыми разрезал ленточку, открывая свой ресторан итальянской кухни в Сан-Франциско. Золотые буквы на фронтоне складываются в привычное «У Стефано», что означает торговую марку высшего класса. Их тридцать по всему миру, но именно этот стал самым желанным. Он смог, сумел вшить свой лоскуток в пёструю картину почитаемого города, где так привольно расцветает всё новое.

И всё ради и для... он посмотрел на грустную (неподобающе для такого случая!) жену, измученную ревностью и подозрительностью, истерзанную неравной схваткой со своими мыслями и сдавшуюся им. Тут Стефано уже ничего не мог поделать, в свои 75 лет он был чист, как стёклышко, и верен своей Розе, как дворняжка хозяину.

– Ах вот, значит, какую жизнь я мог прожить, – вытягивая себя из сна, думал Стефано, – там я тоже упорно трудился и даже достиг успеха. Однако как расходуется это с моими усилиями здесь.

После кофе, уже за рулем старенького лендровера, он всё ещё переживал ощущение удачно завершённого дела, свой звёздный час, привидевшийся ему во сне.

Ноги сами привели Стефано к могучей сосне, знакомой

до последней щербинки. Устроившись на подстилке из иголок и привалившись к шероховатому стволу, он почувствовал внезапный прилив сил.

– Всё идёт правильно, но мне не дано знать замысел моей судьбы. "Судьба – это желание свыше". Я – часть чего-то целого, оно живёт во мне и подчиняет. Такова воля единой силы, – на некоторое время успокоил себя Хозяин.

Оставленный невдалеке город чётко прорисовывался на синем покрове неба. До боли знакомый каждой башенкой, куполом, ломаными линиями домов, город-крепость, его дом – живой организм.

Нередко Стефано, казалось, видел тех, кто подобно ему, был частью Субасио: первопроходцев, одержимых идеей заложить на горе чудо-город, архитекторов, строителей, всех, когда-либо живших в его стенах, и путешественников – они оставили в нём свой труд, вдохновение, благодарность восхищённой души, и потому над городом кружила благословенная аура.

Стефано представлял как из небытия возникло это поселение, созданное, главным образом, в сознании множества людей.

Страшно подумать, как давно – пятьсот лет назад фантазёры и мечтатели облюбовали гору, с которой открывались необозримые пространства. Медленно и долго шло строи-

тельство, казалось, авторы проекта и исполнители наслаждались самим процессом. Прокладывались дороги и тропинки через нетронутый лес, по ним доставляли камни из недр соседней горы. На мулах и лошадях, в кожаных мешках и сумках, на грубых телегах строители возносили их на макушку, откуда открывался весь белый свет. Начертанный на пергаменте, а позже высеченный в мягком известняке на одной из башен – для всеобщего любования – план крепости год за годом, столетие за столетием превращался в город.

После крепостных стен, в которых по первости нашли пристанище и жители, и каменщики, оборонительной башни в центре, демонстрирующей силу и благополучие города, построили церковь, отличавшуюся строгостью форм, с фасадом как у древнеримского храма и невысоким куполом. Колонны с капителями, украшенными кудрявыми листьями аканта, подчёркивали устремлённый к духовному замысел автора.

Кампанила со шпилем, возведённая позже, была иная, похожая на нисходящий с небес водопад, но легка и воздушна. Как удалось достичь зодчим такого воздействия – непонятно, как, впрочем, непонятно вообще, откуда далёкие предки черпали свои знания, вдохновение, умение делать сложнейшие расчеты и ныне сохраняющие город-крепость, все его строения в первозданном виде.

Сегодняшние обитатели – соавторы предков. Они заключили свои музейные экспонаты в пышные рамы из цве-

тов и растений. Крыши расцвечены коврами из ярких гераней и петуний, стены затянуты душистой зеленью жасмина, швы старых плит пешеходных дорожек прошиты крохотными маргаритками, на них в июньский полдень с пышноголовых деревьев сыплется липовый цвет, его сладким ароматом пропитано всё. Даже спустя время, уже дома, открыв чемодан, с которым побывали в это время в Субасио, вы чародейством запаха вновь оказываетесь в благословенном месте.

Стефано находит самую высокую точку крепости, откуда доносится звук колоколов: теньканье сменяет ровное, спокойное звучание басов. Мелодия не уплывает в никуда, ею дышит пространство.

Субасио обозначен лишь на самой подробной карте, но его обитатели с закрытыми глазами найдут дорогу домой, ведомые колокольным звоном. Исстари живёт поверье, будто он снимает душевные отягощения, и в этом убежден каждый. Стефано догадывается, что магическая сила – от веры. Он вглядывается в абрис крепости на заднике небосвода – иероглиф, поющий славу бытию!

Слова, способные хоть отчасти передать чувства, толкались, просились наружу, но застревали, словно натываясь на невидимую

преграду и, наконец, хлынувшие слёзы освободили дыхание:

– Господи! Как я был неправ, когда гордился своим вкла-

дом ... а где все это время была моя Лусия?

Стефано пришёл в себя на дороге, ведущей к другу. Туда он устремлялся всякий раз, когда, жизненные дела загоняли в темноту.

Откуда бы вы не приближались к Кастелуччо, вам не миновать извилистого серпантина, бегущего через множество тоннелей, исчервивших лесистые горы. Пока машина не спеша утюжит горные склоны, глаза не раз благодарно обнимут оставленные внизу пространства богатой и вольной страны. По ним проводят «кровь земли» многочисленные ручьи и привольная река, подчинившая долину. Нрав водных артерий непостоянен: зажатые теснинами, они, выражая недовольство, режут, ворочая камни, а вырываясь на простор, разливают своё серебро и несут обитающих рыб бережно и неспешно, как терпеливая мать.

Дорога взбирается всё выше в горы, растительность постепенно убывает, открывая снежные шапки на дальних вершинах,

откуда тянет холодком.

И вдруг, за очередным витком появляется разноцветная долина: алые поля сходятся к горизонту. Это маки. Среди них вкрапления изумрудного и фиолетового – травы. В пурпурном цветении возникают подвижные тёмные пятна – стада лошадей и овец превращают лубочную картину в реаль-

ную жизнь. Склон, покрытый колышущимися травами, подобно живому существу, наблюдает, как всё происходит.

Стефано вышел из автомобиля на цветущую твердь и бросился в самое нутро луга, чтобы всем телом прижаться и впитать медовый запах трав и сыроватый – земли, услышать деловитое жужжание пчёл и увидеть голубой покой небес. Он лежал и ощущал, как между ним и землёй появилось единение. И в тот же момент его душа откликнулась и запела... время исчезло. Поднимался он нехотя, как из объятий Любящего нас...

Осталось всего ничего – один виток вокруг горы, на вершине которой развевался флаг над харчевней друга Мариуччо.

Хозяин длинного стола – вот он собственной персоной. Седые усы аккуратно пострижены и спорят белизной с колпаком, торчащим как корона от жёсткого крахмала. Друзья обнялись. Оба не доверяют словам и чаще всего при встречах молчат.

Их жизнь проходит на виду друг у друга с детства, и все изменения видны без слов. Мариуччо знает, что друг всегда ужинает дома со своей семьёй и идёт готовить кофе, до которого оба охотники. Стефано, усаживаясь за длинный стол, где обычно размещается дюжина гостей, в распахнутое окно видит только что оставленные горы с ледником посередине, алый луг, разделённый ниткой дороги, клубящиеся облака с позлащённой каймой, и внезапно ощущает себя маленьким

и растерянным перед огромным миром.

Присутствие живого существа заставило его обернуться: величавой поступью, достойной знаменитого тореадора, подносящего ухо поверженного быка даме сердца, к нему приближался друг Мариуччо – лохматый кот с мышью в зубах. Стефано убрал ноги, открывая проход коту на кухню, к хозяину, и рассмеялся.

Увиденное являлось метафорой его жизни, только кто тот хозяин, ради которого он ловит своих мышей... Блуждающие мысли вернули его внимание к многожды обласканным глазами произведениям природы, развешанным по стенам. Косы лука, увесистые булавы копчёных ног на крепких крючьях, расставленные на полках соленья...

Стефано с любовью обводит взглядом полки со злаками в длинных стеклянных банках: вот знаменитые чечевицы, выращенные Мариуччо на лугу внизу – оранжевая, зелёная, рядом золотое просо... У Стефано есть подозрение, что вся компания поддерживает связь, а пучки мяты и лиловой лаванды время от времени погружают их в гипноз, чтобы не смущать человека.

Глоток крепкого кофе обычно устанавливает между друзьями сердечное единство, и иной раз это заменяет им беседу. Но не сегодня. Стефано несколько раз откашлялся, как бы освобождая словам дорогу, и, когда чашки были определённо пусты, он, заглядывая внутрь на разводы произвольно сложившегося рисунка, словно силясь прочесть его, прого-

ворил:

– С Лусией что-то неладно, Мариуччо.

– Она сказала?

– Нет, она не говорила. Видно. Она враз сникла, как трава осенью. Всё было, как всегда, Лусия ни на что не жаловалась, как обычно... – растерянно добавил Стефано. Выждав, пока друг поймет серьёзность проблемы, он продолжил:

– Что делать? Такого не было: она не хочет говорить. И не смеется, – выложил самый последний аргумент.

Мариуччо осторожно передвигаясь вдоль стола и смахивая с него что-то невидимое, оберегая тишину маленького пространства харчевни, дошел до барной стойки, и, словно обретя рядом с ней уверенность, решительно повернулся к другу и, подойдя к нему ближе, чем обычно, выдохнул:

– Ты её обидел!

Стефано недоумённо взглянул на товарища.

– Чем это?

Мариуччо напрягся, было видно, что разговор ему даётся трудно.

– Ты не замечаешь её жизни!

– Как не замечаю? С утра до вечера вместе. Я вижу всё, что она делает. – Стефано говорил медленно, словно вглядываясь в оставленную позади жизнь.

– Не об этом речь, Стефано. Она устала ждать, когда ты выглянешь из своей бочки.

– Какой бочки, что ты несёшь?

Ответ прозвучал растерянно.

– Знаешь Диогена, который голым ушёл из мира, оставил там всё и поселился в бочке, чтобы быть ближе к Богу? Ты, как он, мудрствуешь, живешь сам по себе.

– Ну и что?

– Женщина так хитро устроена: творит жизнь, может всё сделать не хуже мужчины, но ей нужна поддержка, вроде той, когда мы руку подаём при выходе из машины. Что она сама не может? Обходительность, внимание – вот что надо любой женщине. Мариуччо понизил голос и проникновенным шёпотом изрёк:

– Любой красавице и умнице нужна оправа и никто кроме мужчины не может её соорудить. По тому, как преподносит он свою женщину и что в ней ценит, и другие её принимают. Бывает, и посмотреть не на что, мышь серая, а найдётся умник – разглядит в ней такое... Обхождением и вниманием из неё королеву сделает, обзавидуешься!

– Но она мне не говорила об этом, о внимании.

– А вы часто разговариваете? – немного стесняясь спросил Мариуччо.

– Нет. Всё больше о делах... с расстановкой произнес Стефано,

и голос его сник, лишился силы.

– Стефано, а ты "даешь своей жене комплименты"?

– Что? – не понял Стефано.

– Ты же знаешь, что покойная моя Сандра так и не выучи-

ла итальянский как свой родной, и когда я долго не хвалил её, она напоминала:

– Мариуччо, ты почему не даёшь мне комплименты? Я без них зачахну как цветок без полива, без них я могу забыть, что я – самая-самая!

– Ну, что с ней было делать? Я научился видеть, как Сандра делает из нашей жизни танец. Как же её не хвалить! Твоя Лусия хочет, чтобы ты её замечал, – убежденно произнёс он и продолжал рассуждать:

– Сыновья далеко, видите редко, София – хорошая дочка, но у неё молодая, горячая жизнь, а ты ушёл в свои пампасы. Лусии одиноко, это опасная болезнь. Прости, Стефано, у меня небольшой опыт по этой части. Думай сам.

С этими словами он взялся за горлышко большой бутылки с беловатым напитком и налил по маленькой рюмочке. Глотком лимончелло заканчивалась каждая их встреча.

Ужин уже ждал Стефано, но он по заведённой привычке заглянул в зал ресторана и остался доволен – несмотря на поздний час, все столики заняты. Лусия приготовила, как он просил, форель. Нежнейший рыбный запах сказал ему, что она удалась. Не желая нарушать семейный обычай, им же и заведённый, не вести за едой серьёзных разговоров, Стефано отдал должное рыбе, подкладывая лучшие кусочки Лусии, передал ей привет и мешочек чечевицы от Мариуччо, и, когда жена принесла мятный чай с кедровыми орешками, он решился на разговор.

– Лусия, ты часом не заболела?

– Это видно?

– Только слепой и глухой не заметит.

– Я нарушила твой покой, сожалею, Стефано...

– Да не о покое я печалюсь. Что надо сделать, чтобы ты стала прежней Люсией?

– Ты винишься оттого, что мало уделял мне времени? Каждая женщина – Королева своей семейной державы. Сколько бы внимания не оказывали подданные – ей всё мало. Она тихо рассмеялась.

– Стефано, ты уверен, что хочешь знать правду?

Люсия была серьезна, но глаза её поддразнивали. Стефано сделал движение плечами – так хорошо известное ей, означавшее нетерпение.

– Ты был мне хорошим мужем и хорошим отцом для наших детей, у меня нет на тебя обид. Причина моей, как ты сказал, болезни не в нашей с тобой жизни, она, наверно, во мне самой.

Лусия села поудобнее, некоторое время молча рассеянно смотрела на Стефано, и, в какой-то миг преобразилась внешне: подобралась, как бы истончившись телом, и подавшись в сторону мужа и улыбнувшись, стала говорить мягко и вспоминающе:

– Помнишь, когда мы узнали друг друга, то просто провалились в любовь, в запредельность, где каждый для другого был величайшим сокровищем. Время, проведенное вме-

сте, взрывалось фейерверками счастья. Хотелось вывернуться наизнанку, только бы любимый ещё больше радовался... Было ощущение, что вот-вот откроются тайны бытия... Мы кружились в объятиях мира, и казалось, так будет вечно...

Когда чувства стали остывать, родился первенец Марко... И любовь, будто набравшись сил, снова хлынула в наш дом.

В другой раз её принесла малышка Софи... Открыли ресторан. Возникали новые всполохи счастья, но они так быстро гасли...

Мне хотелось вновь пережить тот высокий накал, что нёс нас на крыльях вначале. Появились честолюбивые желания: стать хорошей матерью, умелой домохозяйкой, бухгалтершей, наконец. А ты не забыл, Стефано, как в сорок лет я танцевала бергамаску и тарантеллу на празднике города. Ты мне говорил тогда, что я прирожденная танцовщица. Говорил? Я добивалась успеха и, убедившись, что очередную задачу выполнила на отлично, тут же теряла интерес и намечала новую, чтобы, миновав её, бежать дальше.

Стефано никогда не слышавший от своей жены подобных исповедей, сидел молча и напряженно. Интонации Лусии выражали чувства, которых он не знал. Услышанное входило в него как вода заполняет некогда пустое русло. Сметая всё на своем пути, новая картина жизни устанавливалась стремительно и без его участия.

Остановившись на секунду и взглянув на мужа, который, она и так чувствовала, не пропустил ни одного слова, продолжила:

– Так я пролетела свою дистанцию. Но случилось короткое замыкание: в его свете я увидела, что получилось, и прорезвела. Бег в никуда закончился... Тайны заволкло пеленой – даже в конце я не знаю, в чём смысл моей жизни. Тогда для чего я проделала свой путь? И чем он отличается от пути пчелы или муравья? Мне стал неинтересен мир, который сама же и создала. Подумать только, Стефано, я продремала целую жизнь! Мне так жаль... Я хочу узнать тот, существующий вечно... по законам, не зависимым от лукавого человека. Если ещё не поздно... Пожалуй, я сказала всё.

Стефано сидел не шевелясь, с закрытыми глазами. Он видел перед собой две параллельные дороги, восходящие в небо, по ним брели два одиноких путника.

– Это только начало Пути, – подумал Стефано. – Вселенная бесконечна. Значит, мы с Лусией обязательно встретимся.

Ложь в моей жизни

Мать подруги – мой пример в жизни, во многих и многих житейских ситуациях. Жилетка, в которую можно поплакаться. Моментальный отклик на любое событие. И даже кредитор, ссужающий меня деньгами беспроцентно, не ограничивающий во времени. Зовут её тётя Пана, почти всю жизнь работала в институтской библиотеке. Ей 95 лет по паспорту, и каждый момент – другой возраст, в зависимости от настроения. У неё полный энергии и оптимизма голос тридцатилетней женщины и уйма вредных привычек, которые она отстаивает как исключительно полезные.

Она видела и пережила много человеческих опытов. Считает, что всё насылается исключительно для того, чтобы занять человека чем-нибудь в жизни.

Одна из наших бесед неожиданно приняла исповедальный характер, и вот что я услышала:

«Сколько себя помню, столько и лгу. Постоянно. Всем. По необходимости. По настроению. По привычке. Для развлечения. Специально, чтобы отвести удар.

Зачем люди породили слова? Слова заменяют действия. Чтобы управлять страной разумно, нужно вложить много разного труда и умений. Используя слова, можно ничего не делать и обещать, что через двадцать лет мы будем жить при

коммунизме – кум королю.

Во лжи спрятан секрет собственного благополучия и сохранности. Мы его получили от наших далёких предков. И каждый человек трудится ежедневно, развивая его неустанно упражнениями, закрепляя в генах. Воспитывая своим примером потомство. Это исключительно «плодотворный» труд, сто́ит только незашоренно посмотреть на наше общество.

Естественный отбор поощрял ловчил и хитрецов-обманщиков, оставлял способных не моргнув обмануть и съесть. Так что ложь помогала сохранить свой набор генов и уничтожить чужой. На этом держатся кланы властителей мира. Такой же отбор прослеживается в сообществах воров. Наш язык – оружие лжи, превосходящее все другие силы.

Бедный Блаженный Августин! Сколько искренних слов он истратил, убеждая, что человек не вправе лгать. А мы живем в эпоху, когда само понятие правды устарело. Это чувствует каждый, об этом говорят нынешние философы. Если честно подходить, то лингвистическая ложь – норма жизни. Она в основе мировой политики. Ежедневное доказательство – экран телевизора.

Я дожила до глубокой старости, расчищая себе жизненный путь этим самым ментальным оружием – ложью. Неуступчивая с детства, упрямая, скоро поняла, как оставление своей правды портит жизнь. «Прозрение» началось с того, что быть евреем опасно, позорно и невыгодно. По-

скольку внешность не поменяешь, рыжие волосы и еврейские гены пропечатаны в каждой клетке, пошла по пути революционных комиссаров – изменила фамилию, имя, отчество. Вместо Ализы Самуиловны Штейнберг невероятными усилиями – уговорами, подкреплёнными подкупом, – я стала Прасковьей Семёновной Головановой (имена придуманы автором рассказа). Под этой фамилией закончила в Томске институт и была направлена в библиотеку самого северного города на Сахалине. Мужем моим стал финансовый работник НКВД.

Совсем недолго прожили вместе. Его арестовали и упрятали так, что

следов не сыскать. Это потому, что его расстреляли. Узнала об этом много лет спустя, когда получила извещение о реабилитации. Всё у нас забрали тогда до последней ложки, мне позволили жить в общежитии рыбообработчиков. Жуткое событие совпало со смертью во время родов сестры в Хабаровске, у которой осталась рождённая дочка. Невероятной изворотливости и усилий стоило претворить в жизнь возникший план.

Срочно изобразила свою беременность с помощью стёганных накладок. Всем, знавшим меня, рассказала и показала, что в положении.

И поехала на похороны сестры. О рождении дочки у сестры, естественно, не говорила. Привезла своего якобы недоношенного ребёнка, девочку Алёну, которую зарегистриро-

вала как свою дочь.

До самой своей смерти моя дочь так и не узнала, что она не мой ребёнок. Наше общество длительное время совало нос в частную жизнь, и ретивые граждане, вытаскивая тайну наружу, чувствовали себя достойными правдолюбам. Быть вдовой врага народа с ребёнком, значило быть отверженной. Хотя в городе в последующие двадцать лет не было ни одного библиотекаря с высшим образованием, я оставалась рядовым библиотекарем, которому всякое продвижение по службе заказано. Это только два примера из моей жизни.

Ложь во спасение помогла мне продержаться долгие годы. Всё это время я находилась в обществе книг и личностей, их создавших. Они научили меня отличать правду от лжи и видеть собственные ошибки и слабости. Но видеть – это не значит избавиться. Скорее, это помогало видеть недостатки других людей, приобрести чужие опыты, в том числе и обмана, себе на пользу.

Особенно впечатляет анатомия человеческого разума и духа Далай-ламы, которую он раскрывает в своих книгах. Его Святейшество сам практикует тренировку сознания под руководством опытных наставников с четырех лет. Здесь есть над чем подумать.

Положительные эмоции в моей жизни зависят от мироощущения – мне нравится жить, каким бы боком ко мне не поворачивались события. Есть ощущение, что не зря живу: что-то очень важное в этой жизни я не сумела сделать. Воз-

можно, так и уйду со свои долгом...

P.S. Поняла, что ни слова не сказала о правде.

Я стараюсь говорить правду. И нередко у меня это получается. Как радостна она, как сияет чистым светом! Она вызывает песню в душе. Всё преображается в её пространстве: становится лучше, выразительнее, красивее...

Правду говорю только такой же долгожительнице, как я, – моей собаке. Она меня точно не выдаст!»

Час синей птицы

Эта командировка не заладилась с самого начала. Среди дождливого дня, когда так хотелось спать... да хоть положив голову на свой письменный стол, а лучше – дома, на мягком... Прокуренный голос секретарши грубо вмешался в сладостную дремоту:

– Пока председатель на работе, подпиши командировку – и в бухгалтерию. Завтра «Марина Цветаева» идет на Южные Курилы.

Едва открыла дверь в кабинет председателя телерадиокомитета, как в носшибанул запах отработанного алкоголя. Вступив на десятиметровую дистанцию к столу, поняла, что поспешила. Председатель, нагнувшись, что-то пытался засунуть в тумбочку. Остановившись, тоже ошиблась. Звук упавшего предмета и расползающийся в моем направлении вишневый ручей распространял ненавистный запах спирта. Я смотрела на почти живое существо с интересом и отступала.

– Что, не видела, как чернила разливаются? – нарочито грубовато прервал мои наблюдения бывший военный. – Быстро! Уборщицу сюда!

В коридоре меня пронял неудержимый смех, сменившийся раздражением. В командировку не хотелось. Ещё больше не хотелось с оператором Цапко – по причине полного

несовпадения наших пазлов. И уж совсем не хотелось быть на людях, будто они могли знать моё поражение на вчерашнем разводе в суде. Бывший муж не сказал ни одного слова утешения. Это после пятнадцати лет жизни с таким ангелом, как я.

Хотелось плакать на первом подвернувшемся плече. Плечо Цапко для этой цели не подходило. Твёрдо решив придерживаться только позитивного отношения к жизни, отправилась обсудить своё невезение с подругой.

На Курилах интересно бывать туристом. Еще лучше – в компании с сопровождающим, влюбленным в красоты острова. Задание – подготовить сюжет из рыбообрабатывающего цеха и отснять видеоматериал для кинозарисовок всего за два дня – не оставляло времени даже для пустячной радости командировочных – окунуться в целебные источники.

Провонявшему рыбцеху, как преисподней, света, видимо, не полагалось. Поэтому, застряв в первой же канавке, полной рыбьих внутренностей, я подвернула ногу и до крови ободрала стопу. Сюжет мы отсняли, но горбуша превратилась для меня в личного врага.

Ночью в гостинице всё ходило ходуном, постояльцы пили водку. Среди них оказался литературный десант из Москвы. Поэты, распарившись в сероводородных ваннах, до утра заывали стихи. Один перепутал мою дверь с клозетом (замок вырвали прошлой ночью и ещё не вставили). Пришлось во всё горло звать на помощь его товарищей. Но оставить свой

след он успел.

В шесть пятнадцать утра с видеокамерой на плече, со штативом и кофром стоял на крыльце Цапко и укоризненно смотрел на часы. Совершенно забыв о намерении относиться ко всему позитивно, я осознала, как мысленно произношу ругательное слово. Да провалиться мне со стыда! Человек ничего плохого не сделал.

«Горе мне, горе»! Откуда это? У любимой Цветаевой в другом контексте – о ГОРЕ. «Дай мне о горе спеть: о моей Горé». Потому и крутится, что мне горестно.

И мы пошли. Я с кофром, где болтались, на мой взгляд, ненужные железяки. Поэтому хромоту утрировала. Скоро она стала настолько натуральной, что я едва плелась. Сашок, время от времени весело насвистывая, устанавливал штатив и с большим воодушевлением снимал.

Шли мы к мысу Столбчатый, в четырёх километрах от поселка. Кто-то продолжал громоздить препятствия: шторм навалил горы морской капусты, ноги постоянно разъезжались. В осклизлых ворохах, запутавшись в кустах морского винограда, среди тяжёлых малиновых медуз, переплетённых бинтами водорослей, копошились в дезориентации беспечные беспозвоночные. Набрал полный пакет шевелящихся крабов, осьминожек и прочего сброда, я возвращала их в море.

Александр, далеко учесавший вперед, через видеоискатель увидел мои самаритянские подвиги. Дождавшись пока до-

хромаю, попытался ненормативной лексикой выразить своё отношение. Тут я поняла, что настал подходящий момент. На законных основаниях самообороны, без всякого отбора поражающих средств, я откровенно рассказала, как ненавижу мужчин, особенно со дня развода. Его ненавижу за принадлежность к полу и отсутствие джентльменских качеств – особенно.

Последнее обвинение попало точно в цель. Он с трудом открыл рот и произнес:

– Оставайся здесь. Жди меня!

Ушёл, не оглядываясь. Только когда он скрылся с глаз, я увидела, что кофр стоит на песке. Маленькая месть чуть-чуть успокоила. Но только чуть-чуть. Жалящая обида, поднявшаяся со дна души, была несовместима с наступившим дивным солнечным утром.

Стаи птиц носились над берегом и над водой. Одни бесконечно забавлялись, появляясь и исчезая. Тяжёлые, как гуси, чайки, объевшись, огромными колониями отдыхали, испещряя берег белыми пятнами. Бесконечно и деловито сновали мимо прожорливые, суетливые, на паучьих ногах, бекасы, раздражая беспримерным трудолюбием во имя желудка. Нерпы то и дело подплывали всё ближе и ближе, заглядывая в глаза и в душу. Вода у берега кипела от идущей на нерест рыбы. Всё жило, ликовало, двигалось, связывалось между собой...

И только я никому не была нужна и сидела как пень

посреди этого жизнеутверждения. Припекало основательно. Неподалеку берег подпирала красивая скала, похожая на ба-
ян с растянутыми мехами. Перебравшись в её тень, я почув-
ствовала себя значительно лучше. Робинзон Крузо во мне
оживился.

Очередной всплеск огорчения пришел вместе с чувством
голода. Александр унёс нашу еду! Новый повод был серьез-
нее прочих. Я пошла пособирать какие-нибудь недозревшие
ягоды. И тут-то... увидела её.

Она сверкнула на фоне неба, пролетела над моей голо-
вой и зависла над щелью в скале. Ну, если это была птица,
то непременно райская. Её ярко-ярко бирюзовое, лазоревое,
переливающееся на солнце оперение сверкало, как сполох
опала. Конечно, я стала ждать её и дождалась много раз. Она
носила корм птенцам. Всякий раз, как пуля, мелькала над
головой и потом исчезала. В какой-то момент птичка при-
ютилась на маленьком выступе и долго сидела, издали похо-
жая на кусочек бирюзы.

Не отрывая взгляда от этого комочка, я стала шёпотом жа-
ловаться ей, как обидел меня муж и несправедлива жизнь.

Чудеса бывают! Боль затихла, внутри становилось легко и
светло. Уже захотелось пробежаться по берегу, растянуться
на песке, подставив себя солнцу! Тут я вспомнила о кофре. И
не ошиблась – там был фотоаппарат. В таинственном нутре
и запечатлелось моё неожиданное утешение – синяя птица,
десятки её отражений.

Есть час души, час тьмы. У меня есть Час Синей птицы. ___

Миражи Монголии

Уже в детстве я знала лучший способ существования. Жить путешествуя! Об этой тайне никому не рассказывала, но готовила себя к таким дням. Предчувствовала: именно в дороге человек быстрее всего встречает необходимых людей, переживает нужный опыт, находит ответы на вопросы, а если повезёт – постигает истину. Любое перемещение в незнакомое пространство становилось для меня встречей с неизвестным, волнующей и желанной.

Слово «Каракорум» застряло занозой в памяти с тех самых пор, когда этнограф Елена Александровна впервые произнесла его – таинственное и узнаваемое. Так называлась новая столица Монгольской империи. Тогда, в студенческие годы, утвердилась мысль о неслучайности прибывшего слова, даже о крепкой связи со мной. Появилась смутная надежда увидеть Хархорум – ещё одно название города-фатума, города-призрака. Он возник в одна тысяча двести тридцать пятом году, словно по волшебству, в долине, где раньше ветер гонял шары перекасти-поля.

Чтобы монгольские воины могли сорок лет праздновать свои блистательные победы, ни в чём не зная недостатка. Там ели, пили, веселились с пленёнными женщинами, охотились, обрастали доставшимися при дележе трофеями, планирова-

ли походы, принимали послов великих держав. А по истечении этого срока город быстро погрузился в забвение. Еще через сто шестьдесят лет шары перекаати-поля, как ни в чём не бывало, чертили таинственные маршруты под бдительным присмотром огромных черепах – стражей долины.

Шли годы, я была занята делами, далёкими от существовавшей всего миг во времени монгольской столицы. Но она, так давно и быстро промелькнувшая, оказывалась всё время рядом, на слуху, и становилась всё ближе. Временами неожиданно являлись целые сюжеты из жизни исчезнувшего города. Сложилась картина бурная, суматошная, как на вокзале, будоражащая, с запахами еды, с укладом, несущим торжество завоевателей и вечное движение, как в наступающей коннице.

Путешествие – это приобщение к сокровенному естеству мира. Родившееся в глубине духовное желание утверждает власть над тобой. Оставив себя прежнего, ты вступаешь в неведомую страну, всматриваешься в чужую жизнь, в спутников, чтобы открыть, воспринять самую суть новых явлений, осмыслить их, претворить тем или иным способом в свое богатство.

Можно представить это как переход в иную реальность бытия. Главное в путешествии – обновление. Оно невозможно без паломничества, где ты остаёшься один на один с природой, чтобы воспринять нерасторжимую общность, понять, как связаны мы и как необходимы друг другу. Для этого надо

соприкоснуться с её тайнами. А где они? Вообще-то повсюду. Для меня они начинаются с первого шага намеченного пути.

Дорога, подобно наставнику, припасает тебе обучающие впечатления. До поры до времени они скрыты. Но как только ты готов их принять, они проявляются. Надо быть очень внимательным, чтобы не пропустить знаки. В путешествиях своя магия, не стоит искать там правила и соответствия повседневной жизни. Зов дороги, у кого он случается, трудно описать словами. Может быть, так: невыразимые чувства – потребность души в определённом опыте.

Как бы хорошо я не подготовилась, не изучила маршрут, не знала культурные особенности – толща времени, к которой адаптированы местные, для меня – неисследованная планета, никак не меньше... Бесконечные пространства располагают к несуетливости.

Монгольские дороги, а точнее, их отсутствие, а ещё точнее, их бесконечное количество, сбивает с толку. А как же разобраться? И какое выбрать направление при таком однообразии – многообразии. Водители-монголы, наподобие птиц, имеют природой встроенные навигаторы. По крайней мере, у меня была возможность в этом убедиться. Если бы не это чудо, терпеливые грифы попиروвали бы нами на славу!

Ближайшая задача – попасть на берег озера Оги, где располагался наш лагерь, и встретиться с семьёй пастуха-кочевника, единственными жителями этого пустынного места –

была водителем выполнена безупречно. Мы не сделали ни одной попытки заблудиться и уложились в назначенное время.

Пятьсот километров – это путь до ночлега. А там до Каракорума рукой подать.

Стояли первые дни октября с его робкими ещё, только утренними морозами, инеем на траве, низким небом. Ближе к полудню нехотя выкатившееся из-за гор, проспавшее солнце принялось за свою рутинную работу: его лучи достигли земли и начинали слизывать иней с короткой травы и прогревать твердь. Казалось, сама благодать явилась показать свою трогательную заботу терпеливой природе.

Вывалившись из машины, мы поодиночке разбрелись по траве, подставляя себя теплу и неге. Короткая растительность, покрывающая все видимое пространство, привставала от земли и, выпрямляясь, хорошела и пушилась, отдавая вонне необыкновенно тонкий, нежный аромат. Так пахнет в больших и чистых гостеприимных домах. Мы все подбирали и подбирали слова, способные хоть приблизительно обозначить привлекательный запах. Выделили ноту свежести.

«Степная воля пахнет так, как пахнет Князь всех трав – типчак»!

Калмыцкий поэт Григорий Кукарека.

Водитель из местных сказал, что это самое распростра-

ненное растение Монголии, которой отродясь питается всё живое. Выходило: все яки и лошади, коровы, козы, овцы, верблюды и свободно пасущиеся свиньи едят в основном эту травку, потому что она в большинстве и покрывает бесчисленные лбы сопок, предгорья, долины. Когда мы позже попробовали разные продукты, сохраняющие непревзойдённый вкус свежего и живого мяса, молока, сыров, то решили: типчак в истории кормления животных, а значит, и народа вместе с ними, совершенно бесценен.

Солнце, уже смахнувшее иней с травы, преобразило покров земли на глазах из белого в изумрудный. Хотелось без цели бродить и блаженно дышать вкусным настоем. Кое-кто отправился «по надобности». Кстати, на бесконечно просматриваемом пространстве это решается изумительно просто. Изредка стоят, как суслики, невысокие камни. Туда ты и можешь

сходить по нужде. Остальные, как только ты взял определённое направление, деликатно отвернутся и до твоего возвращения будут заняты неторопливым разговором.

Прогуливаясь рядом с машиной, я заметила под ногами жёлтый кружок с дырочкой посередине. Переводчица Соёлджин сказала, что это часть украшения одежды, вроде пуговицы, и добавила:

– Здесьняя земля нашпигована мелочами прежних человеческих существований. Мы стоим на Великом шёлковом пути. Он до сих пор подобен бесконечно движущейся ленте

транспортёра.

Путь после привала стал вдвойне интересен. Теперь не только дальние горы с еле различимыми знаками монастырей привлекали меня. И не только грифы, рассевишиеся на небольших возвышениях, точно самодержцы, сторожащие неведомые сокровища. Лисы, нередко бегущие рядом с машиной и не обращающие на неё никакого внимания, тоже стали привычным явлением. Даже идущие вдоль ручья, похожие на драгоценности утки-мандаринки с безупречно проработанным ярким рисунком оперения перестали вызывать междометия восторга.

Воображение полностью заменило действительность. Картина движущегося торгового каравана, неизвестно из какого времени, предстала во всех деталях. Я была в самом центре, на одном из верблюдов, бережно несущем меня в мягком седле. Живая цепочка на всю длину была видна мне определенно сверху. Еле заметно среди бурой травы змеился путь. Дальние, едва прорисованные горы приблизились, словно их сдвинули. Дорога проснулась, вздрогнули неровности на ней, и, потянувшись, она ровным гулом приветствовала вступившую на неё гигантскую сороконожку. Караван оставлял на пути следования запахи, звуки фыркающих животных, крики погонщиков, степенные разговоры

занятых расчетами торговцев, резкие вскрики ссорящихся женщин, их нежный утренний запах. Последний дым погасшего костра всё ещё стлался над утрамбованной коле-

ей. Поварихи прилаживали к дорожным сумам начищенные котлы, которые только что накормили всю эту ораву.

А дорога, между тем, старательно вбирала в себя метки жизни сегодняшних путников. В многочисленные трещинки, под камешки, укрывая слоем пыли, она впечатывала оторвавшиеся пуговички расстегнутого на ночь платья, ленточку из косы, монетку, нечаянно ускользнувшую из кошелька, оберегающий амулет, накануне небрежно закрепленный, износившийся каблук, зеркальце, записочку с любовным словом. Да мало ли что странствующие торговцы, воины, скотоводы могли по рассеянности упустить из усталых, неловких рук и подарить земле.

Она бережно прячет артефакты в своё бездонное чрево. Для них настанет свой час! Запахи, звуки, вздохи, всхрапы, смех и вскрики сонных людей и животных, как и бодрствующих, тоже застыли вдоль дороги, впитались в самый её прах и спят до поры до времени, пока праздный любопытный человек вроде меня не потревожит их покой, не заинтересуется, не уловит, не поймает, например, тихий смех влюбленной парочки. И тогда бытие само радо угодить внимательному.

Вот прорезалось ржание лошадей, и потянуло потом разгорячённых животных. Властные люди гортанными криками доводят разношерстную толпу до состояния одного организма, подчиняя своей воле кочевников, животных, их желания и даже вещи. Караван идет, повторяя изгибы пути. Стихают звуки, дрема и оцепенение овладевают идущими и едущими.

щими. В вышине всюду заливаются невидимые птицы. Я, зависшая над движением, осознаю себя наблюдателем грандиозного спектакля. Отрезвляет чувство чьего-то присутствия. Догадка совсем рядом. Это Творец вместе со мной рассматривает извивающуюся ящерицу каравана, прилепившуюся к колее торгового пути. Мы в сговоре – мы знаем, что являемся частью этой истории. Нахлынувшая волна любви и благодарности объединяет меня с тайным Товарищем.

В это время то ли мираж, то ли видение распадается, как затухающий экран, отдавая пространству всё промелькнувшее в виде волн и частиц. На последний вопрос, вспыхнувший в сознании («А кто

придумал всё это?!»), на небе, прямо над гладью водоёма, куда мы держим путь, чья-то рука рисует: «Ацмудо»! *

Гигантская кулиса отделяла день от ночи. Заходящее солнце дарило нестерпимый для глаз драгоценный пурпур своего величия. В берег мягко уткнулась лодка, трое рыбаков вытащили мешок с зазевавшимися обитателями расстилавшегося перед нами горного озера.

Вечер, проведённый в гостеприимной юрте кочевников, длился и длился... Похоже, мы выпали из времени. Пока шуршащие блюдца кизяков отдавали солнечную энергию аккуратной буржуйке с огромным казаном, полным золотого взбулькивающего масла, женщины, сидя на корточках рядом, ловко препарировали белую рыбу, каждая на своей гладко оструганной доске.

Мужчины и дети с пиалами айрана вели неспешный разговор. Распространившееся тепло сделало их лица такими же пурпурными, как заходящее солнце. Слегка желтоватые куски омуля просто таяли во рту. Благородный вкус и запах напоминал едуку, чего он лишился, выбрав цивилизацию.

В просторных, жарко натопленных юртах, разубранных коврами, белоснежные коконы постелей с воздушными одеялами из шерсти яков тотчас перенесли нас в сладкий сон. Под утро некий таинственный зов выманил из тёплого убежища под небеса. Всё вокруг, включая четырехсоткилометровую цепь жёлтых барханов и жухлую траву, обросло кристаллами инея. Как невесомые, растения колыхались от лёгкого ветра и искрились в свете луны, звёзд и проблеска солнца. Тишина завораживала полным отсутствием звуков, а невероятно близкие звезды пересверкивались над головой наподобие бенгальских огней.

Фантастическая картина была наполнена содержанием. Красота и любовь присутствовали в каждом атоме мироздания. Боясь, что это исчезнет, я стояла, не шелохнувшись. И, наверное, со временем ушла бы в песок, кабы не обжора верблюд, решивший позавтракать спозаранок. Он нарушил мой столбняк, сорвав лакомые веточки с дерева, у которого меня застало изумление...

Забравшись под теплое одеяло, я пролила немало слёз, оплакивая пустое своё существование. Ничтожные мелочи, ничтожные обязательства, которым я придавала вес и

значение, хлопоты, лишённые настоящего содержания, мелкие желания, навязанные кем-то долженствования, праздные, сжирающие время развлечения, жалкая возня вокруг жизненных благ, все эти успешности, ревностное служение мнимым ценностям... Они растратили мою жизнь. Не дали укорениться. Засыпали дешёвым конфетти успокоения... И что же случилось с даром жизни? Она оказалась «даром напрасным, даром случайным»? Ну уж нет! Я здесь для того, чтобы понять важное, освободиться от нечистоты.

Над малым островком жилья, над застывшей чашей, до краёв полной прозрачной, светящейся воды, появился розовый купол, ежесекундно играющий живыми красками расцвета. Подпитанные флюидами солнца, все мы чувствовали подъём сил. Бодрил морозный утренний воздух, вобравший запахи уходящей осени, приправленный тонкой струйкой дыма сгоравшей в очаге сухой травы.

Хозяин занимался с табуном, укрощая молодых жеребцов. Женщины молчаливо и сосредоточенно, почти священно, готовили завтрак. Белая скатерть, голубые пиалы, полные свежего напитка, горячие лепешки с румянцем припека и миски несравненной, янтарного цвета пенки. Мало того, что пенка, произведение неизвестных монгольских кулинарок, – необычайно вкусна как десерт. Это ещё поставщик фантастической энергии для мозга. Трудно остановиться, поедая этот продукт. Поэтому нам вручают лакомство при расставании – дорога неблизкая, пригодится.

Безупречный навигатор нашего водителя и на этот раз не подвёл. Глазу не за что зацепиться, все сопки одинаковы, как бараны в стаде. Но мы минуем пасущихся яков, верблюдов, табуны лошадей, коз... и открывается долина – та самая... куда мы стремились. Белеющий вдалеке монастырь Эрдэни-Дзу – сохранившаяся точка духовного пространства Монголии.

Монахи, узнав, что мы приехали ради знакомства с дацаном, стали с энтузиазмом устраивать нас на ночлег. Ужин и беседу назначили через два часа. Всех повели осматривать монастырское хозяйство. Мне захотелось побыть одной.

Сразу за воротами начиналась пустошь. Сумерки старательно укрывали соседние сопки. Впереди вырисовывались неясные очертания юрты. Идти пришлось недолго. Через приоткрытую дверь струился тёплый свет. Войдя внутрь, я сразу остановилась. Примерно тридцать человек в белых одеждах образовали чёткий круг. В середине горел огонь.

Перед каждым стояла на подносе пиала с айраном. Все смотрели на пляшущие языки пламени. Невероятно, но присутствующие были мне знакомы. Приветливо улыбаясь, они приглашали занять свободное место.

Здесь были и самые близкие и дорогие мне люди, и те, с которыми отношения едва теплились, а то и вовсе сошли на нет. Я переводила взгляд с одного лица на другое и поняла, что не могу вспомнить некоторые имена. И всё потому, что в том времени, где мы были вместе, их лица отягощали за-

боты и переживания. Сейчас они были другими: спокойные и умиротворенные, без печати пережитого опыта. До меня дошло: я вижу души.

Голос подруги прозвучал необычно отчетливо, и меня всецело захватило сильное чувство общего внимания.

– Мы собрались ради тебя. Ты просила об этом. Ты хотела знать, что тебе надо сделать перед уходом. Здесь те, с кем у тебя не завершены отношения. Посмотри внимательно. Запомни. Выпей с нами напиток и возвращайся в монастырь. Тебе предстоит самое главное дело в твоей жизни. Ты здесь, чтобы это узнать.

С фотографической точностью все присутствующие отразились как на экране, прямо у меня перед глазами. И сразу я вспомнила каждого. И поняла: впереди нешуточная работа. Предстояло просмотреть все запутанные отношения, понять их, простить и самой заслужить прощение. Мне показалось, что все обняли меня. Крепко сомкнула веки, чтобы не заплакать, а когда открыла глаза, увидела разрываемое ветром пламя толстой свечи, зажатой в руке. Всё вокруг тонуло в густом сумраке, смешанном с холодным туманом. Юрты, из которой я только что вышла, больше не существовало. Мне навстречу спешили монахи с факелами. —

* *Ацмудо* – не постигаемый. Высшая сила, суть, сущность.

В переводе с арамейского означает «сама по себе». Эта

*сила непознаваема в принципе, потому что не имеет
связи с творением.*

Открой свою дверь

Накануне Елена получила электронное письмо от дочери.

«Мама, время коварная штука: молодым оно обещает никогда не закончиться, пожилых пугает скоротечностью. Нам трудно понять друг друга потому, что каждый живет в своём времени. Ты стремишься обезопасить меня с помощью своего опыта, подстилаешь соломки. Да только он мне не подходит. Уже давно моя судьба, ошибки и выборы определили то, что тебе так непонятно, от чего старательно и настойчиво стараешься уберечь. Ты не заметила, как стала руководить мной. Сколько могла, я терпела. Прими простую вещь – мне суждено пройти свой круг переживаний. Вся доброта мира бессильна перед одним отдельно взятым существованием. Зачем-то КАЖДЫЙ проходит испытание собственным временем. Это индивидуальный капитал. От Бога. Мой. Дается всем по справедливости. Размер – жизнь. Твори. Выдумывай. Пробуй.

Родители должны научить, как его разумно потратить. На это отводится от силы двадцать лет. Мне уже тридцать пять. В последнее время ты слишком настойчиво вмешиваешься, мама. Скажу честно, мне это не нравится. Не страдай, не плачь, постарайся понять. У тебя есть своя жизнь, интересная, наполненная. Нередко я удивляюсь, как тебе удается в

нашей стране вечной лихорадки сохранять способность радоваться по любому поводу. Не могу забыть восторг при виде поля скошенной и скатанной в «бинты» травы. Ты писала примерно так: «Хорошо выбритый

лоскут напоминал рекламного мужчину, у которого за холёной внешностью чудится кладезь непроявленных достоинств. Так и есть – земля хранит истинные богатства. Тому, кто за ней ухаживает, она с радостью отдает их». Вы, пятидесятилетние, удивляете неистощимой энергией, молодым духом. Отправиться на вулканы без особых навыков

к таким походам! Пройти сложный путь осенней порой. Достичь места, где можно увидеть «родовые муки» планеты!!! Три восклицательных знака – мой восторг, не уместившийся в слова. Mamочka, мы обязательно издадим «Путевой альбом». Остается собрать нужную сумму.

P.S. Счастье нередко гостило в нашем доме. Вернись к себе и просто открой ему дверь.

Твоя Ка-Тюха».

Всю ночь Елена не спала, обдумывала написанное, как это часто бывает с родителями, и не сдерживала слез.

Была потрачена уйма времени на письмо дочери, где каждое слово, как солдат на службе, заняло строго определённое место. Она очень придирчиво много раз перечитала его, даже вслух. Отправила не сразу. Потом долго, с волнением, ждала ответа. Но не такого же! Вместо ожидаемой благодарности – отповедь. Значит, все усилия были потрачены зря.

Так и будет катиться жизнь её Катюхи, как вихляющееся колесо. Не для того она трудилась, чтобы спокойно наблюдать горькие опыты. Надо найти другие неотразимые аргументы, убеждающие слова и пытаться еще раз достучаться.

Елена вновь и вновь обращалась к сердцу. Только оно могло указать тропинку к самому дорогому человеку на свете. Вспомнив свою тёзку Елену Прекрасную, способную на величайшие хитрости, когда ситуация выходит из-под контроля, она даже решила намекнуть на некую серьёзную болезнь, побуждающую беспокоиться о будущем дочери. И уже сочинив целый кусок слезливого текста, поняла, как далеко завело настойчивое желание одержать победу.

После очередных рыданий, теперь вызванных стыдом, пришла трезвая, хотя и невнятная пока мысль: может, и вправду незачем навязывать Кате свои советы? Если смотреть правде в глаза, то собственная проблема ни на один день не оставляет её в покое.

Ещё совсем недавно она «обеспечивала повышение квалификации учителей». В переводе на удобоваримый, бытовой – находила передовые методики обучения и отправляла преподавателей на учебу. Трудно оценить такую работу в масштабе области, но руководство постоянно отличало старания то денежной премией, то добрым словом. Пенсионный возраст стал печальным звонком прощания с любимым делом. Молодая энергичная соискательница действительно заслужила назначение. Но всё равно обидно.

Вот уже три месяца Елену преследовала назойливая картина. Поток людей движется по широкой дороге. Все молодые, энергичные, устремленные к цели. И только она стоит на обочине. Так хочется влиться в живую реку, ещё поиграть во взрослые игры, почувствовать себя нужной, деятельной. Невидимая преграда – её собственный возраст. Государству она стала не нужна. Её гордость – житейское богатство, но его отвергла родная дочь!

Телефонный сигнал отвлек женщину от горьких размышлений. Звонила бывшая коллега. Разборки с мужем зашли в тупик настолько, что он взял вечернюю работу, чтобы «не выяснять отношения». Просьба о помощи звучала сигналом SOS. Последний довод: «Мы помним, как ты вернула мужа Петраковой. Все считали, что этодохлый номер! Ты же интуитивный психолог!» – стал решающим. Ответ «Приходи вечером – обсудим» связал Елену с ответственным делом, отодвинувшим собственные заботы.

Споро и деловито она приготовила лёгкий завтрак. Любимый суп-пюре из картофеля и поджаренного лука шалот, слегка приправленный укропом, заставил забыть жгучую обиду. Липовый чай облегчил дыхание и прибавил настроения.

Устраиваясь отдохнуть в коконе верблюжьего одеяла, Елена вдруг почувствовала: проснулось её природное жизнелюбие. Без сожаления покинув уютное гнездо, Елена направилась к компьютеру.

В оформлении обложки фотография автора О. Дитцель «Монастырь «Лихтенталь» в Баден-Бадене, любезно предоставленная автором.